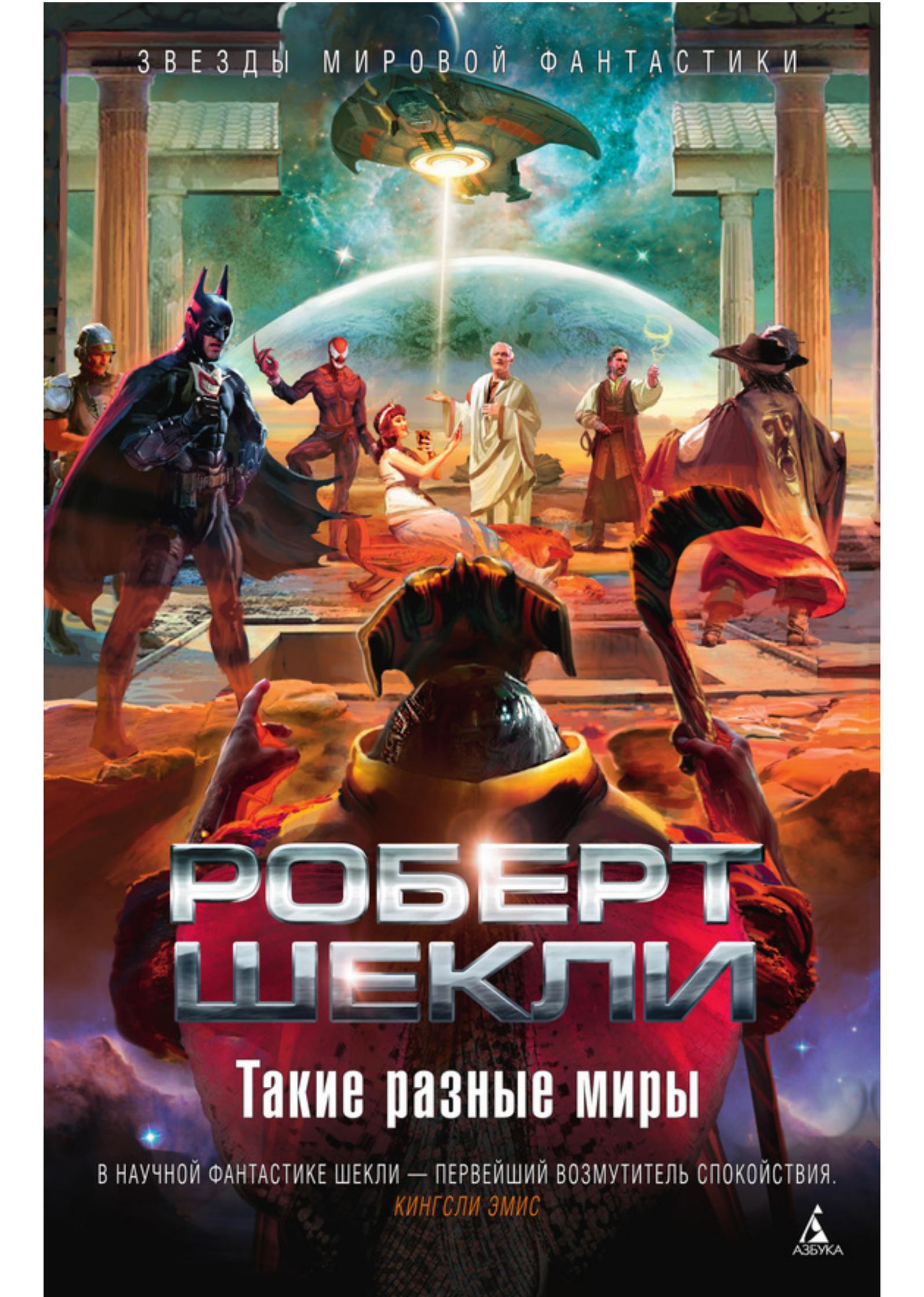

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ШЕКЛИ

Такие разные миры

В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ ШЕКЛИ — ПЕРВЕЙШИЙ ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ.

КИНГСЛИ ЭМИС

АЗБУКА

Звезды мировой фантастики (Азбука)

Роберт Шекли

Такие разные миры (сборник)

«Азбука-Аттикус»

Шекли Р.

Такие разные миры (сборник) / Р. Шекли — «Азбука-Аттикус»,
— (Звезды мировой фантастики (Азбука))

Доблестные защитники человеческой цивилизации отражают нашествия хищных инопланетных орд. Благородные герои комиксов срывают козни изобретательных суперзлодеев. Гуманные маги-искусники подчиняют себе силы потустороннего мира... Вместе с товарищами по цеху, знаменитыми американскими фантастами, Роберт Шекли принял участие в нескольких масштабных издательских проектах, украсив своими новеллами межавторские циклы «Боевой флот», «Годы войны», «Врата времени» и другие. Все эти произведения вошли в данный сборник. Большинство из них на русском языке публикуется впервые.

Содержание

Клаксон	6
Сага предателей	27
Хазара	56
Командировка на Люминос	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Роберт Шекли

Такие разные миры (сборник)

- © И. Гурова (наследник), перевод, 2015
 - © И. Дернов-Пигарев, перевод, 2015
 - © Б. Жужунава (наследники), перевод, 2015
 - © Е. Еремченко, перевод, 2015
 - © Д. Кальницкая, перевод, 2015
 - © Е. Кисленкова, перевод, 2015
 - © И. Русакова, перевод, 2015
 - © А. Сагалова, перевод, 2015
 - © А. Смирнов, перевод, 2015
 - © Т. Усова, перевод, 2015
 - © В. Еклерис, иллюстрация, 2015
 - © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
- Издательство АЗБУКА®

* * *

В 1988 году Дэвид Дрейк и Билл Фосетт опубликовали антологию «Флот», положив начало межавторскому циклу «Боевой Флот». Всего они издали восемь сборников. Рассказы для первого из них были предоставлены известнейшими фантастами – в их числе Джон Браннер, Пол Андерсон и Роберт Шекли.

Осваивая Галактику, человечество вступило в противостояние с расой халиан, свирепых хищников, чья культура не имеет никакого сходства с земной. Они не знают страха в бою и не любят брать пленных; тот, кто сдается, может рассчитывать в лучшем случае на пожизненное рабство на далекой чужой планете. Армады инопланетян наступают, и спасение родных миров зависит только от боевой мощи Флота – и от доблести мужчин и женщин, которые несут службу на его кораблях.

Клаксон

Перевод Ирины Гуровой

Седьмого генерия 932 года по местному стилю вскоре после полудня загремели набатные колокола на башне ратуши. Когда прошла десятая секунда, а они не смолкли, мы поняли, что это не профилактическая проверка. Значит, радарная сеть обнаружила вторгнувшийся в нашу стратосферу космолет, и не сомневаюсь, что в городе подумали одно и то же: халианские налетчики явились вновь после почти двадцатисемилетнего перерыва.

Все мы прошли тщательную подготовку на этот случай. Нам надлежало спокойно, без паники проследовать к ближайшему входу в подземный оборонительный комплекс. Естественно, под землей обороняться довольно сложно. Однако выбора у нас не было. Разве что остаться на поверхности, где нас либо перебьют, либо заберут в рабство халиане – эти мохнатые дьяволы, трижды вторгавшиеся на нашу планету за последние семьдесят три года.

По Хартии нам воспрещается иметь всепланетную оборонительную систему или сторожевые космолеты. Мы отказались от этого права сотни лет тому назад, когда вступили в Альянс. Теперь нам оставалось возлагать надежды на Великий Флот, защищающий большинство человеческих планет, а также союзных от вторжения халиан и других враждебных рас. Попытки защищаться самим были бы бесполезными: Тринит – небольшой мир, общее население которого не достигает и пяти миллионов. И всего один город, достойный называться городом, – Панадор, где я родилась. И все-таки нас злило, что мы были вынуждены отказаться от элементарного права на самозащиту.

Флот не оставлял нас вниманием, но он был рассредоточен уж не знаю на скольких миллионах миль космического пространства. Защищать требовалось свыше трехсот густонаселенных планет, и естественно, что кое-какие периодически оказывались вне поля его зрения. И столь же естественно, что среди последних оказывались миры вроде Тринита-5, с малочисленным населением, в отдалении от планет, на которых обитала подавляющая часть человечества.

Наш подземный оборонительный комплекс представлял собой систему естественных пещер и тоннелей, расположенных под Панадором, которую мы расширяли из века в век. Обычно халиане предпочитали не гоняться за нами под землей. Их интересовали наши продовольственные запасы и иное наиболее ценное имущество. В пещеры они спускались лишь в том случае, когда целью налета были невольники. Порой во мраке завязывались отчаянные бои – в тесноте подземных переходов наши средства защиты оказывались почти такими же действенными, как оружие халиан.

Тоннели были прекрасно подготовлены для обороны. В них размещались небольшие склады оружия, боеприпасов, продовольствия, цистерн с водой и запасной одежды. Я научилась пользоваться лазерным пистолетом малого радиуса действия, а также различными гранатами, которые были разрешены нам для самозащиты. Хотя я была девушкой, которой в этом месяце исполнилось восемнадцать, стреляла я неплохо. Конечно, нас постигла страшная беда, но я невольно испытывала радостное возбуждение – ведь и девушкам дозволено мечтать о подвигах. Сколько раз я с упоением представляла себе, как защищаю родителей, сжимая в руках изрыгающие пламя лазерные пистолеты!

Времени бежать домой за родителями не было. Инструкции требовали, чтобы мы направлялись к ближайшим входам в подземные убежища, едва раздастся сигнал тревоги. Вот я и вошла в спусковую шахту около театра Тиджинс. Если бы я хоть немножко подумала, то потратила бы пару лишних минут и добралась до какого-нибудь входа поближе к моему дому, так как неплохо знала тамошние тоннели. Едва поступив в школу, мы ознакомились с тонне-

лями под нашим кварталом, вплоть до тех мест, где они соединялись с главными тоннелями. Запомнить весь план оборонительной системы, все повороты и перекрестки не смог бы никто, ведь она все время расширялась, не говоря уже о тупиках и лабиринтах, в которых должны были заблудиться враги.

Сначала ступеньки винтовой лестницы, уводившей все глубже и глубже в сумрак. Тусклые лампочки на стенах давали ровно столько света, сколько требовалось, чтобы возникали огромные тени, очень меня пугавшие.

Первый перекресток сомнений не вызывал, в городе существовало нерушимое правило: каким бы входом ты ни воспользовался, на первых трех перекрестках поворачивай направо. А потом я руководствовалась царапинами на стене, оставленными прокладчиками для указания правильных поворотов.

В полутьме я чувствовала себя там как-то непривычно, хотя спускалась в тоннели много раз и до этого. В школе устраивались учебные тревоги, и нас отправляли вниз, в оборонный комплекс. За третьим поворотом я замедлила шаги, решив, что пора вооружиться. По торчащему камню определенной формы я нашла оружейный склад и нажала на камень. Дверца послушно открылась, и я взяла лазерный пистолет.

Вскоре новейшие тоннели остались позади, и я вошла в систему старых пещер. Мне становилось все беспокойнее, так как я пока никого не встретила и не нагнала. Сколько я наслушалась историй о детях и даже взрослых, которые, повернув неправильно, не сумели найти выхода из пещер! Поговаривали, что тут бродят призраки детей, так и не выбравшихся на свет: они скользят тенями и заманивают тебя все глубже и глубже в недра планеты, где пылает лава и клубятся серные пары.

Через некоторое время я остановилась передохнуть. У меня заныли ноги, так часто я спотыкалась о неровности пола. Я была уже где-то под Панадором, хотя и не знала точно, как глубоко. Но я продолжала спускаться, а лампочек становилось все меньше, причем многие перегорели и не были заменены. Меня все больше мучила мысль, что я напутала с поворотами и не сумею найти дороги обратно. Я шла все медленнее и наконец села, чтобы дать отдых ногам. Здравый смысл подсказывал, что я ушла достаточно далеко. Вряд ли халиане доберутся сюда. Они всегда торопились забрать, что можно, и улететь прежде, чем будет организовано сопротивление.

И я уже поздравляла себя с тем, что благополучно избежала опасности, как вдруг раздались тяжелые шаги. У меня оборвалось сердце. Конечно, это мог быть кто-то из горожан, но мне почему-то не верилось. В этих звуках чудилось что-то грозное, что-то военное. Я поняла, что пропала. И вскочила, чтобы убежать, но тут передо мной вдруг возникла гигантская фигура в тяжелом обмундировании, которое в сумраке выглядело серым. Широкое лицо, густые усищи, а в могучем кулаке зажато какое-то лучевое оружие.

Он что-то сказал мне, но я ничего не поняла, прицелилась в него из лазерного пистолета и попятилась. Тут же споткнулась о камень и распростерлась бы на полу, если бы он не подхватил меня, одновременно вырвав пистолет.

– Меня ты в рабство не обратишь! – закричала я. – Скорей я умру!

– А зачем, мисс? – сказал он. – Разве вы не видите, кто я?

Тут я посмотрела на него – то есть по-настоящему посмотрела – и увидела эмблему Альянса на фуражке и мундире.

– Так вы с Флота! – ахнула я.

– Конечно, – сказал он. – А за кого вы меня приняли?

– Думала, вы халианин, – ответила я, чувствуя себя ужасно глупо.

– Но халиане же пятифутовые коротышки и покрыты мехом!

– Знаю. Но я немножко потеряла голову. А вы правда с Флота?

– К вашим услугам, мисс. Передовой десант с крейсера «Баклан», командер Шотуэлл.

– «Баклан»?! Флагман адмирала Эсплендадоре! – воскликнула я.

– О, да вы о нас слышали! – сказал он довольным голосом.

– Проходили по истории. Я думала, адмирал Эсплендадоре давно скончался – он же такой знаменитый! Или совсем старый.

– Наверное, маленькой девочке вроде вас все, кто старше двадцати, кажутся очень старыми.

– Мне восемнадцать, – сказала я сухо. – И почему вы не сообщили о своем прибытии, вместо того чтобы свалиться с неба, точно халианские налетчики?

– Надо было сохранить радиомолчание, – сказал Шотуэлл. – Вот наш отряд и отправили вперед, предупредить местных жителей, чтобы не паниковали.

– Только вы вроде не успели вовремя, – сказала я, боюсь, не без ехидства. – Ну а теперь что? Будем болтать тут в темноте, пока на нас кто-нибудь не натолкнется?

Он засмеялся:

– Ничего лучше я не пожелал бы, мисс. Приятно убедиться, что и на Трините есть милые девушки. Нас предупредили, что планета населена пигмеями, причем в больших бородавках.

Я было снова озлилась, но тут разглядела в полусвете, что он расплылся до ушей. Вообще-то, он выглядел очень даже симпатичным, когда не пугал ни о чем не подозревающих людей. На ремешке часов у него был прицеплен возвратник, и он взялся вывести меня на поверхность, чему я, честно говоря, обрадовалась: меня грызли сомнения, точно ли я запомнила все повороты.

По дороге я узнала, что его зовут Милас, что он пилотировал маленький одноместный космолет, выполняя особые задания, и дважды участвовал в боях с халианами. Его родная планета – Астрахань-2, ему двадцать три года, и он холост.

Только рано утром на следующий день боевой корабль завис в двух тысячах футов над нашим городом, установил радиосвязь и довольно резко запросил координаты места, пригодного для посадки. Это было замечательное зрелище – огромный серебристый космолет величественно появляется из облачного покрова и наконец приземляется в центре Полтрайерского парка, обширной территории вблизи города, отведенной для отдыха и развлечений. Приземлился он с легкостью пушинки – большое перо в шляпу его пилота.

Длина типового крейсера Флота равна восьмистам футам, грузоподъемность составляет тридцать тысяч тонн, а полный комплект экипажа – четыреста человек. Это я выучила еще в начальной школе. А еще я знала, что впервые за всю историю нашей планеты ее навесит корабль таких размеров. У меня возникло ощущение, что затевается нечто колоссальное. И я радовалась, потому что всегда хотела жить в интересное время.

На торжественную встречу собрались все сколько-нибудь видные деятели Панадора, облаченные в парадную форму. Теперь вблизи от корабля мы увидели, что его обшивка была промята и опалена, а затем выправлена и очищена, так что выглядела почти как новая. Самые осведомленные из нас узнали боевую эмблему адмирала Эсплендадоре – Небесного Малютки, как его прозвали, одного из знаменитейших боевых адмиралов, упомянутых в наших учебниках по истории.

Затем, когда они протомили нас в ожидании, сколько им казалось нужным, в борту раздвинулись высокие двери и на землю опустилась лестница, устланная голубым ковром. По ней промаршировал корабельный оркестр в великолепной бирюзово-алой форме, с высокими черными киверами на головах. За ними последовал почетный караул – сотня до зубов вооруженных десантников, затем процессия офицеров и в заключение сам Эсплендадоре в сверкающем серебряном мундире, украшенном экзотическими радужными перьями и стеклянрусом. Варварское великолепие, но, разумеется, это были посланцы великой цивилизации.

Используя динамики корабля, далеко превосходившие мощностью все, что имелось на нашей планете, Эсплендадоре сказал:

– Добрые люди Тринита, простите, что мы явились без предупреждения. Мы не хотели встревожить вас, но сочли необходимым обойтись без радиосвязи. Ведь шпионы повсюду!

Голос у Эсплендадоре оказался сочным, чванным и самодовольным и сразу мне очень не понравился. Может, он и великий адмирал, подумала я, но самовлюбленный индюк. Однако говорил он очень интересные вещи, и я слушала во все уши.

– Шесть месяцев назад, – продолжал Эсплендадоре, – разведчики Флота обнаружили планету на дальнем расстоянии от исследованного пространства. Небольшую, с кислородной атмосферой и необитаемую. Маленький шарик с весьма скудными природными ресурсами.

Однако планета эта, обращающаяся вокруг красного карлика, обладает одной особенностью, весьма важной для нас. Она находится близко к звездной системе, являющейся источником большинства халианских налетов.

Вот почему эта пустынная планета, названная Клаксон, представляет для нас первостепенный интерес как место для базы, откуда мы могли бы организовать решающее наступление на халиан. Наши инженеры вычислили, что мы менее чем за год, если приложим все усилия, можем построить там первоклассную базу. Она необходима для запланированной программы передислокации. Клаксон будет важнейшим фактором в подготовке внезапного и, как мы надеемся, сокрушительного удара по халианам.

Мы заглянули сюда, как заглядывали и на другие планеты, чтобы предложить добровольцам отправиться с нами на Клаксон и помочь со строительством новой базы. Профессии требуются самые разные. Мы заключаем стандартный контракт на год, согласно которому работа будет оплачиваться по ставкам Трудовой гильдии Земли. А если вы решите остаться после первого года, то получите постоянное место в отделе гражданских служащих Флота с обеспечением пенсий, медицинского обслуживания и оплачиваемых отпусков.

Не вижу необходимости объяснять, какая это неповторимая возможность для некоторых из вас. Вы провинциалы и живете вдали от Первых Тринадцати. При обычных обстоятельствах мало кому из вас представится случай покинуть родную планету. Мы предлагаем возможность не только получать высокую плату за труд во благо человечества, но и шанс расширить свои горизонты, путешествуя по Галактике.

Мои подчиненные откроют вербовочные пункты вокруг этого парка. Если хотите предложить свои услуги, надо будет предъявить две справки: одну из полиции – о том, что вы не находитесь под следствием, и еще из налогового управления об уплате текущих налогов. Для представителей особенно необходимых профессий Флот может снять некоторые свои требования.

Наш корабль отправится в путь ровно через трое местных суток. Те из вас, кого примут, будьте, пожалуйста, готовы собраться здесь на третий день для посадки.

Добрые люди, благодарю вас за внимание.

Адмирал не договорил, а я уже пробиравась сквозь толпу, чтобы побыстрее оказаться дома и заручиться разрешением родителей. По закону, я в нем не нуждалась, но знала, что им будет приятно, а мне, возможно, не представится больше случая порадовать их: ведь я намеревалась завербоваться на Флот и отправиться на дальние планеты.

Мой отец принял мои слова со всей доброжелательностью. Он сам всегда мечтал стать космическим торговцем, но грузовые рейсы в нашем секторе полностью прекратились из-за отсутствия выгодных рынков сбыта. Он был невысок, с оливково-темной кожей, как я; и еще я унаследовала его глянцевиные черные волосы, мелкие черты лица и быстрые движения. Мама была блондинкой, невысокой, очень доброй и заботливой. Не думаю, что я хоть что-нибудь унаследовала от нее, кроме сомнительного семейного дара провидения. И именно на него она сослалась, когда попыталась меня отговорить.

– Леа, милочка, ты ведь понимаешь, что дар провидения делает тебя более уязвимой, чем многих других. Аура этой новой планеты, возможно, не будет гармонировать с твоей.

– Да ну, мама! – сказала я совсем по-детски, но так уж она на меня действовала.

– Но конечно, решать тебе, милочка.

– Со мной все будет хорошо, – успокоила я ее. – Провижу я ведь редко. И вообще, дар провидения не страшнее головной боли и исчезает через несколько часов. А может, благодаря ему я окажусь пригоднее для подобной работы, чем те, кто не способен заглянуть вперед.

Ощущение надвигающейся опасности для меня не диковина. Я никогда не знаю точно, в чем эта опасность, а только чувствую: что-то не так и, похоже, быть беде.

– И вообще, доктор Боксон сказал, что с возрастом оно исчезнет. А я очень хочу улететь. Можно?

Они переглянулись, потом улыбнулись, и мы обнялись все трое. Любить тебя, когда ты их покидаешь, способны только по-настоящему хорошие родители.

Я помчалась назад в Полтрайерский парк. У вербовочных пунктов уже выстроились порядочные очереди. Я поискала взглядом Миласа Шотуэлла, но не увидела его. В конце концов я нашла очередь покороче, встала в нее и скоро оказалась перед вербовщиком.

– Что же, мисс, – сказал дюжий мужчина в великолепно сидящей темно-зеленой форме с пуговицами из нержавеющей стали, просмотрев мои документы, – вроде вы слишком молоды, чтобы успеть натворить дел?

– Но не слишком молода, чтобы работать для Флота, – сказала я. – Конечно, настоящей квалификации у меня нет, но я умею печатать и вводить данные в компьютер, а в школе успевала по всем предметам.

– Нас интересует не столько квалификация, сколько способности и склонности, – сообщил он. – Ну-ка положите ладонь вот сюда. Маленькая проверочка вашего интеллекта.

Он указал на небольшой черный прибор, мигающий красными лампочками на столе. Ладонь мне следовало положить на сверкающую серебряную пластину. Я положила.

– Странноватая проверка интеллектуальных способностей, – заметила я. – И никаких вопросов.

Он усмехнулся:

– Мы не стараемся установить, чему вы научились в школе, мисс, и как хорошо умеете отвечать домашние задания. Эта машинка определяет ваш нервный потенциал. Вот, поглядите на экран...

Я поглядела и увидела быстро изменяющуюся паутину из тесно расположенных нитей.

– Это аналог нервной деятельности, – объяснил вербовщик, – показывает физические возможности вашего интеллекта. Чем уже промежутки между линиями, тем полнее способность удерживать в сознании сложные умственные построения.

– Ну и чего я стою?

Он опять развеселился:

– У вас отличный интеллект, мисс. Мы рады взять вас. Я еще не знаю, чем вы будете заниматься, но в любом случае чем-нибудь получше мытья посуды. – Он снова заглянул в мои документы. – Как вижу, у вас положительная оценка по шкале пси-способностей.

– А, да! – сказала я. – Дома у меня это называют даром провидения, но честное слово, он ничему не мешает.

– Я и не имел в виду ничего такого! Пси-способности входят в число тех, которые интересуют Флот. В отделе связи уже работает немало экстрасенсов. Распишитесь вот тут и тут. А здесь и здесь поставьте ваши инициалы. Это стандартный контракт, распишитесь внизу. А это присяга в верности Флоту. Пожалуйста, подпишите вот тут.

Он убрал бумаги и торжественно пожал мне руку.

– Добро пожаловать на борт, – сказал он. – Теперь вы член гражданского персонала Флота. А сейчас отправляйтесь прощаться. Мы взлетаем ровно через двое с половиной суток, в двадцать четыре ноль-ноль.

Я воображала, что увижу, как стартует флагманский крейсер Флота, и буду смотреть, как Тринит становится все меньше и меньше позади нас. Какое простодушие! Нет, взлет мы видели – на экранах мониторов под потолком, лежа на кушетках, смягчающих эффект ускорения.

Все равно зрелище было великолепным, телевизионным помехам вопреки. Мы смотрели, как Тринит съезживается в горошинку на светящихся экранах, затем превращается в яркую точку и исчезает совсем. Потом адмирал Эсплендадоре отдал распоряжение, чтобы мы приготовились: он включает гиперсвет. Рада сказать, что меня даже не затошнило. В отличие от большинства новичков, узнавших на опыте, что такое сверхсветовая скорость. Наши экраны померкли, едва мы ее достигли.

Однако у меня не было времени дивиться происходящему. Динамики объявили о начале подготовки для первой группы новобранцев. А затем начались лекции, тестирование и собеседования, длившиеся шесть стандартных суток.

Завербованные мужчины были в большинстве распределены по разным строительным бригадам. Флот давно набил руку в обращении со своим персоналом, и нам старались подобрать работу, наиболее отвечающую нашим вкусам и способностям. Нашу планету крейсер посетил одной из первых, и потому работы было больше, чем людей для ее выполнения. И каким бы странным это ни показалось, между руководителями отделов и секций даже шло настоящее соревнование, кому удастся заинтересовать больше новобранцев своими специальностями.

Конечно, флотское начальство могло бы сразу улаживать такие споры, поскольку у каждой работы имелось свое место в графе приоритетности, однако его устраивали и проявления личной инициативы в среднем руководящем звене. В конце концов, мы сражались и за это, и нам, новобранцам, предоставляли некоторую свободу в выборе наиболее интересного рода службы.

Было и еще одно соображение: выбор службы предопределял, как сложится наша карьера на Флоте, если мы решим остаться после истечения срока годового контракта. Некоторые службы Флот считал важнее других.

В первый раз я увидела Аллана Бантри на торжественном вечере в честь нового персонала. Обстановка была парадной, и всем полагалось одеться как можно лучше. Ведь тут ты ближе знакомишься с людьми, которые будут жить на одной с тобой станции, с людьми, которые будут твоими товарищами в сражениях с халианами. Ну и конечно, хочется произвести наилучшее впечатление. Аллан Бантри решил по этому случаю облачиться в свой тарг.

Мягко выражаясь, он сразу бросался в глаза.

– Кто это? – спросила я у Миласа Шотуэлла.

– Наш новый инопсихолог. Доктор Аллан Бантри.

– А что это на нем?

– Тарг. Там, откуда он, такой костюм считается парадным.

Как я узнала, тарги носят мужской пол двадцати двух человеческих планет с общим населением в шестьдесят три миллиарда, причем каждый индивид является прямым потомком нашего древнейшего пращура Адама Разумного. Но население это обитает в отдалении от Земли, тогда как две сотни планет в наших окрестностях придерживаются земной моды, с ее тяготением к элегантной, мужественной и суровой внешности, которую может обеспечить только военная форма. А тарг в первую очередь широк и просторен, с огромными карманами, рассчитанными на то, что носят с собой мужчины, от набора карандашей до свертка с бутербродами включительно. Тарг даже самому суровому и закаленному мужчине придает сходство с раскормленным кроликом. И в любом случае он полностью лишен элегантности, которую некоторые люди, а особенно профессиональные военные вроде адмирала Эсплендадоре, считают обязательной для мужчин.

– Но если это у них сходит за парадный костюм, – заметил Шотуэлл, – не хотел бы я видеть, что они надевают, чтобы сбегать в супермаркет. – И он громко захохотал, упиваясь своей довольно глупой шуткой.

Среди специалистов в различных науках, услугами которых пользуется Флот, значится и специалист по инопланетной психологии. Должность эту неизменно занимает штатский, поскольку многие среди высшего руководства Флота не признают, что у инопланетян вообще бывает психология. Наука эта на Флоте уважением не пользуется, а потому я решила держаться от нее подальше еще до того, как Аллан Бантри пригласил меня на собеседование.

Он был очень высоким и худым, а также выглядел слишком молодым, чтобы его титуловали «доктором». Потом я узнала, что ему двадцать семь. В восемнадцать лет такой возраст кажется почтенным. А докторскую степень он получил в Лунном университете за три года до нашего знакомства.

На этот раз он надел мешковатый костюм, какие университетские ученые носят в Галактике повсюду. Он обладал обескураживающим свойством: то был весь внимание, то абсолютно рассеян, причем почти без перехода.

Мне он сразу понравился, потому что, на мой взгляд, принадлежал к тем людям, которые думают о том, что хотят сделать, а не о том, как они выглядят и что о них думают другие.

Доктор Бантри рассказал мне кое-что о своей специальности. Инопсихолог, как указывает само слово, – это специалист по психологии инопланетных рас. В Альянсе их не так уж мало. У некоторых наших союзников в предках числятся пресмыкающиеся, другие ведут происхождение от птиц.

Из объяснений доктора Бантри (или Аллана, как я скоро начала его называть) следовало, что инопсихолог – должность очень важная, так как именно он первым нащупывает связь с расами, не похожими на нашу. До сих пор в военном отношении эти расы особого значения не имели, а потому флотское начальство ставило своих инопсихологов в один ряд с офицерами, отвечающими за соблюдение этикета. Но мне все это показалось очень интересным, и под конец нашей беседы я сказала доктору Бантри, что обязательно обдумаю предложение пойти к нему в помощницы.

Я прошла еще несколько собеседований, а затем внезапно наш полет завершился. Динамики объявили:

– Персоналу приготовиться к переходу от сверхсветовой скорости к нормальной.

Затем раздался голос Эсплендадоре:

– Слушайте, ребята: мы прибываем к месту назначения. Укладывайтесь на свои койки и не спускайте глаз с экранов. Они покажут ваш новый дом – планету Клаксон.

Из гиперсвета мы вышли без происшествий. Мой взгляд был приклеен к экрану. Вот на нем появилась светящаяся точка. Она быстро увеличивалась, и я впервые увидела Клаксон.

Откровенно говоря, особого впечатления он на меня не произвел. Из космоса он выглядел шаром, в котором преобладали оранжевые, желтые и коричневые тона. Когда мы начали спуск, поверхность планеты скрывали от нас серо-желтые облака. Едва они остались наверху, мы увидели горы, пустыни и огромную безжизненную равнину, которая в незапамятные времена, возможно, была морским дном. Затем снова горы и угрюмое холмистое нагорье.

Мы прошли еще один облачный слой, и внизу показалась широкая зеленая долина, окруженная бесплодными горными хребтами. Она, как я узнала, была единственной плодородной местностью в этом полушарии: одна-единственная долина около ста миль протяженностью, шириной самое большее двадцать пять миль.

Тут и предполагалось построить новую базу. Долина была обозначена как АТ334Л, но флотские окрестили ее Ксанаду.

Когда мы приблизились к поверхности, меня вдруг охватил необъяснимый страх. Взбрыкнуло мое провидение. Словно я получила моментальный мысленный снимок планеты Клаксон, и он вызвал ощущение враждебности, боли и возмущения. Жуткое, непонятное ощущение, которое я не могла объяснить.

Но кое-как избавилась от него, когда двери космолета открылись.

Наш лагерь беспорядочно расположился на нескольких акрах каменистой земли у самого начала зеленой долины Ксанаду. Собственно, это был какой-то известняк грязно-белого цвета, поблескивающий вкраплениями слюды. Кое-где виднелись рыжие пятна – выходы железной руды, объяснил мне кто-то. Дальше расстиралась очаровательная долина, угнездившись между двумя отрогами лысых гор. Зелень Ксанаду была сочнее и ярче той, к какой я привыкла на родной планете, и казалось, будто вся жизненная сила этого мира сконцентрировалась в единственной маленькой долине с невысокими покатыми холмами, между которыми струилась речка.

Как я слышала, первыми были построены жилые помещения для командного состава и офицерская столовая. Флот откровенно поддерживал старинную традицию привилегированности высших чинов. Ступенькой ниже на иерархической лестнице стояла связь. На Клаксоне построили небольшую передаточную станцию, но использовалась главным образом мощная аппаратура «Баклана».

Сразу же после высадки нас расселили. Я получила просторную жилую комнату с маленькой кухней. Большое окно смотрело на зеленую долину.

Одна из главных проблем, которые приходилось решать Флоту, была связана с клаустрофобическими ощущениями, возникавшими у персонала после долгих недель и месяцев пребывания в космосе. А потому в целях простейшей психологической гигиены Флот стремился сделать жилые помещения на базах просторными и удобными. В конце концов, особой разницы не составляло строить по-крупному или экономя на жилой площади.

Мебель тоже была приятной – датский модерн, один из самых милых старинных стилей, а на стенах висели копии знаменитых картин. К сожалению, мебелировка во всех квартирах была идентичной. Но у меня впервые было собственное жилище, и оно сразу мне очень понравилось.

Флот, кроме того, попытался улучшить идею общих столовых. Мы могли питаться в любом из пяти ресторанов базы. Каждый отличался интерьером от остальных. «Гавайская деревня» Джо, «Китайский квартал» Эдди и мое любимое кафе «Гарриэт». Оно было очень похоже на кафе рядом с моей школой.

Естественно, меню во всех пяти полностью совпадало – Флот еще не дошел до того, чтобы обеспечивать разнообразие национальных блюд.

Экскаваторы и бульдозеры уже работали в долине Ксанаду, первые здания были почти закончены. Оставалось только застеклить окна.

Однако случилось так, что в первый наш вечер на планете начались всякие заминки и неполадки, которые превратили строительство базы на Клаксоне в сущий ад.

Работы продолжались, но дело не ладилось. Постоянно что-то случалось. Видимо, в расчеты вкравлись ошибки, так как секции обрушивались одна за другой. Там, где согласно геологическим изысканиям под почвой лежал гранит, порода оказывалась трухлявой, обнаруживались пустоты.

Две недели спустя первые здания были готовы для использования. Выглядели они как типичные административные корпуса-башни из бетона и алюминия высотой в четыреста футов. Перед самой церемонией их принятия командер Хансен, старший инженер, проверил фундамент. Он обнаружил легкое оседание с перекашиванием.

Хансен нахмурился. Он тщательнейшим образом проанализировал структурную целостность породы. И ничего подобного произойти не могло.

Он опустился в нижний подвал и обнаружил, что одна из свай провалилась в неизвестно откуда взявшуюся дыру. Баланс напряжений в здании был нарушен.

Хансен уставился на злополучную сваю. Этого не могло случиться, но это случилось. Теперь все чертово сооружение готово рухнуть.

Он кинулся к аварийному телефону. И вдруг услышал скрип. Здание оседало.

– Соедините меня с адмиралом! Немедленно! – крикнул он ответившему ординарцу. – Аварийная ситуация!

Эсплендадоре как раз вышел из-под душа. На кровати была разложена парадная форма. Через двадцать минут ему предстояло произнести речь, объявить здание принятым и поблагодарить всех за самоотверженную работу. С какой стати ему докучают мелочами? Тем не менее, согласно легендам, он всегда оказывался на месте в случае необходимости. Он вытерся и взял трубку.

– Сэр! Это Хансен. Со зданием неладно.

– Хансен, о чем вы говорите?!

– Одна из свай ушла вниз. Здание начинает оседать. Необходимо удалить из него всех людей.

У Эсплендадоре возникли сотни вопросов, но задавать их было некогда. Ударом кулака он включил сигнал общей тревоги, предписывающий всем немедленно оставить свои занятия и собраться у космолета. Самый быстрый способ увести их от опасного здания.

В подвале Хансен увидел больше, чем требовалось. Он метнулся к лифту. Всюду вокруг один громкий треск следовал за другим. Начали подаваться тяжелые сваи. Он едва успел запрыгнуть в лифт и нажать кнопку.

Но чуть лифт начал подниматься, как его озарила ослепительная вспышка: одна из несущих балок рухнула и оборвала электрические кабели.

Хансен открыл люк в потолке лифта и выбрался на крышу. В смутном свете аварийных ламп он разглядел в шахте лифта скобяную лестницу и полез по ней.

На поверхности толпа спешила покинуть площадку возле новых зданий, но те, кто находился в задних рядах, почувствовали содрогание земли под ногами, увидели, как ближайшая постройка изящно накренилась, будто кланяясь горам, и услышали скрежет и лязг рвущегося металла. Мгновение спустя здание рухнуло.

Хансен внизу почувствовал, что шахта лифта ходит ходуном. Секунда – и он выбрался наружу, а шахта под нажимом породы расплющилась, точно тубик, из которого выдавили всю зубную пасту. Еще бы чуть-чуть – и...

Эсплендадоре был выдающимся боевым адмиралом, но то время ушло в прошлое. Теперь он был отличным кабинетным адмиралом. Проходящие годы унесли лихость и пылкость его молодости. По мере того как в его волосах пробивалось все больше седины, он становился все более умеренным в своих решениях. После великой победы у Ахиллесовой звезды карьера Эсплендадоре пошла под уклон. Бесспорно, движение было медленным, практически незаметным, но все равно это было движение вниз. Последние несколько лет его направляли в спокойные секторы, где никаких встреч с противником не предполагалось. Он выразил неудовольствие. «Немного отдохните», – ответило высокое начальство, но он подозревал, что слова эти следовало истолковать так: «Дай кому-нибудь другому попробовать себя». Он предвидел, что его карьера и жизнь канут в благопристойный маразм. В отчаянии он нажал на все рычаги, пустил в ход все остававшееся влияние. Любой ценой он тщился вырваться из арьергарда, куда его засунули. Он же боевой адмирал, а не снабженец в мундире!

В результате интриг, достойных двора средневековой Византии, Эсплендадоре умудрился получить под начало эту экспедицию на Клаксон, идея которой родилась в высших сферах Альянса... возможно, после того, как кто-то накурился чего-то забористого. Эсплендадоре несколько сомневался в здравости этого плана. Успех зависел от того, удастся ли сохранить

тайну базы на Клаконе от халиан и внезапно нанести им один колоссальный сокрушительный удар, так чтобы они уже не оправились.

Ну, бесспорно, прекрасная мечта. Штатские были мастаки претворять такие мечты в планы, которые сулили ошеломляющие перемены при условии, что они будут осуществлены с помощью хитрости и с минимальными затратами стратегических ресурсов. Исподтишка, втайне – вот так политики представляли себе войну. Но каким образом халиане умудряются остаться в неведении, когда у них такая уйма шпионов и сторонников? Сколько времени ему потребуется для подготовки и нанесения удара? Месяц? Полгода? Заранее невозможно определить, какой срок у него в распоряжении. Совершенно очевидно, что шансы скрыть план от халиан тем выше, чем быстрее будет построена база.

Вот это-то Эсплендадоре и намеревался осуществить. Нанести один сокрушительный удар во имя человечества – один великий и, вероятно, последний удар в его жизни.

На следующий день я вышла на работу в продовольственный отдел службы снабжения Флота. Я узнала, насколько сложны процедуры, без которых невозможно накормить почти семь тысяч гражданских рабочих и неведомое число военнослужащих – по моим прикидкам, не меньше пяти тысяч, считая и несколько сотен космических десантников, которых мы видели редко, так как у них был собственный лагерь в нескольких милях от нашего. Короче говоря, около десяти тысяч человек, если не больше, требовалось насыщать трижды в день, обеспечивая некоторое разнообразие, несмотря на то что мы жили на планете, где до нашего прибытия не росли никакие злаки или корнеплоды, съедобные для людей.

И вот утром моего первого рабочего дня я отправилась в долину по хорошо утрамбованной тропе, которая вела в подсобное хозяйство. Оно располагалось уже в самой долине и состояло из длинных низких строений со стеклянными крышами – теплиц, совсем таких, как на моей родной планете. В небольшом здании находилась энергетическая подстанция. Там уже велись эксперименты с почвой и гидропоникой. Руководил ими доктор Джон Эдвардсон, человек не первой молодости и женатый, и он показал мне свои владения.

Я с интересом услышала, что эта небольшая площадь, отведенная под сельское хозяйство, снабжает нас примерно двадцатью процентами продовольствия. Конечно, основу наших рационов по-прежнему составляли замороженные и сушеные продукты. Некоторые пролежали на складах космических станций очень долгие сроки. Наука снабдила нас средствами сохранять пищевые продукты чуть ли не вечно. И все равно было как-то не по себе при мысли, что бифштексу, который ты ешь, уже больше столетия. Впрочем, некоторые утверждали, что требуется именно этот срок, чтобы мясо, которое закупает Флот, стало мягче.

Я очень обрадовалась, увидев, сколько растений со Старой Земли так хорошо прижились в этой экзотической среде. Доктор Эдвардсон предупредил меня, что невозможно предугадать, как поведет себя представитель земной флоры, посаженный в инопланетную почву. Одни чувствовали себя отлично, другие чахли. Он показал, как буйно растут репа и брюссельская капуста. Признаюсь, это достижение заставило меня поморщиться.

– А местные виды? – спросила я. – Хватит ли места и для них, и для земных?

– Ну, – сказал доктор Эдвардсон, – это зависит от того, будут ли они спорить из-за одной экологической ниши. Но ведь война – это способ существования природы, бесконечное межвидовое и внутривидовое соперничество.

Было очень приятно увидеть земные растения – те же самые, которые мы с успехом культивируем на Трините. Из школьных учебников я почерпнула, что крейсера Флота всегда имеют на борту биологические пакеты с самыми полезными земными растениями. Доктор Эдвардсон подтвердил, что так оно и есть, и со смешком добавил, что с помощью наших родных растений мы, так сказать, ведем войну против всей иной флоры во Вселенной. Жутковатая мысль! Доктор сказал, что это своего рода биологический рок, неизбежная судьба. Только логично, добавил он, что мы, люди, и наши растения в конце концов будем либо уничтожены, либо ста-

нем нормой во всей Галактике. А после этого во всех галактиках, а потом и во всей Вселенной, содержащей эти галактики.

Я заметила, что это выставляет нас не в таком уж лестном свете: мы просто хищники какие-то.

Шли дни, и меня все больше завораживала борьба, которую наши растения вели с чужими для них растениями планеты Клаксон. Естественно, доктор Эдвардсон слегка помогал нашим – рассаду сажали в расчищенную почву, – однако он не пытался оградить их от всех трудностей.

– Этим растениям надо самим приспособиться и выжить, – объяснил он мне. – Мы же не будем постоянно рядом, чтобы обрабатывать их пестицидами.

Мои обязанности в основном сводились к тому, чтобы надписывать ярлычки и вешать их на молодые растеньища, а затем вносить данные в компьютер.

Я сознавала, что являюсь частицей чего-то огромного и удивительного: расширения пищевых ресурсов планет Альянса. Но только моя роль в этом оказалась не слишком увлекательной. И я начала подумывать о докторе Аллане Бантри и его отделе инопланетной психологии.

Было проведено исчерпывающее расследование причин разрушения нового здания. Адмиралу Эспендадоре хотя бы частичное объяснение требовалось незамедлительно. Ему надо было на что-то опираться в своих дальнейших действиях.

Первые выводы не слишком устраивали человека, который искал простого и четкого ответа. Судя по всему, строительство велось правильно и в предварительных расчетах никаких ошибок не было. И катастрофу приписали какому-то сейсмическому явлению, предвосхитить которое с помощью существующей аппаратуры не представлялось возможным из-за его незначительности.

Эспендадоре пожелал узнать, насколько вероятно повторение чего-либо подобного. Ученые в ответ только пожимали плечами. Собственно говоря, по их данным, оно вообще не должно было произойти.

Взвесив все это, Эспендадоре прикинул, не замешан ли здесь саботаж. Как-то не верилось, что среди людей нашелся негодяй, способный продать существо, смахивающему на хорька, с громким верещащим голосом и отвратительной натурой. Однако всегда встречаются люди, которые ради наживы пойдут на что угодно. Даже продадут свою расу. Предательство заложено в самую суть человечества с изначальных времен. Считалось, что оно в определенных ситуациях помогает выжить, но это выглядело по-другому теперь, когда Флот до предела рассредоточил свои силы.

Наладить контакт с халианами было возможно через некоторые планеты, не вошедшие в Альянс. Эти инопланетяне подпадали под категорию разумных существ – во всяком случае, разумных с той точки зрения, что умели сотрудничать и держать обещания. Осведомителям платили хорошо. И не только золотом и платиной, – халиане забирали много художественных ценностей с планет, на которые нападали.

Люди и их союзники в Альянсе – триста с лишним планет, составлявшие цивилизацию, как мы ее понимаем, – были сплочены своим отвращением к халианам и решимостью противостоять вторжениям. Но между ними не замечалось такого же согласия в отношениях друг с другом. Точнее сказать, разнообразные планеты Альянса представляли собой полнейший хаос соглашений, особых группировок, союзов, организаций, выискивающих чужое слабое место, неизменно заботясь только о своих узких интересах. Во всяком случае, тут человечество не преодолело своей давней склонности к агрессивности и соперничеству.

Среди планет Альянса имелись и такие, которые считали, что Флот куда опаснее для их существования и свободы, чем халиане. Особенное возмущение вызывала потеря права оборонять свою планету с помощью собственных военных космолетов. Конечно, в этом был смысл:

если бы каждая планета (при малочисленности населения на многих из них) занялась собственной обороной, это вылилось бы в дорогостоящее и ненужное дублирование. Безопасность всех планет обеспечивалась сильным Флотом, способным противостоять любой угрозе.

Это было очевидным, и почти все согласились. Но все равно было тяжело смотреть, как вооруженные люди распоряжаются на твоей планете, а у тебя нет права обзавестись собственными боевыми кораблями. Люди по-прежнему находились в тисках дилеммы: многие из них не чувствовали себя свободными, раз не могли иметь собственного флота, но если бы им обзавелись, то отказались бы от мира и безопасности.

Ввиду всяческого соперничества между разными планетами Альянса Эспендадоре не исключал возможности, что некоторые из тех, кто финансировал его экспедицию, на самом деле желали бы, чтобы она потерпела неудачу. Ведь отнюдь не исключалось, что некоторые члены планетарного совета пытаются поспособствовать карьере адмирала из своего родного города. И кампания Альянса не раз саботировалась.

Эспендадоре обсудил все это с главой своей службы безопасности. Тот согласился, что возможность саботажа представляется вполне вероятной, и клятвенно обещал полностью во всем разобраться.

Строительство новой базы буксовало. Число всяких накладок оказалось непомерным. Внезапно рухнули несколько зданий поменьше. Все нервничали.

Ничто не шло по графику. Эти задержки грозили экспедиции срывом. А Эспендадоре получал все новые свидетельства того, что кто-то сознательно вредит строительству. Например, ценные инструменты были оставлены снаружи и их великолепно отполированные металлические части подверглись необъяснимой коррозии.

Леа увидела первый «провидческий» сон. Она собиралась в гости к своей двоюродной сестре Айрис. На самом деле у Леа не было двоюродной сестры Айрис, но во сне была. И находилась она в каком-то странном месте, но во сне оно казалось именно таким, каким и должно было быть.

Айрис жила в огромном многоквартирном доме почти в центре города. Дом назывался «Изумрудный герб», и обитало в нем несколько тысяч семей.

Войдя в здание, Леа чувствовала себя спокойно и привычно. Поднялась в пневмолифте на четырнадцатый этаж, вскочила на роллер, и он промчал ее мило по коридору до квартиры Айрис.

– Я тебе очень рада, – сказала Айрис, – но извини, если буду отвлекаться. У меня срочное телефонное дежурство.

Только тут Леа заметила черные проводочки, которые соединяли голову Айрис со штепселями в стене.

– Ого! Что-нибудь случилось?

– Дурочка! Война же! – сказала Айрис. – Ты ведь помнишь, что мы воюем?

– Ах да. Нас оккупируют или еще что-то, верно? – спросила Леа. – По правде говоря, я про это и не думаю. Мне в этом году предстоит принять много важных решений о моей карьере.

– Ну так подумай! – сказала Айрис. – Они все еще наступают, понимаешь?

– А я слышала, что наши силы отогнали их с большими потерями, – возразила Леа.

– Мы их временно остановили дорогой ценой – свыше десяти тысяч жизней. Однако они опять наступают... О-о!.. Погоди! Сигнал!

По одному из проводков, погруженных в голову Айрис, забегали искры. Сестра шепнула:

– С Южного плацдарма. Там в последнее время затишье. По-моему, вот-вот произойдет что-то важное. Волнующе, верно?

– Да, – сказала Леа. – Но и очень печально. Столько чудесных мальчиков погибло. Если бы от меня хоть что-то зависело!

– Так сделай же хоть что-нибудь!

– Но что я могу?
– Поговори с начальством. Скажи, чтобы искали другое место. Почему они выбрали это, ну почему? Им целой планеты мало?
– Но отчего именно я? – спросила Леа.
– Да ведь, кроме тебя, некому. Ты живешь в их мире.
– Айрис! – воскликнула Леа. – Как ты можешь говорить такое?
– Но это же правда, – ответила Айрис. – Ты сама знаешь, что правда. Разве нет?
Леа хотела заспорить, объяснить, что она такая же ариджи, как Айрис. Но тут она проснулась. И оказалась человеком. Очень расстроенным.

Я не представляла себе, с кем поговорить о моих снах. А поговорить было нужно, потому что они по-настоящему меня пугали, и возникло опасение, что я схожу с ума. Нет, сумасшедшей я себя не чувствовала, но мои сны казались форменным бредом. И необходимо было с кем-то их обсудить.

Разумеется, был внеконфессиональный капеллан – наш официальный духовный наставник. Я видела его издали. Мужчина в годах, вдовец, довольно хилого сложения, с седой бородкой и в очках с золотой оправой – не потому, что имел плохое зрение, но потому, что на этой планете очки были знаком духовного сана. Однако по зрелом размышлении я решила к нему не обращаться, поскольку подозревала, что мои сны нельзя отнести к духовным проблемам, – так сказать, они проходят не по его ведомству.

По работе я была знакома с несколькими девушками, но не настолько близко, чтобы обратиться к ним. Конечно, оставался Милас Шотуэлл, и я знала, что нравлюсь ему. Степенный молодой человек, красивый и вполне в моем вкусе. По-моему, это очень важно, когда говоришь о чем-то интимном вроде снов. И я решила побеседовать с Миласом, и, честно, не знаю, почему вдруг пошла по длинному пыльному коридору к маленькой лаборатории и довольно унылому жилому помещению, которое отвели Аллану Бантри и его никому не нужному отделу инопсихологии.

Аллан, как обычно, работал один у себя в лаборатории. На нем был замызганный рабочий халат, а его курчавые волосы торчали во все стороны – он всегда забывал причесаться. Но я все равно обрадовалась, увидев его.

Лаборатория помещалась в тесной комнате с двумя рабочими столами, один из которых был занят компьютерами и всем, что к ним относится, включая и принтеры. На другом стояли магнитофоны. Когда я вошла, он слушал что-то мне знакомое. «Маленькую фугу для органа» Баха.

– Привет! – сказала я. – Ну как военная жизнь?
– Откуда мне знать? – отозвался он. – Я гражданское лицо, как и ты.
– Неужто у Флота нет своих военных психологов?
– Разумеется, есть. Но они занимаются только расами, входящими в Альянс. Остальными инопланетянами Флот интересуется лишь в тех случаях, когда убивает их.
– Так зачем ему понадобился инопсихолог?
– Для демонстрации интереса к развитию наук. Отличная реклама, когда приходит время выделять средства на военные нужды.
– А почему ты не в тарге?
– Будь так добра, не напоминай! Откуда мне было знать, что тут таргов никто не носит?
Ну, ты решила работать у меня?

Я ответила, что пришла рассказать про сон.

– Но почему ко мне?

Я и сама не понимала почему, но внезапно меня осенило.

– Похоже, что бы я ни сказала, ты не сочтешь меня чокнутой или я точно чокнутая, если думаю так?

– Леа, тебя иногда трудно понять. Садись и излагай свой сон, – кивнул он на качалку довольно ненадежного вида.

Я подробно рассказала про воображаемую двоюродную сестру Айрис. Кончив, я принялась яростно раскачиваться; Аллан же запустил пальцы в шевелюру – верный признак, что он приходит к каким-то выводам. На протяжении нескольких жутких мгновений мне казалось, что он вот-вот произнесет: «Леа, не хочу тебя огорчать, но ты действительно свихнулась». Вместо этого он произнес:

– Леа, ты мне нужна.

От этих слов у меня затрепыхалось сердце. Я уже решила, что он мне нравится. И знала, что нравлюсь ему. Но не подозревала, что настолько.

– Ах, Аллан! – сказала я. – Зачем?

– У тебя самый высокий пси-потенциал на Клаконе, выше, чем у всех нас, военных и гражданских. Твой сон окончательно меня в этом убедил. Я думаю, он крайне важен.

Я не знала, возгордиться или обидеться, но я начала работать у Аллана Бантри, в отделе инопланетной психологии.

Я всегда записываю свои сны в дневнике. А потому точно знаю, когда какой видела. Но даже и без дневника я помню, что каждый сон предшествовал катастрофе. Первый привиделся мне накануне обрушения нового здания. Потом была мукомольня, а потом гараж. Я уже со страхом подумывала, не являются ли мои сны причиной всех этих ужасов. Однако Аллан меня разубедил.

– Забудь эту чушь, – сказал он. – Никаких сомнений в том, что происходит, нет. Каким-то образом возник контакт между тобой и теми, кто устраивает диверсии. Во всяком случае, с одной – с Айрис.

– Но ведь того, что я вижу во сне, на самом деле не происходит.

– По-моему, происходит, но не так, как тебе вспоминается. Образы в твоих снах – попытка подсознания облечь смыслом увиденное.

– Аллан, неужели ты серьезно считаешь, что я нахожусь в телепатическом контакте с людьми, которые устраивают диверсии на нашей базе? И ведь даже не доказано, что это вредительство, а не цепь несчастных случаев!

– Статистически очень маловероятно, что это несчастные случаи, – сказал он. – Нет, за этим явно стоит интеллект.

– Тогда это кто-то из наших. На планете ведь нет никого, кроме персонала Флота – военного и гражданского. Или, по-твоему, кто-то прячется там? – И я махнула рукой в сторону безжизненной каменной пустыни, посреди которой лежала Ксанаду.

– Нет, – ответил Аллан. – По-моему, это вовсе не предательство, не саботаж и не диверсии. Кажется, мы столкнулись с иноинтеллектом, который борется с нами по каким-то своим причинам.

– То есть, по-твоему, тут где-то прячутся инопланетяне? – спросила я.

– Другого объяснения нет, – сказал Бантри. – И они могли быть здесь еще до нашего прибытия. Не забывай: планету обследовали наспех. Мы исходим из того, что тут нет разумных живых существ, а ведь это означает лишь, что разведка их не обнаружила.

Да, это была мысль. Причем страшная. Если Айрис и ей подобные действительно существуют, то где они?

Все это выглядело очень серьезным, но тут я кое-что сообразила и засмеялась.

– Моя гипотеза об инопланетянах кажется тебе смешной? – спросил Аллан довольно-таки холодным тоном.

– Все нет, Аллан! Но согласишься, именно такой гипотезы и следовало ждать от инопсихолога.

Он было насупился, но тут же ухмыльнулся. Я обрадовалась: по-моему, очень хорошо, когда у мужчины есть чувство юмора, особенно если я рядом.

– Знаешь что? – сказал он.

– Что – что?

– Ты жуть наводишь, Леа, ну просто жуть!

Тут я окончательно убедилась, что нравлюсь ему.

Честно говоря, мне очень не хотелось заниматься пси-тренировками. Было о чем подумать, кроме них. Аллан и я только что обрели друг друга. Вот об этом стоило подумать. Хотя Аллан как будто не вполне сознавал, что мы обрели друг друга. Вот и об этом очень стоило подумать. А главное, мне вовсе не хотелось думать. Я влюбилась и хотела просто наслаждаться этим чувством, сладкой такой безмятежной ленью. Поэты называют это томностью. В обществе Аллана меня охватывала томность.

Но мое общество вроде бы не настраивало Аллана на романтический лад. По правде сказать, я не думаю, чтобы это входило в его репертуар. Он был серьезным молодым фанатиком от науки и хотел, чтобы я занималась пси-тренировками.

Мне приходилось надевать на голову какие-то металлические штучки и смотреть на шарикоподшипники, лежащие на стекле. Идея заключалась в том, чтобы я заставила их покатиться. Нет, вы только вообразите!

Честное слово, я старалась, толкала их всей силой своих мыслей. Иногда даже казалось, что еще чуточку – и я прикоснусь к ним. Я ощущала холод стали... нет, не своим настоящим лбом, естественно, а лбом, который проецировала на стальной шарик.

Но не заставила ни один даже качнуться. Я видела, что Аллан разочарован. После недели тщетных потуг он, по-моему, был уже готов отказаться от своей затеи, но тут я поняла, в чем фокус.

Я назвала это фокусом, но Аллан сказал, что это просто моя индивидуальная манера сосредотачиваться. Я вообразила крошечный ломик, подсунула его под шарик, толкнула... и он покатился! После этого стало легче толкать моим воображаемым лбом. Но не могу утверждать, что это всецело моя заслуга. Усилитель пси, который я надевала на голову, тоже помогал. Спасибо, усилитель пси!

После подшипников Аллан захотел, чтобы я поворачивала ключи в скважине на расстоянии. Это оказалось просто, когда я научилась как бы закручивать силу. Ну а потом мы перешли к установлению контакта.

В моем следующем сне я шла по городской улице, которая задним числом показалась мне очень странной, но во сне все выглядело привычным и нормальным. По сторонам было много зданий белого и голубого цвета, но без дверей, вообще без входов. Аллан сказал мне позже, что многие частности, скорее всего, не имели никакой связи с реальностью, а были плодом поисков аналогий – нашему сознанию свойственно симулировать то, что нас окружает. Вот так изъясняются инопсихологи.

Улицы были вымощены фарфоровыми булыжниками. Я видела лошадей и всадников, хотя потом сообразила, что это вовсе не лошади.

Я шла по улице, а меня все время обгоняли торопящиеся прохожие. Каким-то образом я понимала, что они никуда особенно не спешат, а просто двигаются быстро, таким уж они обладали свойством. Я шла, шла и вышла на что-то вроде деревенской площади, а на ней был фонтан со статуей. Только у статуи не было головы, и вода била из шеи. Тогда мне это странным не показалось, тем более что статуя, как я знала, стояла там века и века.

Тут я услышала голос: «Все граждане, немедленно соберитесь у статуи, Оранжевый сектор, двадцать два. У нас важное сообщение».

Я направилась туда, и передо мной предстало печальное зрелище. С фронта вернулось много солдат, и большинство было тяжело ранено. Повсюду виднелись носилки, подъезжали и уезжали машины «скорой помощи». Некоторые из наших мужчин были все в бинтах и передвигались на костылях, некоторые ковыляли на шести ногах, другие на семи. У меня сердце надрывалось при мысли, что они лишились ног и уже никогда не смогут участвовать в майской пляске.

Я пошла дальше. Казалось, я должна сделать нечто важное. У меня были какие-то причины находиться тут. Стоило подождать – и я бы вспомнила. Но времени сидеть и ломать голову не было. И тут появился Ингендра, брат Айрис.

– Ты как раз вовремя, – сказал он. – Сейчас начнется заседание высшего совета. Он должен вынести крайне важное решение.

– Какое? – спросила я.

– Идем со мной, – сказал Ингендра. – Ты сама все увидишь.

В зале были очень высокие потолки, и освещался он скрытыми источниками света. Там собрались все советники города и присутствовала президент ариджи. Очень толстая, с густым слоем туши под глазами, она была старая, но мне показалась очень красивой. Я ее испугалась, потому что она, как я считала, умела читать мысли – и мои, и кого угодно. Они это умеют, президенты ариджи.

– Так ты Леа. Мы надеялись, что ты опять нас посетишь.

– Как же так? Я ведь живу здесь.

– Нет, Леа. Попробуй вспомнить, откуда ты на самом деле.

Я задумалась, и появилось ощущение, будто я грежу, а настоящая Леа спит в другом, возможно настоящем, мире.

– Знаешь, откуда ты? – спросила президент.

– Я правда из другого мира?

– Да, дитя, да. Для нас это чудесная возможность. Мы уже потеряли всякую надежду войти в контакт с твоей расой. И вот появился шанс.

– Послушайте! – сказала я. – Погодите! Объясните! Я должна вернуться и сказать, что мне приснился сон, но все было по-настоящему?

– Конечно, тебе не поверят на слово. Но мы кое-что придумали.

– Что?

– Пока не могу сказать. Но когда это случится, ты сразу поймешь. И тогда надо будет снова поговорить с нами.

– Не хочу! – крикнула я и проснулась в лаборатории.

– Ты видела сон? – спросил Аллан и включил записыватель. – Расскажи подробнее.

И я рассказала.

– Когда это что-то должно произойти?

– Очень скоро, Аллан. Может, нам следует предупредить адмирала?

– О чем предупредить? Мы же не знаем, что они сделают. Он сочтет нас чокнутыми.

Адмирал Эсплендадоре сидел у себя в кабинете за поздним утренним кофе. Кофе для Флота совершал до Клаксона долгое путешествие. Единственная культура, которая никак не приживалась на инопланетных почвах. Эсплендадоре прихлебывал свою любимую смесь мокко с яванским и проглядывал отчеты инженеров. Он все еще отставал от графика. До чего же медленно все делается, просто нестерпимо! И по-прежнему никаких сведений, по чьей вине происходят аварии на базе. Кое-кто из штабных предложил свои версии, но что толку от версий, не подкрепленных неопровержимыми фактами? Особенно раздражала нелепая идея Бантри. Само собой, в Галактике существуют очень странные расы и нельзя сбрасывать их со счетов. По просьбе Бантри он распорядился провести подробнейшую аэросъемку

поверхности Клаксона, а также прозондировать два пресных океана планеты. Не было обнаружено ни малейших признаков разума, никаких намеков на его существование.

Однако, если адмирал в самом скором времени не разберется в происходящем, ему придется туго. Высокое начальство следит за ним. Задание крайне важное, ведь его удачное выполнение может надолго утихомирить хорьков и дать Альянсу такое преимущество, что это «надолго» превратится в «навсегда».

Он снова поднес чашку с кофе к губам и вдруг заметил легчайшую дрожь на бурой поверхности. Словно жидкость улавливала вибрацию, которой он не чувствовал.

Адмирал нахмурился, подошел к компьютерной консоли, запросил сводку сейсмической активности. Все как будто в полном порядке, хотя в данных, поступивших из некоторых секторов, наблюдаются минимальные отклонения.

Но теперь он уже сам ощущал вибрацию. Вроде пол дрожит. Возможно, ведутся какие-нибудь работы ниже этажом – например, проверка оборудования. Он решил выяснить и взял телефонную трубку.

– Хаскуэлл, – распорядился адмирал, – идите сюда. У меня для вас поручение.

Ответа не последовало. Эсплендадоре внезапно осознал, что телефон отключен. Он постучал по трубке. Та молчала. Он подошел к двери и дотронулся до фотоэлемента замка. Не открывается! Он ударил кулаком по двери. Это ничего не дало. Он заорал:

– Хаскуэлл! Вы меня слышите? Откройте дверь немедленно!

Никакого ответа. Ну да, ведь дверь звуконепроницаема. Он успокоился и вернулся к пульта. На окна адмирал даже не оглянулся, их стальные ставни были заварены из соображений безопасности. Дверь была единственным входом и выходом, а она отключилась. Телефон был единственной связью с наружным миром, и он умолк.

Но есть же еще компьютер!

Он повернулся к пульта и попробовал вызвать какой-нибудь другой компьютер планетарной сети. Безуспешно!

На экране вспыхнуло: «Пожалуйста, подождите. Первоочередное сообщение».

Оставалось только ждать. А пока он ждал, дрожь пола все усиливалась.

И тут внезапно лампы в кабинете погасли и наступила полная темнота, поскольку окна не пропускали свет. Послышалось какое-то жужжание в стенах. Конечно, что-то с проводкой. Но звуки не прекращаются, и они совсем не похожи на потрескивание в электрических кабелях. Кажется, внутри стен происходит движение. Крысы? Или еще какая-то дрянь?

Эсплендадоре вернулся к письменному столу, открыл на ощупь верхний правый ящик и достал лазерный пистолет новейшей модели. Он поставил ширину луча на максимум. В глубине ящика хранилось еще одно лазерное оружие, ручной игольник – с коротким радиусом действия, но абсолютно смертоносный. Теперь адмирал был готов вступить в бой с кем или чем угодно.

Однако он предпочел бы знать, что происходит на базе. Конечно, Одряхлендер, его заместитель, превосходно справлялся с обычными делами. Но к этой ситуации меньше всего подходил эпитет «обычная». Только бы Одряхлендер не поддавался панике. Вовсе ни к чему, чтобы в штаб Флота полетели ракеты связи с нелепым сообщением о невидимом противнике. Как бы Эсплендадоре не стать всеобщим посмешищем. Бесспорно, противник невидим, но это ничего не меняет. Впечатление такой доклад произведет самое неблагоприятное.

Тем, кто шебаршится в стенке, рано или поздно придется себя показать. И тогда им очень не поздоровится.

Адмирал Флота, Небесный Малютка Эсплендадоре был разгневан.

Вскоре он ощутил новое движение. Его кабинет закачался, потом накренился, и адмирал упал бы, не успей он ухватиться за край стола. Не только кабинет – все его апартаменты словно пустились в путь. Это было маловероятно – нет, это было невозможно! – но это было!

Жутковатое состояние – убывать в неизвестном направлении в непроницаемом мраке. Уж не козни ли это халианских агентов? В таком случае его карьере конец. Такая привычка была у адмирала – сначала думать о гибели своей карьеры, а не о собственной гибели. Чем бы это ни завершилось, раз халиане умудрились похитить Эсплендадоре вместе с его личными апартаментами из самого центра военной базы, ему этого не перенести, даже если он останется в живых.

Кабинет был абсолютно звуконепроницаем, и только толчки и покачивания свидетельствовали, что он передвигается в пространстве – и, похоже, по воздуху. Оставалось выяснить, кто это делает.

Рано или поздно злоумышленникам придется вступить с ним в переговоры. Они войдут в дверь, ведь другого пути в этот кабинет не существует. А Эсплендадоре устроит им достойную встречу.

Он занял позицию позади стола, хорошенько уперевшись, и навел игольник и пистолет на невидимую дверь.

Он не знал, сколько уже времени пробыл в темноте. Кабинет был подобен бассейну для тренировочных погружений, где теряется всякое ощущение времени.

Спустя вечность кабинет замер, и адмирал это почувствовал.

Сейчас войдут!

Он шурился, ожидая, как в дверной проем хлынет яркий свет. Пальцы дрожали на спусковых крючках.

И тут зазвонил телефон.

– Кто говорит?! – рявкнул Эсплендадоре в трубку.

– Сэр, я Аллен Бантри, инопсихолог Флота.

– Бантри, какого черта?! Почему на связи вы? Где Хаскуэлл? Где Одряхлендер? Где мой начальник штаба?

– Сэр, они с десантниками. Планируют операцию по вашему спасению.

– Отлично! – обрадовался Эсплендадоре. – Передайте, чтобы начинали. И кстати, где я нахожусь, черт подери?

– Ваш жилой модуль был отделен от здания и унесен примерно на полмили за периметр базы. Я сейчас пытаюсь восстановить видеосвязь. Ага! Теперь вы можете посмотреть сами.

Вспыхнули экраны. С трех сторон Эсплендадоре увидел три обрыва, уходящие вниз, а с четвертой – узкий выступ, нависающий над пропастью. Похоже, его модуль теперь стоял на этом выступе.

– Я считаю, следовало бы дать десантникам отбой, – сказал Бантри. – Причина заключается в том, что суета на выступе может обрушить его в пропасть вместе с вами.

– А, черт! – сказал Эсплендадоре. – Нет, такой вариант не годится. Передайте им от моего имени, чтобы не атаковали, а поискали другой способ разобраться с похитившими меня мерзавцами. Да, кстати, а кто меня похитил?

Бантри замялся.

– Сэр, боюсь, вам не понравится...

– Понравится, не понравится... При чем тут это? Говорите.

– Вам это очень не понравится, сэр.

– Бантри, хватит вилять! Отвечайте!

Бантри прочистил горло.

– Адмирал Эсплендадоре, что бы вы сказали, если бы я ответил, что ваш жилой модуль был отсоединен от здания благодаря согласованным действиям десятка миллионов жесткокрылых жуков величиной с монетку?

– Сказал бы, что вы спятили, милейший, и что язык доведет вас до военно-полевого суда.

– Этого-то я и опасался, – вздохнул Бантри.

– Правильно ли я понял: эти ваши жуки взвалили меня на свои спины и приволокли сюда?
– Совершенно правильно, сэр, именно это и произошло. Несколько миллионов жуков способны перемещать очень большие предметы.

– Предупреждаю, – зарычал Эспендадоре, – помрачением рассудка вам не оправдаться... Других версий, Бантри, у вас нет?

– Нет, сэр.

– Рядом с вами есть кто-нибудь из офицеров?

– Ваш адъютант капитан Уолтерс.

– Давайте его к камере! Уолтерс, в чем дело?

– Никто точно не знает, сэр, – ответил Уолтерс. – Но складывается впечатление, что миллионы, если не миллиарды, жуков кому-то подчиняются. Или чему-то. Может быть, халианам, сэр.

– Вы своими глазами видели?

– Да, сэр, я наблюдал, как жуки уносили вас. Мы не решились применить взрывчатку, газ или инсектицид из опасения причинить вам вред. Но скажите только слово...

– Не спешите, – перебил Эспендадоре. – Наш долг по отношению к науке и нашей собственной безопасности требует, чтобы мы вступили в переговоры с этими тварями, выяснили, чего они хотят. А они нападают на моих ребят?

– Нет, сэр. Неофициальная демаркационная линия возникла как-то сама собой. Они остаются на своей стороне, а мы на нашей. До сих пор они не предприняли никаких враждебных действий. То есть кроме вашего похищения, сэр.

– И это настоящие жуки? – спросил Эспендадоре.

– Насколько мы можем судить. У нас в штате нет энтомологов, или как там называют парней, которые изучают козявок. Но один наш агротехник говорит, что они точь-в-точь как хрущи японские, только пятнышки голубые.

– Что известно о японских хрущах?

– Да тут никто почти ничего не знает. Отправить ракету с запросом?

– Нет, пока ничего не предпринимайте. Как считаете, есть шанс вытащить меня отсюда?

– Пытаемся, сэр. Но есть некоторые сложности.

Эспендадоре хотелось поскорее вырваться из плена, и на то было несколько причин. Немалое значение имело то обстоятельство, что жуки, похищая его апартаменты, не потрудились прихватить и ванную.

– Что за трудности?

– Когда мы пытаемся приблизиться к вам, жуки угрожают подгрызть выступ. Глубина несколько сот футов, сэр.

– Черт побери! Так заставьте их уйти отсюда. Найдите какую-нибудь приманку. Я слышал, жуки любят тухлое мясо. Скажите коку, пусть испытает на них последнюю партию говядины. Полейте ее медом. Уж на это они точно клюнут!

– Боюсь, вы не поняли, сэр. Это ведь не простые жуки. То есть не те безмозглые твари, к которым мы привыкли. Они хотят обсудить с вами что-то.

Эспендадоре уставился на трубку.

– Я с трудом верю, что миллион жуков унесли мой модуль. Но чтобы жук изъявил желание что-то обсудить со мной... Это уже переходит границы возможного.

– Жуки говорить не могут, сэр, тут вы совершенно правы. Во всяком случае с нами, хотя друг с другом они вроде бы общаются. Нет, сэр, они передали свои требования через третье лицо. Оказалось, что одна из завербованных, молодая девушка с Тринита, работающая у доктора Бантри в отделе инопланетной психологии, обладает телепатическими способностями.

Адмирал Эспендадоре устал, проголодался, его мочевой пузырь был переполнен, и он попал в дурацкую ситуацию, угрожавшую его карьере, а может быть, и жизни.

– Свяжите меня с этой девицей, – сказал он.

– Я правильно понял, мисс, что вы находитесь в телепатическом контакте с королем, полководцем или представителем этих жуков?

– Да, сэр, – ответила Леа. – И поверьте, меня это удивляет не меньше, чем вас. Я всегда знала, что у меня есть дар провидения, но никак не предполагала, что попаду из-за него в такое положение... Установлю связь с инопланетянами, хотела я сказать. Наверное, это вина Аллана... то есть доктора Бантри, потому что он заставил меня заниматься пси-тренировками, из-за чего и стал возможным этот контакт.

– Мисс, – сказал адмирал, – поменьше автобиографии, если можно.

– Простите, сэр. Я просто хотела объяснить...

– Ну так эти жуки... кто ими руководит?

– Они сами собой руководят. При своем президенте, хочу я сказать. Она велела мне сказать вам это.

– У них есть президент?

– Не настоящий, сэр. Воображаемый.

– У этих жуков есть воображаемый президент?

– Тут немножко трудно объяснить, сэр. Видите ли, у них единое групповое сознание, которое складывается из всех их сознаний... Если я верно поняла. Для меня ведь это так же ново, как для вас, хочу я сказать. Так что потерпите, сэр. Извините, что я все время объясняю.

– И эти жуки сумели спланировать мое похищение, и утащили меня сюда, и угрожают моей жизни?

– Да, сэр. То есть они спланировали ваше похищение, но они вам не угрожают. Они просто хотят, чтобы вы уделили им внимание.

– Уже уделил. Так чего они требуют?

– Они требуют, чтобы вы ушли из Ксанаду.

– Но это же лучшее место на планете!

– Вот и они так считают, сэр. Вернее, это единственное место на планете, где они могут жить. В старину, говорят они, было много лучше, ну а сейчас – вот так. И еще они указывают, что обитают тут издавна. Они утверждают, что вы оккупировали их исконную землю, а это прямое нарушение Великой Хартии Альянса, насколько они поняли ее из моих объяснений. Политика не входила в число предметов, по которым я успевала, сэр, но я очень старалась. Ведь мы правда утверждаем, что планеты являются неотъемлемой собственностью их исконных разумных рас? Правда, сэр?

– Да, безусловно.

– Я просто хотела проверить, что ничего тут не напутала. Они говорят, что вы можете потратить чуть больше денег и доставить сюда почву, воду и прочее оттуда, откуда явились (это они так выразились, сэр), и создать для себя свое Ксанаду. Места хватит. Они даже будут рады снабдить вас местными семенами и всем прочим в том же роде. Но они говорят, что вам не следует оккупировать единственное место на планете, где они могут жить.

– Погодите, погодите! – Адмирал положил трубку, заранее тщательно обдуманном маневром облегчился в пустой термос из-под кофе, аккуратно завинтил его и вернулся к телефону. – Я не понимаю, в чем их проблема. Мы с ними не конкурируем. Они могут и дальше заниматься тем, чем занимаются жуки в этой долине. Ну построим мы несколько зданий, им-то что?

– Дело не столько в зданиях, – сказала Леа. – Их злит другое.

– Что вы подразумеваете под «другое»?

– То, что мы навезли инопланетных растений и стараемся выращивать их здесь. Они считают это нарушением самых основ этики, и они сражаются и за себя, и за своих растительных союзников.

– А ну их к черту! – сказал Эсплендадоре. – Я не желаю иметь никакого дела с расой, которая обвиняет наши растения в агрессии!

Несколько часов спустя адмирал Эсплендадоре дал слово, как офицер Флота, что перенесет свой лагерь в другую местность на Клаконе, минимум в ста милях от Ксанаду.

Адмирал не был трусом. Он выбрал бы смерть, если бы счел, что наносит какой-то ущерб Альянсу и Флоту. Он дал согласие, потому что ариджи предложили послать в новый лагерь несколько миллионов сородичей, чтобы помочь строительству новой базы в меру своих возможностей.

Эсплендадоре сразу увидел, как сильно это ускорит работы. Он не сомневался, что может уничтожить всякую жизнь в Ксанаду, едва сочтет нужным, но это не дало бы ничего. Важнее всего построить базу.

И все-таки Эсплендадоре медлил доложить Флоту, что он заключил соглашение с расой жуков.

Конечно, долго сохранять это в секрете не удалось бы – слишком уж значительным было случившееся. И Аллана Бантри, инопсихолога, который сделал это открытие, ждало много чудесного. Вероятно, его именем назовут новую школу в инопсихологии, он получит в свое распоряжение замечательную лабораторию.

После этого Аллан был со мной очень мил, но как будто нервничал в моем присутствии. Когда я спросила, в чем дело, он ответил только, что я внушаю ему трепетное благоговение. Скверный знак в романтическом смысле. Но что мне оставалось делать? Во мне действительно появилось что-то грозное. Особенно после того, как я получила пост старшего лингвиста при ариджи, поскольку только я одна умела разговаривать с ними, ну и конечно, Айрис настояла. Очень важная должность, но обрекающая на одиночество – во всяком случае до того, как я познакомилась с Армандом Дюнкером, обаятельным молодым дипломатом, который прибыл с Земли учредить первое консульство при инопланетных разумных беспозвоночных. Но это другая история.

* * *

Одна Вселенная, один Альянс, один Флот... и множество талантливых авторов, взявшихся описать разные эпизоды великой битвы галактик. В «Контратаку» (1988) – вторую антологию из цикла «Боевой Флот» – внесли свой вклад Кристофер Сташефф, Майк Резник, Пирс Энтони и еще несколько знаменитостей. Не остался в стороне и Роберт Шекли, к тому времени уже набивший руку в боевой фантастике. Однако стоит ли читателю удивляться, что даже эта повесть о горькой участи преданного и плененного землянина вызывает улыбку? Да просто самый веселый фантаст нашей планеты не был бы самим собой, если бы дело обстояло иначе.

Сага предателей

Перевод Игоря Дернова-Пизарева

В день отправки мы промаршировали за полковником Баром Кохбой по Маккавейскому бульвару к парадному плацу, где Соломон Готшафт, всепланетный президент Эрец-Пердидо, одарил нас напутственной речью, в которой выразил пожелание показать всей Вселенной или хотя бы той ее части, которая проявит к нам интерес, из какого теста слеплены лучшие сыны десяти пропавших колен Израилевых. Приветствуемые многочисленной толпой, мы продефилировали под сводами гигантских каменных ворот Нового храма, за которыми ждали грузовики, прямиком доставившие нас в космопорт имени Теодора Герцла, что находился на самой окраине нашей столицы, Нового Иерусалима. Там мы погрузились на борт космического истребителя «Быстрый» для короткого перелета на дредноут «Кузнец победы», ожидавший нас на орбите.

Дредноут «Кузнец победы», семисот метров в длину, весом более чем триста тысяч тонн, вмещал команду в две тысячи восемьдесят человек. Нашу сотню разместили по каютам, поставили на довольствие и снабдили автоматическими планами, позволяющими отыскать дорогу к спальным помещениям, столовой, тренировочному залу, гарнизонной лавке и рекреационному залу. Офицеры зачитали приказ по кораблю: немедленно занять свои койки, которые одновременно служили амортизаторами, и пристегнуться в ожидании старта.

И вот наступил тот прекрасный миг, когда зазвучали сирены и корпус корабля сотрясла звенящая вибрация включившихся гиперсветовых двигателей. Ощущения движения не появилось, но правила предписывали пристегнуться – в момент старта у новичков иногда случалось головокружение. Расположенные над головами экраны позволяли нам наблюдать, что происходит с кораблем в данный момент.

Физически ускорение почти не ощущалось, но мы знали, что, используя гравитационное поле ближайшей звезды нашей системы – Пердидо-1, «Кузнец победы» стремительно набирает стандартную скорость, равную четверти световой. Теоретически, с помощью гиперсветовых двигателей корабль мог ускоряться до тех пор, пока вплотную не приблизится к скорости света или пока не развалится. На практике же большие звездолеты редко разгонялись до скоростей выше половины световой и делали это только для передвижений в пределах планетных систем. Путешествия на действительно далекие расстояния совершались в ином режиме – с использованием гиперсветового привода. Благодаря этому приводу самый огромный корабль за какие-то три стандартные недели мог пересечь участок космоса диаметром в тысячу световых лет, вмещающий более трехсот планет Альянса.

Наше путешествие должно было продлиться двадцать пять дней – мы следовали на далекую окраину Альянса. А именно на планету Цель, расположенную у самой северо-западной границы. Цель по данным разведслужбы Флота являлась родиной халианских головорезов.

Недавнее перебазирование Флота на планету Клаксон весьма способствовало решению напасть на эту ключевую позицию врага – планету, с которой халиане атаковали наши корабли и совершали свои гнусные рейды на планеты Альянса.

Для достижения этой цели Флот решил сосредоточить все свои силы и одним массированным ударом уничтожить врага. По каковой причине были отозваны части со всех дальних пограничных гарнизонов и охранных постов; правда, при этом оголились планеты самого Альянса. За тысячелетнюю историю Флота эта операция была самой крупной; казалось, ничто не сможет противостоять подобной мощи, хотя некоторые пессимисты твердили, что военное счастье переменчиво, что Флот может потерпеть неудачу, наткнувшись на шальную черную

дыру, или попасть во внесезонный временной шторм. И тогда будущее человечества окажется во власти проклятых халиан.

Десантные войска Флота состоят из соединений, набранных из обитателей различных планет. Эти соединения служат под началом своих командиров, которые в свою очередь, подчиняются верховному командованию Флота. Ко времени нашего прибытия еще не завершился спор между различными группами за право быть на острие атаки в десантной операции на Цели. Таких групп оказалось более ста, и все они были отлично подготовлены и пригодны для подобной операции. Неплохо зарекомендовали себя циандоты с планеты Циандот-2 или, например, махдисты с Хартума-4. Но особенно настойчивыми были «сыновья альбигойской ереси» – их планета Янус стала членом Альянса всего лишь семь лет назад, и своим геройским поведением «сыновья» хотели снискать себе всечеловеческое признание и славу.

За эту привилегию в палате представителей Федерального собрания на Земле лоббисты развязали настоящую войну. Но не прошло и часа, как приземлился наш «Кузнец победы», а мы уже торжествовали. Право на самую первую атаку получила наша группа – тысяча человек с Пердидо.

Конечно, не следует приписывать этот успех особой популярности наших персон – просто мы оказались самой компромиссной кандидатурой. Все основные претенденты, не желавшие потерять лицо, предпочли, чтобы это назначение получили мы, а не их основные конкуренты.

Я понимаю, что говорю слишком много. К этому склонны все евреи. Но у нас, евреев с Пердидо, эта привычка носит несколько маниакальный характер. И все из-за неопределенности нашего статуса. Единоверцы с Земли никак не желают признать в нас евреев, не говоря уже о том, чтобы принять во внимание постулат, что мы десять исчезнувших колен Израилевых, похищенных когда-то инопланетянами и перемещенных с Земли на Пердидо.

Проклятые инопланетяне уволокли наших предков так быстро, что те не успели захватить с собой ни Тору, ни Талмуд, ни даже комментарии ученых рабби. Благодаря народной памяти мы всегда знали о существовании великих книг, но вот о чем в них говорится – мы, к великому нашему несчастью, не ведали. Земные евреи заявили нам, что поскольку мы не знаем ни содержания священных книг, ни молитв, ни иврита, весьма посредственно говорим на идиш и не имеем понятия еще о каких-то вещах (о каких именно, я забыл), то и звать еврейскими мы не имеем права. На столь агрессивное заявление мы кротко ответили, что хотя наш народ лишен всего этого (отнюдь не по своей вине), но зато у нас имеется много других признаков истинных сынов Израиля. Например, привычка пожимать плечами, отвечать вопросом на вопрос или обращаться при беседе к воображаемому свидетелю. Я уже не говорю о манере в критические моменты жизни изо всех сил хлопать себя по лбу и почти непреодолимым желанием время от времени восклицать: «Ой, вей!» А наша кухня?! Только евреи способны сотворить из инопланетных продуктов маринады, голубцы, копченую говядину, печеночный паштет и селедку под шубой! Причем последнее являет собой истинный триумф кулинарного искусства, если принять во внимание, что наша планета представляет собой сплошной тропический лес. И мы должны были создать продукт, похожий на соленую рыбу, не имея понятия о ее вкусе.

Да, это интересно, ответили евреи с Земли, может быть даже поразительно, но вряд ли что-то доказывает. «Бог мой! – воскликнули мы, шлепая себя ладонью по лбу. – Если уж это ничего не доказывает, каких же доказательств вам еще нужно?»

Так что вопрос до сих пор остается открытым. А пока мы не считаемся еврейскими даже в Израиле. Только на нашей родной планете Пердидо да в некоторых районах Нью-Йорка.

От подобного обращения кто угодно способен немного свихнуться и возмечтать о малой толике славы. О этот гнет вечной проблемы самоидентификации евреев! Но земные евреи отказывают нам даже в праве на то, что мы, подобно им самим, можем страдать от этой вечной проблемы.

Меня зовут Иуда бен-Иуда. Если это имеет для вас какое-либо значение, то сообщу вам, что я человек плотный, голова у меня круглая и увенчана черной вьющейся шевелюрой. Мне тридцать три, и, прежде чем записаться в экспедиционные силы Пердидо, я служил ассистентом профессора на факультете защиты еврейской культуры в Стетельхевенском университете планеты Пердидо. Причины, по которым я не стал действительным профессором, не имеют никакого отношения к данной истории, однако можете мне поверить – они целиком лежат на совести некомпетентных экзаменаторов.

Короче, я записался в ополченцы, получил звание капитана и десять человек под свою команду, совместно с которыми проходил обучение в лагере Сабра. Спустя несколько недель мы преодолели основные разногласия, и подчиненные дали обещание беспрекословно выполнять мои приказы – по крайней мере, в ближайшее время. Некоторые люди из Альянса находят странным, что мы, пердидодианцы – если использовать наше нейтральное название, – вместо того чтобы просто подчиняться приказам, предпочитаем советоваться друг с другом. Эта привычка настолько укоренилась в нас, что мы практикуем подобные отношения даже в армии. Вы спросите – почему? Могу ответить на этот вопрос только так: методом проб и ошибок мы обнаружили, что гораздо легче попросить, чем приказать. Это, быть может, и занимает больше времени, но зато дело потом движется лучше и веселее. А если в ответ на свою просьбу вы услышите «нет» – что ж, вы просто можете пожать плечами, пробормотать себе под нос: «Ой, вей!» – и попросить кого-нибудь другого. Мы ведем свои дела именно таким способом. Это кажется очень логичным. Хотя похоже, что другие думают иначе.

Как только корабль перешел на гиперсветовой режим и мы снова обрели способность передвигаться, полковник Бар Кохба позвал меня и остальных командиров к себе.

Кохба был невысок ростом, обладал бычьей шеей, короткой седой бородой и выправкой кадрового военного. Он являлся одним из немногих профессиональных офицеров на Пердидо и с отличием окончил Академию Флота на Хелласе-2. Мы всегда старались держать наготове нескольких обученных офицеров, хотя на нашей планете никогда не бывало войн в обычном смысле этого слова – с участием сражающихся профессиональных армий и космических флотов. Пердидо – слишком отдаленная и бедная планета, чтобы у кого-то мог возникнуть соблазн завладеть ею, не считая, разумеется, этих варваров-халиан. Однако и этого оказалось вполне достаточно, чтобы мы ухватились за предоставленную возможность нанести врагу сокрушительный удар.

Бар Кохба с военной четкостью ввел нас в курс дела. Предполагалось дать в окрестностях планеты Цель грандиозное космическое сражение. Этому сражению должна была предшествовать высадка десанта на поверхность самой планеты. Бар Кохба сказал, что нас туда доставят истребители, специально оборудованные для этой задачи. С истребителей сняли большую часть вооружения и установили многочисленные защитные экраны, которые, вероятно, позволят избежать обнаружения и иных неприятностей. Полковник кратко изложил план операции и раздал нам карты районов боевых действий, в основном представляющие собой чистые листы с координатной сеткой, потому как провести картирование Цели пока не удалось. Наша операция должна была начаться через шестнадцать часов – теперь, когда нападение стало уже делом решенным, необходимо действовать как можно быстрее. Надо нанести удар прежде, чем халиане успеют понять, что к чему.

Отпустив всех, Бар Кохба попросил меня остаться.

Раскурив огромную и чрезвычайно вонючую трубку, полковник сообщил, что, изучив характеристики всех десяти своих офицеров, он решил предложить мне возглавить разведотряд.

Я был несколько озадачен.

– Никогда не думал, что у меня имеются какие-то особые данные.

Бар Кохба улыбнулся своей обычной вежливой улыбкой.

– Я выбрал тебя, – сказал он, – потому что в бумагах отмечено: ты парень любопытный и вечно суешь свой нос в дела, которые тебя не касаются. А это как раз то, что и требуется от разведчика.

– Что вы хотите этим сказать, полковник? – спросил я. – Не думаете же вы, что я стану следить за своими боевыми товарищами?

Полковник удивился:

– С чего ты это взял? Это дело контрразведки, которое меня совершенно не интересует. Офицер разведки нужен мне для того, чтобы разобраться, чего можно ожидать от этой чертовой планеты.

Я пожал плечами:

– Вы читали те же донесения, что и я. Что из них еще можно выжать?

– Разумеется, ничего. Но через шестнадцать часов, – он взглянул на часы, – уже почти через пятнадцать наша группа должна будет высадиться первой. И я сильно подозреваю, что придется на некоторое время задержаться там. Может обнаружиться что-то важное, способное повлиять на ход войны. Потому-то мне и нужен человек, который станет собирать и систематизировать информацию.

Несколько минут я обдумывал предложение. Работа казалась достаточно важной.

– Я займусь этим.

– Прекрасно, – ответил Бар Кохба. – Но давай сразу договоримся об одной вещи. Я не хочу сказать, что этим должен заниматься персонально ты. Никто не заставляет тебя шпионить. Я только прошу собирать и систематизировать сведения, вот и все. Тебе понятно?

– Конечно, сэр! – Я отдал честь и отправился готовить свою группу к высадке.

После некоторых размышлений до меня вдруг дошло – я не обещал полковнику не шпионить, а просто согласился с тем, что понял: Бар Кохба просит меня не делать этого. Упомяну об этом только потому, что после всего случившегося позднее, после моей первой встречи с Вик-Виком Зимордом, пошли разговоры о военном трибунале.

Десантно-диверсионные группы Флота, набранные на сотнях планет, где сильно различаются даже военные технологии, не говоря уже о местных обычаях и предпочтениях, всегда вооружались на свое усмотрение, таская повсюду собственную оружейную команду. Наша группа не составляла исключения. В качестве тяжелой артиллерии у нас имелись типовые плазменные пушки Гуши или попросту ППГ. С виду это орудие представляло собой трубу полтора метра длиной и диаметром пятнадцать сантиметров. Без перезарядки ее хватало на три выстрела, но радиус действия был ограничен прямой видимостью. Когда двухкилограммовый снаряд попадал в цель, происходил взрыв, мощность которого эквивалентна полутонне тротила. В моей команде имелось четыре таких пушки. Обычно полагается одна на десять человек, но ведь мы являлись головной группой.

Кроме этого, мы имели и свое оружие, производившееся на Эрец-Пердида, – несколько разновидностей пулевых пистолетов, несложные в обращении бластеры, гранаты разных систем. Именно так мы были вооружены, когда настало время грузиться на борт истребителя «Уверенный».

Спуск на поверхность планеты занял немного времени, но нам он показался бесконечным. Мы не знали, что ждет впереди. Вполне могло стать, что халиане давно уже прознали о нападении. Ведь не секрет, что даже среди профессиональных военных Флота есть шпионы. Чрезмерная любовь к деньгам и гибкая совесть толкают некоторых людей на предательство. А в качестве весьма удобного оправдания всегда можно использовать следующий довод: раз Альянс все равно победит, то какая разница?

Нашему истребителю, бесшумно падающему сквозь атмосферу Цели, халиане могли приготовить теплую встречу. Самая лучшая в такой ситуации тактика – дать нападающему возможность беспрепятственно приземлиться, а затем неожиданно напасть и уничтожить истребитель

и его пассажиров, пока не подросла подмога. Собственно говоря, мы даже не могли позвать на помощь, потому что вся операция должна была проходить в условиях полного радиомолчания.

Вообще-то, предательство является основной темой моего рассказа, но для него еще не пришло время. Наш истребитель бесшумно и без всяких приключений опустился на темную сторону планеты, и офицеры быстренько выгнали из шлюзов своих подчиненных. Черное ночное небо было усыпано разноцветными оспинами далеких беззвучных взрывов. Это высоко над нами Флот начал обстрел приближающихся кораблей-разведчиков халиан – скоординированная акция, призванная прикрыть наше приземление.

Наконец последний из десантников вывалился наружу, и истребитель, даже не успев захлопнуть шлюзы, взмыл в небо. Подобно гонимой штормом шхуне, он пытался найти в космическом океане пространство для маневра, прежде чем заговорят халианские зенитные батареи.

Что же касается нас, то мы, очутившись на поверхности планеты, не мешкая рассыпались в разные стороны. Каждый командир повел свою группу в определенном заранее направлении. Наша первоочередная задача состояла в том, чтобы рассеяться, хорошенько укрыться, оценить обстановку, найти противника, оценить его силы и только потом подумать, как его покрепче ударить.

Поначалу нам сильно мешало отсутствие надежных карт, поскольку, как я уже говорил, картографический анализ Цели перед нападением не проводился. Разумеется, мы накупили чертову уйма самых разных карт – матросы торговых флотилий часто входили в контакт с негуманоидами, которые в свою очередь имели дело с халианами. Торговля картами – довольно выгодное занятие. Поэтому кое-что у нас все-таки имелось. Но у меня было стойкое ощущение, что та карта, которую я держал в руках, совершенно не соответствовала окружающей местности. Реальность настолько отличалась от этих фантастических документов, которыми снабдил нас Флот, что я приказал своим людям поскорее выкинуть их – они могли только сбить нас с толку – и по ходу дела самим рисовать кроки.

Двигаясь на юг, мы вышли к залитому искусственным светом небольшому городку или лагерю, улицы которого на несколько миль растянулись по берегу океанского залива. Мы окрестили его Вражеским Городом и предположили, что он должен иметь кое-какое стратегическое значение. Небо над нашими головами, по мере того как новые корабли вступали в космическое сражение, все ярче разгоралось от плазменных вспышек. Пора и нам внести вклад в общее дело. Я проверил своих людей и решительно повел их к Вражескому Городу, уповая на то, что остальные командиры разделяют мое мнение: это очевидная цель.

Мы установили четыре плазменные пушки на двух контролирующих город высот, так что могли прямой наводкой стрелять вниз. Пехотинцы, окопавшись, охраняли артиллеристов с тыла на случай атаки. Я удостоверился, что сделана необходимая поправка на ветер, взобрался на холмик, поднял белый носовой платок, хорошо видимый в утренней полутьме, и резко дал отмашку.

Небо прорезали золотистые пологие дуги. По вспышкам взрывов я понял, что цель накрыта. Какое-то мгновение мы видели прижавшийся к земле грязно-серый город, состоявший из одно- и двухэтажных глинобитных домишек с редкими вкраплениями более высоких строений. Мне вспомнились фотографии земных городов Тимбукту и Омдурман. Не похож ли на них Вражеский Город? Я был бы не прочь сфотографировать его, но часть построек мы разнесли на куски еще до того, как их образы успели запечатлеться в мозгу.

Я собрал своих людей и быстро повел вниз. Очень не хотелось покидать высоту, но надо было учитывать возможность ответного огня.

Направляясь к Вражескому Городу, мы скатились по склону холма, пробежали извилистым овражком и в сотне метров от окружавшей город низкой глиняной стены наткнулись

на первое укрепление – небольшую прямоугольную караулку с узкими бойницами, напоминавшую форты древних крестоносцев. Разнеся его двумя выстрелами из плазменной пушки, мы впервые увидели мертвых халиан – щуплых, покрытых коричневым мехом; их пояса были увешаны огнестрельным и холодным оружием.

Едва мы успели перегруппироваться, как из горящего города вывалила толпа халиан. Освещенные сзади заревом пожара, они не могли видеть нас, укрывшихся в балке. Халиане мчались в нашу сторону, а мы в упор расстреливали их из плазменных пушек, пока не кончились заряды, потом из стингеров и бластеров. Досталась работа и ножам с кривыми лезвиями, и наконец убивать стало некого. Вскоре после этого мы овладели Вражеским Городом.

День застал мою группу в самом центре города. Башня из массивных гранитных блоков, как мы впоследствии узнали, называлась Ратушей. Каким-то чудом не пострадавшая при бомбардировке, она стояла посреди большой площади, что давало нам возможность видеть все подступы. Это было особенно важно, поскольку в любое мгновение враг мог атаковать. До сих пор все шло прекрасно, но так не могло продолжаться вечно. Ведь, в конце концов, мы находились на родной планете халиан. Оставалось только надеяться на то, что полковник Бар Кохба распорядился прислать нам смену, очень уж мне хотелось поскорее убраться отсюда.

Вскоре после полудня замигала лампочка нашей походной рации, сигнализируя об окончании радиомолчания. Это был полковник, который потребовал от меня доклада о положении дел.

– Мы заняли город, – сообщил я ему, – сопротивление было не слишком сильным. Все прошло удачно. Но я не знаю, что делать дальше. Мы торчим в самом центре этой дыры и каждую минуту ожидаем нападения.

– Можешь немного успокоиться, – ответил Бар Кохба. – Мы ведем радарное и визуальное наблюдение за всем сектором. Концентрации халианских войск нигде не замечено.

– А как другие?

– Все выполнили свою задачу. При взятии космопорта были небольшие потери. Четыре человека. Пока что все идет просто чудесно.

– И что с космопортом?

– Мы разрушили его.

– А бой в космосе?

– Крупная победа Флота. У халиан, по-видимому, не было общего плана сражения. Просто множество кораблей, атаковавших каждый по отдельности. Флот сбил многих из них. Остальные удрали, перешли в гиперсветовой режим и скрылись.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы переварить новости.

– Значит, мы победили! – наконец крикнул я.

– Видимо, да, – ответил Бар Кохба. Однако в его голосе не слышалось особой радости. – Полагаю, что это можно назвать победой.

– Не понимаю причин вашей сдержанности, – сказал я ему. – Мы разбили флот и захватили родную планету халиан. Разве это не означает, что война окончена?

– Мой дорогой бен-Иуда, – ответил Бар Кохба, – тебе пора узнать о последних открытиях. Все предыдущие донесения указывали на то, что Цель являлась крупной перевалочной базой для халианских рейдеров. Мы одержали важную победу. Но похоже, эта планета не является родным миром халиан.

В этот момент в комнату, которую я отвел под радиорубку, заглянул один из моих людей и жестом предложил мне выйти наружу. Ответным взмахом руки я велел подождать.

– Но если это не родная планета халиан, – несколько растерянно спросил я, – то кому же она принадлежит?

– Откуда я могу знать? – раздраженно ответил Бар Кохба. – Офицер разведки у нас ты. Ты и узнай.

– Ладно, – сказал я. – А как насчет недобитых халиан?

– Нужно быть все время начеку. По поступившим сведениям на планете их осталось минимум несколько тысяч.

– Хорошо, сэр, мы будем осторожны. И долго нам еще здесь торчать?

– Достаточно долго, – ответил Бар Кохба с суховатым смешком. – Наша группировка показала себя настолько хорошо, что командование Флота поручило нам нести здесь гарнизонную службу.

И Бар Кохба отключился. Наконец я смог уделить внимание подчиненному, продолжавшему бешено жестикулировать.

– В чем дело, Гидеон?

– Там снаружи кое-какие люди хотят с вами повидаться.

– Люди? Ты имеешь в виду настоящих людей или халиан?

– Ни то ни другое. Иуда, мне кажется, это туземцы.

– Прекрасно, – ответил я. – Нам как раз не мешало бы выяснить, кому принадлежит эта планета. Я приму их сейчас же.

Гидеон кивнул. Дисциплина в наших вооруженных силах оставляла желать лучшего.

– Я провожу их.

Выражение его лица было странным, словно он пытался сдержать смех. Причину я понял через несколько минут, когда он ввел посетителей в комнату.

Я полагаю, что слово «человек» применимо к каждому существу, способному поддерживать интеллигентную беседу. Называем же мы иногда людьми халиан, хотя они больше напоминают полутораметровых хорьков. Поэтому я, вероятно, не должен был удивляться, когда Гидеон ввел четырех двуногих существ под два метра ростом, облаченных в длинные одеяния, скрывавшие большую часть тела. Однако открытые участки шелушились и были покрыты перьями. Ноги напоминали когтистые птичьи лапы, а на тощей кожистой шее сидела маленькая птичья голова.

Так я впервые повстречался с нидийцами, как они сами себя называли, кочевыми птицелюдьми с планеты Цель. И пока другие представители рода человеческого занимались самым насущным вопросом, а именно выясняли, где, если не здесь, может находиться родная планета халиан, я очищал планету от остатков войск противника, собирал информацию и устранял трения, возникавшие между нашими силами и туземцами.

Моя первая встреча с аборигенами начиналась неплохо. Я дружески поприветствовал заявившуюся компанию и предложил освежающие напитки. Необходимо было сразу взять верную ноту – я понимал, что нам понадобится помощь аборигенов, чтобы выследить и уничтожить оставшихся в живых халиан.

Но моя приветственная речь, вместо того чтобы придать беседе непринужденный характер, только вызвала у гостей беспокойство. Гогоча, кудахча и трясая индюшачьими бородками, птицелюди принялись что-то торопливо обсуждать. Наконец они пришли к решению, и самый старший, которого позже я назвал Зимородком, поскольку его нидийское имя было абсолютно непроницаемо, выступил вперед, дважды хлопнул рудиментарными крыльями, прочистил горло и на довольно сносном английском, хотя и с заметным птичьим акцентом, произнес:

– Если желаете, чтобы мы сели, мы сядем. Только помните: сами мы ни о чем подобном не просили.

К тому моменту Гидеон уже принес несколько складных стульев. Нидийцы попытались сесть, подражая мне, но скоро стало очевидным, что их кости сочленяются не так, как у нас. Все же они умудрились пристроиться на стульях, приведя при этом свои перья в заметный беспорядок, и Зимородок снова заговорил:

– Правильно ли я понимаю, что это является своего рода унижением, или подобная поза имеет какое-то иное значение?

– Это не имеет ничего общего с унижением, – ответил я. – Я приветствую вас как друзей и почетных гостей.

– Значит, таким образом вы обращаетесь с друзьями? – спросил Зимородок. – Не хотелось бы мне увидеть, как вы поступаете с врагами.

– Там, откуда я родом, – ответил я, – приглашение сесть предваряет разговор на равных. Но если вам угодно, можете встать.

– Нет-нет, – возразил Зимородок. – Мы польщены тем, что вы считаете нас равными себе. Сидеть – занятие неудобное и нелепое, однако связанное с этим неудобство – ничто по сравнению с уважением, которое вы изволите демонстрировать. – Он перевел эти слова остальным, и те дружным гоготом выразили свое полное одобрение.

– Джентльмены, – сказал я, – разрешите начать с того, что я весьма рад возможности избавить вас и ваших сородичей от деспотического правления халиан.

– Халиане? – переспросил Зимородок. – Мы называем их пануа, то есть карлики, у которых слишком много зубов. Есть и другие названия. Да, мы хотели поблагодарить вас за это. Но вы, разумеется, знаете, что на самом деле они ушли не совсем?

– Об этом мы позаботимся, – пообещал я. – Естественно, мы рассчитываем на ваше содействие.

– Не могу говорить от имени всей своей гильдии, – ответил Зимородок. – Что же касается меня, обещаю, что вы получите все почести, полагающиеся вашему положению.

Зимородок занимал весьма высокое положение в гильдии лудильщиков. Другие гости представляли гильдии строителей гнезд, поставщиков водорослей и оформителей жилищ.

Разумеется, это был далеко не полный перечень гильдий. Раса разумных птиц делилась на три с лишним сотни групп по функциональным или профессиональным признакам. Даже убийцы объединились в гильдию, известную под поэтическим названием «не имеющие гнезда».

Эту планету, бедную минеральными ресурсами и плодородными землями, мало беспокоили расплодившиеся за последнюю тысячу лет орды торговцев и захватчиков. Халиане наткнулись на мир нидийцев около пятидесяти лет тому назад, решили, что он станет прекрасной базой для их космического флота, и отняли политическую власть у туземцев. До появления халиан планетой нидийцев управлял Совет, состоящий из лидеров всех гильдий. Этот Совет разрешал споры между гильдиями. Халиане не стали разрушать эту структуру, а попросту возглавили ее, и до нашего появления все главные вопросы решались халианскими господами, что вызывало у нидийцев сильное возмущение.

Теперь я – понятно, в самой вежливой форме – сообщил гостям, что отныне они подчиняются нам, представителям Флота. Конечно, такая новость не могла им понравиться, но довести ее я был должен.

Зимородок торопливо обменялся мнениями со своими компаньонами. Они гоготали и кудахтали в присущей птицам суетливо-сварливой манере. Наконец вроде договорились о чем-то, и Зимородок обернулся ко мне:

– Нам ясно, что сила теперь за вами, людьми Флота. Мы, нидийцы, не собираемся противостоять вам.

Не слишком многообещающий итог первой встречи с туземцами, но что поделаешь. Чуть позже я вызвал по радио полковника и передал ему содержание разговора.

– Другие командиры сообщают то же самое, – сказал Бар Кохба. – Но не думаю, что нидийцы доставят нам неприятности. Я посылаю на планету подкрепление. Чтобы уничтожить или пленить оставшихся халиан, понадобится неделя, а то и две.

Как потом выяснилось, пророческие способности Бара Кохбы оставляли желать лучшего. Спустя месяц мы все еще очищали планету от халиан. А еще через месяц – так переменчиво военное счастье – мы оказались в положении обороняющихся.

Люди не правы, когда принимают халиан за больших хорьков. Да, сходство, без сомнения, есть – длинное и гибкое тело, густой мех, вытянутая морда. Но полутораметровый хорек должен производить нелепое впечатление. В халианах же абсолютно ничего нелепого. Своим поведением в схватке они скорее напоминают росомах, едва ли не самых отчаянных бойцов в животном мире, всегда дерущихся до самого конца.

Халиане умеют отлично маскироваться, а при нападении они просто неудержимы. И совершенно непредсказуемы в рукопашном бою. Халианский воин может сражаться с вами по всем правилам, лицом к лицу, но может и напасть исподтишка.

Халиане быстро отказались от тактики группового боя, это был не их стиль. Как оказалось, хорьки – настоящие индивидуалисты; их поведение в бою вызывало у меня в памяти истории о норвежских берсерках. Они фантастически владели ручным огнестрельным и холодным оружием. Только наиболее опытные фехтовальщики среди людей могли выстоять против халианского воина, вооруженного мечом с волнообразным лезвием. Во время наших рейдов они выскакивали перед нами неожиданно, словно из-под земли. Желая вывести из строя как можно больше людей, хорьки бросали бомбы из переулков. Они доставили нам гораздо больше неприятностей, чем мы рассчитывали. Собственно говоря, они доставили столько неприятностей, что руководство Флота серьезно обеспокоилось, – ему не слишком нравилось бомбардировать родные миры реляциями о потерях. На планете было задействовано более десяти бригад. И если бы в дальнейшем ситуация не сложилась уж совсем драматично, то могла возникнуть опасность полного исчерпания резервов десантных войск Альянса.

Нам сильно мешала реакция местного населения. Нидийцы не были врагами. Но они не были также и друзьями и не мешали свободному передвижению халиан, а часто даже прятали их. Причину такого поведения я понял позднее.

Шла безжалостная и бескомпромиссная борьба как в городах и селениях, так и за их пределами. Напряжение было столь велико, что возникла опасность эвакуации войск, – сводки о потерях выглядели устрашающе, если не в наших глазах, то по крайней мере в глазах населения планет. В конце концов, обыватели голосовали за бюджет Флота, и если они решат, что операция проводится плохо, политики спрячутся в кусты. Командование придет к выводу, что лучше пожертвовать стратегическими интересами и поспешно отступить, а там, глядишь, удастся одержать быструю и бескровную победу где-нибудь в другом месте.

К сожалению, войны не всегда выигрываются стороной, понесшей наименьшие потери. Некоторые величайшие победы одерживались теми армиями, которые сумели дольше продержаться на поле битвы и, несмотря на понесенный урон, сохранили монолитность. А бывало, войны проигрывались из-за нерешительности некоторых людей; примером могут служить карфагенские купцы, слишком медлившие с поддержкой Ганнибала.

Проблема эта не простая, поскольку задиристости и упрямства здесь недостаточно. Требуется недюжинный ум, чтобы угадать, когда следует уклониться от сражения на манер Фабия Медлителя, а когда и ударить изо всех сил, как поступил под стенами Карфагена его преемник Сципион Африканский.

Они оба были великими военачальниками и оба спасли Рим – притом что один не стесняясь медлил, когда это было необходимо, другой же, наоборот, не мешкая, довел дело до победы, когда для этого настало время.

Мы стояли на переднем крае, проходившем везде и в то же время нигде, и чувствовали, что за планету нидийцев стоит сражаться. Это можно было понять хотя бы по тому ожесточению, с которым боролись против нас халиане. Не было никаких конкретных признаков, ничего такого, что удастся просчитать на компьютере, – и все же не отделаться от ощущения, что назревают какие-то важные события и итог окажется стоящим всех трудов. И мы также догадывались, что идет война характеров и окончательную победу одержит та сторона, которая сильнее стремится к исполнению своей воли.

Поэтому не афишировался тот факт, что время работает против нас. Мы ухитрились тянуть это самое время, скрывая от Земли свои потери и похваляясь фальшивыми победами. Было ощущение, что здесь, на этой отдаленной планете, мы наблюдаем столкновение интересов, от которого зависит расцвет или закат целых биологических видов.

Поведение нидийских гильдий оказалось критическим фактором. Птицелюди явно сомневались, стоит ли менять правление халиан на наше. Вопрос стоял именно так. Сперва мы хотели пообещать свободу, но потом поняли, что не можем этого сделать и нужно честно сказать правду. Альянс должен овладеть планетой, по крайней мере на ближайшее будущее; это слишком важно для нас. Здесь много лет присутствовали халиане, а значит, есть шанс немало узнать о них. Цель – последний известный нам сборный пункт халианских налетчиков, именно здесь можно напасть на след, который приведет нас к их родному миру, к планете, питающей их силы. Образно выражаясь, нам удастся наконец-то отсечь голову змею. Мы должны отыскать на Цели разгадку тайны Халии.

И ключ к ней дал в конце концов именно птичеловек.

Когда я повстречался с молодым нидийцем по имени Цк Отаи, которого окрестил про себя Дятлом, миновало уже два месяца со дня нашей высадки на Цель. Он был выше большинства своих соотечественников; его голову украшал красный гребень, встававший дыбом при малейшем возбуждении. Дятел был мастером в гильдии лудильщиков. Понимая, что для столь молодой особи это значительное достижение, я поздравил его с высоким рангом.

– Многие члены гильдии не хотели присуждать мне звание мастера, – ответил он, – но я продемонстрировал свое искусство в семи манипуляциях и трех способах соединения материалов перед лицом всех собравшихся мастеров. Так что у них не было другого выхода. Но они заставили меня дорого заплатить за такую честь.

– Каким образом? – поинтересовался я.

Отаи рассказал, что его родина находится примерно в трехстах километрах отсюда, возле границы Карнаянской пустыни – края невысоких холмов и каменистых лощин. Она стала любимым пристанищем для халианских головорезов, в выжженных солнцем каменных лабиринтах обнаружить их было невозможно. Нерегулярные халианские соединения время от времени навещали нидийцев и на манер всех бандитов вымогали у них продовольствие. Но в один прекрасный день халианская банда явилась к туземцам с иным требованием, ей понадобился мастер-лудильщик для ремонта оборудования.

– И выбрали вас? – догадался я.

– Против моего желания.

– Но я слышал, что члены гильдий свободны в выборе работы или отказе от нее.

– Обычно так и бывает. Но в этом случае халиане сослались на вассальные обязательства, и старейшины подчинились. Все же они должны были бросить жребий между всеми, вместо того чтобы просто приказать мне. Я ведь самый молодой.

– А что такое вассальные обязательства? – спросил я.

– На известный период времени господин может потребовать от гильдии определенных услуг.

– Но халиане вам больше не господа, – возразил я.

– Это верно. Но они были вооружены и озлоблены, а вы, люди Альянса, находились далеко, поэтому мы решили не поднимать этот вопрос.

– Значит, халиане увезли вас?

– Да, на свою секретную базу. Там я занимался простыми паяльными работами, к которым сами халиане, кажется, не очень способны, мастерил несложные вещи вроде дверных петель и дожидался дня освобождения, терпеливо снося грубое и буйное поведение своих тюремщиков.

– Поскольку сейчас вы в нашем лагере, – сказал я, – этот день уже наступил?

Дятел уныло покачал головой:

– Я получил недельный отпуск, чтобы привести в порядок домашние дела. Но как ни противна эта мысль, я буду вынужден вскоре вернуться к бандитам.

– Но зачем возвращаться? – спросил я. – Здесь они ничего не смогут вам сделать.

– Вы не понимаете. За меня поручилась гильдия. Если не вернусь, как обещал, она должна будет послать кого-нибудь другого. В этом случае меня исключат из гильдии.

– А почему бы вам не заняться чем-то новым? – спросил я его.

Он покачал головой:

– Если бы даже я хотел этого, что не соответствует истине, такой поступок просто невозможен. Каждый из нас, нидийцев, с рождения принадлежит к своей гильдии. На того, кто не состоит в гильдии, смотрят как на конченого. Он обречен жить в одиночестве, держаться подальше от людей. На меня больше не взглянула бы ни одна женщина. Если бы я имел детей, они отrekliсь бы от меня.

– Существует ли выход? – спросил я.

– Только один. Халиане должны сами аннулировать контракт. И он будет считаться недействительным, если потребовавший от меня службы начальник халиан умрет.

Я взвесил все обстоятельства.

– Но вы, конечно, не можете убить его сами?

Дятел рассмеялся:

– Чтобы я убил Тостига Истребителя Людей, коменданта военной базы, с которым связан контрактом? Это невозможно! Убивать разрешено только гильдии не имеющих гнезда, а от нее я получил отказ.

– И пришли с этой просьбой ко мне.

– Убивать халиан – ваша работа. Вы достаточно часто повторяли нам это.

Я задумался, и это были не слишком приятные мысли. Птицелюди не внушали особого доверия, они помогали Флоту неохотно, и вообще, складывалось впечатление, что своим кровожадным господам они симпатизируют больше, чем нам. Нельзя было не учитывать возможность предательства. Путь до Карнаянской пустыни был неблизок и проходил по сильно пересеченной местности, дававшей врагу уйму возможностей устроить засаду. Начальство не погладит меня по головке, если при столь подозрительных обстоятельствах я поведу отряд в такую даль.

Поэтому я собрался было отказать Дятлу. Но он прибавил еще кое-что, и мое решение изменилось.

– Я также смогу показать вам, – сказал он, – место, где халиане ремонтируют свои космические корабли.

Это сообщение до крайности заинтересовало меня. Местонахождение халианских заводов, воинских арсеналов и ремонтных цехов оставалось тайной, которую мы пытались раскрыть с самого момента приземления. Мы разрушили космопорт халиан, и тем не менее их корабли время от времени совершали внезапные налеты. Они исчезали, прежде чем мы успевали проследить их путь, и приземлялись где-то в пустыне, занимавшей большую часть планеты.

– А вы видели это место? – спросил я.

Он утвердительно закудахтал:

– Да, я его видел. И оно огромное, просто огромное.

– Так скажите, где оно, – попросил я, – и мы пошлем туда наш Флот.

– Я не смог бы этого сделать, если бы даже захотел, – ответил Дятел. – Оно где-то в Карнаянской пустыне, и там я могу отыскать его, но ничего не понимаю в ваших картах. Кроме

того, чтобы потребовать расторжения договора, я должен лично убедиться в смерти Гостига Истребителя Людей.

Я еще раз обдумал услышанное. Если в нем все правда, то это дело первостепенной важности. Успешная ликвидация крупной банды халиан может стать началом конца тяжелой войны на планете. А если вдобавок удастся обнаружить их заводы и базы... Определенно это стоит риска.

Не следует посвящать в мой замысел подчиненных, решил я. Операция будет носить исключительно разведывательный характер, а потому она должна быть предельно засекречена. Собственно, всего-то и нужно – найти вражеский оплот и вернуться. Это работа для одного бойца и проводника.

А если мне посчастливится убить халианского военачальника, это тоже будет сильным ударом по врагу.

– Подождите здесь, – сказал я Дятлу. – Я вернусь через час. И скажите, Отаи, вы верите в Верховную Сущность?

– Конечно, – сказал он. – Бога моей гильдии зовут Залатак.

– Так вот, если вы солгали, вам не поможет даже Залатак, – добавил я весьма, как надеялся, убедительным тоном.

Четырьмя днями позже мы с Дятлом, углубившись на несколько сот километров в Карнаянскую пустыню, разбили лагерь на дне пересохшей реки. Какое-то расстояние преодолели на легком скутере, передвигаясь в основном ночью на высоте трех-четырех метров над землей, чтобы нас не обнаружили.

Спрятав аппарат близ границы Карнаяна, дальше мы пошли пешком. Наш путь пролегал по каменистой дикой местности – пустынному плоскогорью; до самого горизонта простирались нагромождения скал и окаменелых глиняных наростов. Нас терзал ни на мгновение не стихавший ветер, душераздирающе завывая в ушах. А когда с юга налетела песчаная буря, я возблагодарил Бога за то, что он надоумил меня захватить защитные очки.

Командование отрядом я передал Гидеону, взяв с него клятву хранить в тайне цель моего путешествия. Узнав, куда я направляюсь, он немедленно выразил желание присоединиться и привел в пользу такого решения несколько весьма веских аргументов. Когда же я решительно отказался от его услуг, Гидеон обвинил меня в желании присвоить всю славу. Но разумеется, дело обстояло совсем не так. Имелись опасения, что я затеял глупое и совершенно безнадежное предприятие. А потому я предпочел не рисковать жизнью подчиненных.

Мы с Дятлом часто беседовали о халианах. Хотя он все время твердил, что презирает их, в его тоне тем не менее ощущалась какая-то завистливая почтительность. Тогда как при упоминании о нас, людях, в его голосе сквозило нечто среднее между насмешкой и презрением. Я и раньше замечал такое отношение к людям у других нидийцев и приписывал это их упрямству. Но теперь мне это несколько поднадоело, и я решил наконец-то выяснить все, что мне хотелось знать о халианах и их способностях к управлению.

– Отаи, – сказал я, – мне кажется, что ты и все твоё племя странно противоречите сами себе. С одной стороны, вы постоянно говорите о том, как презираете халиан. С другой стороны, ваши слова звучат так, будто вы видите в хорьках нечто особенное. Отаи, давай поговорим начистоту. Что, по твоему мнению, такого особенного в расе, которую вы именуете карликами, у которых слишком много зубов.

– Очевидно, – ответил Отаи, – что пануа – существа презренные и ненавистные. Но не менее очевидно и то, что они обладают фейи.

– А что такое фейи?

– Фейи – качество, ставящее одну личность или живое существо выше или ниже других.

– Но раньше я никогда не слышал этого выражения. Часто оно употребляется среди твоего народа?

– Да, мы много думаем о нем, вернее, многое рассматриваем с этой точки зрения. Вероятно, в разговоре с вами, людьми, никто не упоминал его, чтобы не затронуть ваших чувств.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Просто у вас, людей, очень мало фейи.

На меня накатила ярость. Как этот двухметровый цыпленок с дурацким красным гребнем на маленькой глупой башке осмеливается говорить, что у нас, людей, мало фейи?! С трудом взяв себя в руки, я спросил:

– А как насчет халиан? Не хочешь ли ты сказать, что у них есть фейи, а у нас нет?

– Разумеется. Но не стоит на меня сердиться. Я не виноват, что все обстоит именно так. Хотите того вы или нет, в отношении фейи халиане имеют очевидное преимущество.

– Расскажи поподробнее, – стиснув зубы, потребовал я.

– Просто они пробыли на нашей планете пятьдесят лет, – ответил Отаи. – У них было время изучить в нас не только то, что мы считаем нормальным и не скрываем, но и то, что нам не нравится.

– Приведи пример.

– Возьми хотя бы то, что вы выставляете руки полностью напоказ, как простые хороджи. Разве вы не заметили, что никто из нас не делает этого? А халиане не только прикрывают свои локти, но, выходя на улицу, надевают подходящие высокому рангу синие нарукавники анараджи.

– И это действительно так важно?

– Конечно. И не столько это, сколько совокупный эффект подобных вещей. Наружники анараджи, малиновая краска для век, которую мы называем торинг, и множество других вещей, таких как хелиго-дан, вастиис, молокация, и это еще далеко не все. Халиане изучили наши ценности, ввели их в обиход и подняли свой фейи выше уровня простых смертных, при этом сами возвысились до статуса богоподобных. Именно потому мы продолжаем уважать их, несмотря на теперешнюю слабость халиан. Мы, нидийцы из гильдий, не любим предавать богоподобных существ. Это может принести неудачу.

С помощью Дятла я составил список вещей, придающих индивидууму фейи. Все они относились к одежде или окраске. Халиане использовали их, а мы нет. Этим и объяснялся наш низкий статус на этой планете и престиж халиан. Мое путешествие уже начинало приносить пользу. Я не сомневался в том, что полковник, получив от меня эти сведения, исправит положение.

Однако не все с этим фейи мне было понятно.

– Но если поднять статус так несложно, почему все нидийцы не сделают это? Разве сложно обзавестись оранжевым ачики, знаком младшего дворянского сословия? Ведь это всего лишь предмет одежды, две полоски кожи, обвязанные вокруг левой ноги.

– Мы никак не можем сделать этого, – сказал Дятел. – Статус передается по наследству, либо присуждается за заслуги перед гильдией, либо дается по праву на-аринджи.

– А это еще что такое?

– На-аринджи означает божественное непреодолимое стремление. Имитировать его нельзя.

Я не стал переубеждать его. Халиане неплохо воспользовались доктриной на-аринджи, нам она тоже пригодится. Этим и объяснялись наш низкий статус на Цели и неизменность престижа халиан. Как только я доберусь до штаба, ситуация полностью изменится.

А теперь пора подумать и о других вещах. Если верить Дятлу, мы находились в шести часах ходу от лагеря халиан и их секретного космического производства, что бы оно из себя ни представляло.

Ночь выдалась темная. Ледяной ветер свирепо хлестал по лицу. Вот уже несколько часов мы упорно, ни на минуту не останавливаясь, продвигались вперед. Пройдя через узкую щель меж базальтовых столбов, ощутив рассыпающуюся под ногами мелкую гальку, мы вышли к длинному, уходящему куда-то вниз каньону и начали спуск. Я не спрашивал Дятла, сколько нам еще идти, но по его нервозности, по тому, как ерошились перья на хвосте, я понимал, что уже недолго. Мы спустились в каньон, пересекли его, и Дятел завертел головой в поисках ориентиров. Чтобы помочь ему определиться на местности, я рискнул посветить узким лучом фонарика. Казалось, Дятел сомневался. Наконец он сказал:

– Вот!

Проход вел куда-то между полуобвалившимися базальтовыми столбами. Миновав их, мы обнаружили грубо вырубленные в скале ступеньки.

Спуск был довольно долгим: по моим прикидкам, мы преодолели несколько сот метров. Дятел вел меня по коридору, залитому тусклым светом ламп. Дойдя до конца тоннеля, мы повернули за угол, и я резко остановился на краю обрыва.

Убедившись, что падение мне не угрожает, я взглянул вперед и остолбенел. Мы находились в невообразимо огромной пещере, залитой призрачным зеленым светом, вызванным природной люминесценцией скальной породы. Под нависающим каменным сводом пещера тянулась несколько хватало глаз – бесконечность, оформленная в грубые рамки, единство противоположностей свободного пространства и камня.

А на дне пещеры, во всем великолепии промышленной архитектуры, символом технологической мощи предстали космические корабли. Поначалу мне бросились в глаза только их округлые металлические серые и голубые корпуса, на которых мерцали блики отраженного света. И только потом я обратил внимание, что корабли расположены абсолютно беспорядочно. Словно на свалке.

Однако у меня не оказалось времени осмыслить впечатления от этого ошеломляющего открытия. Краем глаза я заметил, как Дятел отступил, и это слегка насторожило. Схватившись за лучевой пистолет, я обернулся. Со всех сторон на меня надвигались отделившиеся от стены тени. В полумраке пещеры сверкнули острозубые пасти, я отчаянно попытался снять пистолет с предохранителя, но было слишком поздно. Что-то тяжелое ударило мне в висок, я понял, что падаю, но потерял сознание еще до того, как ударился о землю.

Когда я очнулся, первым моим чувством было удивление. Неужели я все еще жив? Но как только я вспомнил, что халиане берут пленных исключительно для того, чтобы пополнить запасы свежего мяса, благодарность судьбе уступила место менее приятным эмоциям. Хорьки – исключительно плотоядные твари, и, по слухам, их пристрастия в пище напоминают вкусы земных леопардов и гиен. В ранние периоды своей истории, до тех пор пока у них не развилось сознание расовой идентичности, они были каннибалами. Теперь же халиане, как и мы, люди, предпочитают пожирать плоть других биологических видов и любят свежее, еще с кровью, мясо только что убитых экземпляров, в котором содержится придающая силу мана. Но у этого пристрастия к свежему мясу есть и конкурент, ведь еще с первобытных времен у халиан осталась любовь к мясу с душиком. Они высоко оценили бы старый земной рецепт тушеного зайца, согласно которому тушку держат в горшке до тех пор, пока она не начинает разваливаться от одного прикосновения. В данном случае гнилость и нежность являются синонимами. Я от души понадеялся, что мне не уготована подобная судьба.

Сейчас я сидел на земле в помещении наподобие пещеры, лодыжки были связаны, другой конец веревки обвивал железную скобу на стене. Осмотрев узел, я убедился, что его нетрудно развязать, но вовремя вспомнил, что халиане обожают наблюдать за попытками их живого запаса продовольствия освободиться. По нашим сведениям, такие попытки неизменно пресекаются и несчастная жертва отдается для игр халианам-щенкам, а потом, полумертвая от ран, вновь привязывается, дабы дожидаться-таки участи закуски.

Таким образом, я сидел на земле и оплакивал свою несчастную судьбу. Спустя некоторое время проведать меня пришли три халианских воина. Все они были невысоки и одеты в короткие разноцветные одежды, наподобие шотландских юбок. Позднее я узнал, что цвета определяли принадлежность к какому-либо воинскому подразделению. Узкую грудь каждого перекрещивала португеза, на которой болталось великое множество самого разнообразного оружия – мечи и кинжалы, различные ножи и плети, аркан и несколько видов огнестрельного оружия. Они затараторили на своем лающем языке, потом, убедившись, что я не понимаю, завыли хором. Это продолжалось, пока не прибежал Дятел в качестве переводчика.

– Они требуют, чтобы ты встал. Веревку развяжут. Ты должен пойти с ними. Тебе лучше делать, что говорят. Их еще не кормили, и любой жест непослушания может спровоцировать голодную ярость. Это не слишком приятное зрелище, особенно если объектом их аппетита являешься ты сам.

– Скажи, что они могут не бояться, – с горечью ответил я. – Отаи, всем этим я обязан тебе? Надеюсь, отпираться не будешь?

– Да. Но не думай обо мне плохо. Я ведь дал обет гильдии, а подчиняться ему – самый святой долг для каждого нидийца.

– Не понимаю, о чем ты, – буркнул я.

Но прежде чем Отаи смог сказать еще что-нибудь, халианские воины развязали меня и, дружно взлаивая, потащили на веревке, которую накинута мне на шею.

Охранники волокли меня извилистыми подземными коридорами, все время обмениваясь лаем и воем, без сомнения обсуждая, как лучше употребить добычу в пищу. Когда я очутился в большой, вырубленной в скале комнате, один из них, немного говоривший по-английски, передней лапой указал на стул.

– Сидеть! – сказал он. – Не двигаться! Тостиг, он приходит.

Я сел. Охрана ушла. Оглядевшись вокруг, я не обнаружил ничего, что можно было бы использовать как оружие. Да и момент для попытки что-либо предпринять был не слишком удачный. Я от души надеялся, что в будущем мне подвернется возможность получше. Если, конечно, у меня есть будущее. Оставалось только сидеть и ждать этого Тостига. Он, без сомнения, желает узнать, каков я на вкус и подхожу ли для праздничного ужина.

Спустя некоторое время в комнату вошел халианский воин.

– Здравствуйте, меня зовут Тостиг, – произнес он на хорошем, почти без акцента, английском языке.

Тостиг был выше ростом, чем другие. На его юбке имелась пурпурная кайма, а португеза была отделана серебром. Он помахивал офицерской тростью, а уверенное поведение выдавало в нем лидера.

– Капитан Иуда бен-Иуда, – представился я.

– Весьма рад.

Тостиг снял ножны с мечом и швырнул в угол, сорвал боевые рукавицы, отправил их вслед за оружием и беззаботно опустился на кушетку. Потом зевнул, потянулся, скинул обувь и выпустил когти.

– Знаете, – сказал он, – чертовски трудно сшить башмаки, которые хорошо сидели бы на халианской лапе. Когти дают о себе знать.

Ответить на это мне было нечем, поэтому я промолчал. Но Тостиг меня заинтересовал. Трудно понять чуждую психологию. Больше всего это существо, конечно же, напоминало гигантского хорька. Но при этом было такое впечатление, что передо мной профессиональный военный средних способностей, вежливый, с ровным характером и юмористическим, быть может даже ироническим, складом ума.

– Что ж, капитан, – сказал он, – ваши сегодня задали нам жару. Перехватили одну из наших групп, возвращавшуюся из города после набега. Несчастные придурки сбились в кучу

и горланили одну из своих боевых песен. Их всех перебили. Сколько раз я говорил: надо рассредотачиваться, если не исключено, что неприятель поблизости. Это уменьшает вероятность поражения лучевым оружием или реактивным снарядом. По-моему, понять не так уж трудно. Но разве они послушают? «Это не по-халиански, – отвечают они мне. – Снижает боевой дух. Нас вполне устраивает старый добрый халианский боевой обычай – все в одной куче, сплошные зубы и когти». С чертовыми идиотами невозможно спорить. И вот потеряли семерых. Недурной счет в вашу пользу.

Судя по поведению и тону голоса, у Тостига не было по отношению ко мне злых намерений. С таким же выражением он мог бы объявить о результате теннисного матча.

– Но я, разумеется, не смею надеяться на ваши соболезнавания, – продолжал он в столь же шуточной манере. – Кровные враги и тому подобное. Наши потери – ваши успехи, верно? И наоборот, разумеется.

– Полагаю, что так, – осторожно ответил я. – Но не задумали же вы все это для того, чтобы обсудить со мной будущее планеты?

– Совершенно верно! – воскликнул он. – Пора обрисовать вам ситуацию.

– Прежде всего я хотел бы кое-что уточнить, – осмелел я.

– Спрашивайте!

– Буду ли я главным блюдом на вашем банкете или вы относите меня к категории легких закусок?

Тостиг разразился смехом:

– Ну вы даете! Согласитесь, что это довольно забавно – вести беседу с легкой закуской. Не бойтесь, вы мой гость. Хотя не исключено, что когда-нибудь, если дело обернется не лучшим образом, мне придется убить вас. Сейчас вы в полной безопасности, и могу заверить, что вам будут предоставлены все условия.

– Могу я поинтересоваться, – спросил я, – где вы так прекрасно научились говорить по-английски?

– Волею обстоятельств я некоторое время гостил в лондонском зоопарке на планете Земля. Собственно говоря, я был главным аттракционом на выставке ужасающих хищников, но умудрился через некоторое время сбежать, раздобыть корабль и вернуться к своим. Никогда не забуду доброго отношения англичан. В некотором роде это были совсем неплохие деньки... Но простите, я, кажется, пренебрегаю долгом гостеприимства. – Тостиг легким прыжком соскочил с кушетки, подошел к буфету и показал мне бутылку. – Виски, капитан Иуда? Мы добыли его в прошлом месяце при налете на ваш отдаленный пост. Нам, халианам, оно не по вкусу, но я берег его для подобного случая.

Я взял стакан. Из висящего на стене кожаного бурдюка Тостиг налил себе белесой жидкости – ферментированного молока, как я узнал позднее.

– Ваше здоровье, – сказал он.

Мы выпили.

– Вы, случайно, не голодны? Я могу распорядиться насчет обеда.

– Тут есть один нидиец, по имени Отаи, и я не возражал бы против него – в жареном, вареном или пареном виде.

Тостиг хмыкнул:

– Рад был бы угодить вам, но Отаи работает на меня. Вас он предал исключительно по той причине, что должен был выполнить обет гильдии. Может, сойдемся на салате? Насколько я помню, человеческие существа могут есть зелень без особого вреда для себя.

– Спасибо, но у меня почему-то нет аппетита. И я не понимаю, что это за штука такая – обет гильдии.

– Это потому, что вы не прожили здесь пятьдесят лет. Видите ли, мне потребовались услуги мастера-лудильщика, и гильдия прислала Отаи. Но он оказался не пригоден к тому,

что от него требовалось. Мне подсунули неопытного молокососа, принятого в гильдию только благодаря высокопоставленному дяде. Естественно, я разозлился и готов уже был отправить никчему к повару для разделки и маринования, когда Отаи пообещал выполнить обет, доставив заместителя, мастерство которого удовлетворит мои потребности.

– И этим заместителем оказался я.

– Да, хотя, разумеется, он имел в виду не вас лично. Мне подошел бы любой человек – о вашей расе идет слава как о несравненных лудильщиках. Вы еще и неплохие воины, должен признать, но когда дело касается ремонтных работ – вам нет равных.

– Барон Тостиг, – сказал я, – или каков там ваш титул...

– Барон звучит неплохо, – ответил Тостиг, – в этом слове чувствуется некий приятный звон, вы не находите?

Я пожал плечами:

– Барон, шмарон, мне все равно. Но если вы думаете, что я собираюсь помогать вам, самым опасным врагам, с которыми когда-нибудь сталкивалось человечество, то судите обо мне совершенно неверно.

– Разумеется, так вы и должны были ответить, – хмыкнул Тостиг. – Но что, если я сделаю предложение, от которого вы не сможете отказаться?

Одно было очевидно: за время своего пребывания в лондонском зоопарке Тостиг кое-чему научился.

– Что за предложение? – спросил я.

– Допустим, я докажу, что помощь, на которую рассчитываю, пойдет также на пользу и вашим людям?

– Сильно сомневаюсь, что это вообще доказуемо.

– Ну а если смогу? И кроме того, обещаю по завершении работы отпустить вас целым и невредимым?

– Что бы вы со мной ни сделали, я никогда не предаю человечество.

– Ну, это тоже требует доказательства, не так ли? – Он сел и натянул ботинки. – Но не думаю, чтобы дело дошло до этого. Позвольте продемонстрировать, что я имею в виду, а потом вы сами примете решение. Правда, боюсь, второпях я смогу дать не более пары минут на размышление. Но, как говорят халиане, не будем заносить зад поперед передних лап. Пойдемте! Это вас заинтересует.

Метя за собой длинным плащом, Тостиг направился к двери. Я последовал за ним. А что еще оставалось делать?

Тостиг делал честь своей расе, как говорят о некоторых из нас земные гои. Но вот о его сторонниках этого сказать было нельзя. Они слонялись по проходам, хлебали свое ферментированное молоко, изрядно при этом пьянея, обменивались шуточками, с грубым гоготом похлопывали друг друга по спинам, громко пускали газы и глумились над злополучным пленником, спешающим за их командиром. В общем, они ничем не отличались от солдатни из любой части Галактики, но все это изрядно действовало мне на нервы.

В их отношении к Тостигу непринужденная фамильярность мешалась с плохо скрываемым благоговейным страхом. Но надо сказать, это была единственно верная позиция при взаимоотношениях со столь знаменитым боевым командиром. Подобно викингам древней Земли, халиане словно бы приносили Тостигу присягу на вечную верность, а он вел их к славе и новой добыче.

Тостиг провел меня по запутанному лабиринту вырубленных в скале коридоров, а потом вниз по лестнице с неравномерно расположенными каменными ступеньками, по которой он спускался на четырех конечностях гораздо быстрее и изящнее, чем я на своих двоих. Лестница вывела нас на дно пещеры. Впереди виднелось то самое гигантское скопление космических кораблей. К нему мы и направились.

– У вас, оказывается, приличное количество небольших кораблей, – заметил я. – Кажется, даже больше, чем вы выставили в сражении с Флотом, насколько я могу судить по нашим сводкам.

– Все правильно, – ответил Тостиг, ведя меня по извилистым проходам между звездолетами. – Но с этим, разумеется, мы ничего не могли поделать.

Я промолчал. Если он так полагает, то я не собираюсь убеждать его в обратном.

Тут и там в промежутках между кораблями суетились группы халиан. Каждая группа, по видимому, находилась под руководством пожилого халианина, и эти надсмотрщики, или кем там они были, носили серебристо-серые балахоны и необычные заостренные шляпы из войлока или похожего на войлок материала.

– Что тут происходит? – спросил я.

– Это достаточно очевидно, – ответил Тостиг, не замедляя шага, вернее, торопливого бега вприпрыжку по направлению к неизвестной мне цели. – Ремонтные бригады чинят поврежденные корабли. Вам наверняка знакомы подобные процедуры.

Некоторое время я приглядывался к халианам, которые снимали с кораблей унифицированные узлы и увозили их куда-то вглубь пещеры. Надсмотрщики сверяли номера узлов с имеющимися списками.

– Тут все очень просто, – сказал Тостиг, заметив мой интерес. – Для каждого корабля составляется перечень неисправностей, в котором указывается поврежденный узел, его месторасположение, серийный номер и процедура демонтажа. Мы снимаем сломанную деталь и заменяем ее на новую.

– А новую берете с какого-нибудь другого корабля, – добавил я. – Правильно?

– Конечно. Откуда же еще нам взять запчасти?

Я кивнул с таким видом, будто другого метода не могло существовать даже в принципе. Теперь я понимал назначение этого кладбища кораблей. Халианский эквивалент нашего склада. Мы, люди, давно придумали автоматизированные склады, на которые непрерывным потоком поступают новенькие запчасти. И когда возникает необходимость заменить тот или иной узел, ты просто оформляешь заказ.

Теперь мне стало совершенно очевидно, что халиане не имеют складской системы. Причина этого могла крыться только в одном: у них не было промышленности, производящей запасные части. Не было, очевидно, и поступлений из внешнего источника.

Этот вывод, впоследствии подтвержденный, имел первостепенное значение для разведки Флота. Когда какой-нибудь корабль халиан ломался, все, что они могли сделать, – это заменить целиком неисправный узел. Если, конечно, им удавалось разыскать его. В противном случае корабль оказывался не у дел.

Мне стало ясно, какое огромное значение имеет это кладбище. Очевидно, благодаря скоплению увечных космических кораблей поддерживался в боеспособном состоянии флот халиан. Стоит уничтожить эту свалку – и кто знает, как далеко придется им лететь, чтобы раздобыть замену?

Производство – основа любой технологической цивилизации – мало интересовало халиан. Среди хорьков, конечно, была каста, занимавшаяся кое-каким ремонтом, и со временем халиане, вероятно, смогли бы образовать нечто вроде гильдии ученых и мастеровых, но они предпочли пойти по мистическому пути, стать пророками и певцами магической и поэтизированной псевдотехнологии. Мне довелось больше узнать об этом от Поющего о Далекое Доме, мастера целенавещения из отряда Тости́га. Но все это случилось позднее. А сейчас я догнал Тости́га, который наконец остановился возле корабля средних размеров, чуть больше флотского крейсера.

Тостиг повернулся ко мне:

– Мой друг, вам придется сделать выбор. У меня весьма простое предложение.

– Если я правильно догадываюсь о сути вашего предложения, – ответил я, – то мой выбор уже сделан.

– И каково же решение?

– Полагаю, вы хотите, чтобы я помог привести эти корабли в рабочее состояние? Тогда вы сможете дать бой нашему Флоту, и на этот раз итог может оказаться более удачным для вас. Мой ответ – нет.

– Я не осуждаю вас за отказ, – проговорил Тостиг. – Нельзя требовать предательства от уважающего себя воина. И вообще, подобное задание превышает возможности человека. Нет, я имел в виду совсем другое.

– Что же тогда?

– Взгляните, – указал Тостиг. – Это мой личный корабль. Вы, возможно, знаете, что мы, халиане, воюем под предводительством выборных военачальников, каждый из которых имеет свой корабль. Собственно говоря, мы даже не ведем войн, потому что всякая война подразумевает битву до победного конца. Мы сражаемся ради добычи, но чаще всего ради славы. Когда не предвидится ни добычи, ни славы, некоторые, а точнее большинство, не видят ничего зазорного в том, чтобы перебраться в другое место, где обстоятельства могут сложиться более благоприятно.

– Могу заверить: если речь идет о том, чтобы вы убрались отсюда, я полностью к вашим услугам.

Разумеется, я сказал это с иронией. Но Тостиг воспринял мои слова абсолютно серьезно.

– Иуда, это является решением проблемы. Ведь я всего лишь хочу, чтобы вы помогли привести этот корабль в работоспособное состояние. Как только он будет готов к взлету, я погружу на него своих солдат и мы отправимся искать удачи в других местах. Думаю, любое из них привлекательнее, чем Цель.

Я обдумал его предложение.

– Дадите ли вы мне слово, что покинете Цель?

– Конечно.

– И не будете больше сражаться против человечества?

– Не говорите глупостей, – ответил Тостиг. – Конечно, я буду сражаться против человечества. Вы же понимаете: таковы правила игры. То есть я хочу сказать, что халианскому воину просто больше ничего не остается делать.

– Не знаю, – сказал я, – будет ли для человечества какая-нибудь польза, или же с моей стороны это окажется предательством.

– Но вы ведь не можете знать наверняка? – спросил Тостиг. – Однако сдается, что при таком раскладе мы оба останемся в живых. Да и кто может знать, какое будущее уготовано каждому из нас или нашим расам? Вы находитесь в ненадежной ситуации, которая, конечно, может разрешиться благополучно. А может выйти и по-другому. Бесспорно одно: если вы не согласитесь, то умрете раньше меня. Это не угроза, а обещание. Не подумайте только, что я запугиваю. Обещаю даже: поскольку вы мне понравились, есть вас я не стану. Так что скажете?

Как вы можете себе представить, у меня было о чем подумать в эти короткие мгновения, когда я стоял на холодном каменном полу пещеры у слабо освещенного зеленоватым фосфоресцирующим светом металлического корпуса корабля. Разумеется, я испытывал вполне естественное желание остаться в живых. Но мое решение было основано на более объективных соображениях.

Будучи офицером разведки Флота, я должен был выжить и доставить своему командованию добытые сведения. Факт отсутствия у халиан источника запчастей был крайне важен. Из него следовал вывод, что кладбища кораблей имели огромное и несколько неожиданное стратегическое значение – они являлись источниками материалов, благодаря которым халианские банды продолжали боевые действия. С другой стороны, именно незаменимость таких хра-

нилищ заставляла халиан отчаянно сражаться за эту планету. Если я вернусь и доложу о примерном местоположении кладбища в этой глуши, Флот уничтожит его, не подвергая опасности нищийцев.

И наконец, еще одно: если халиане не в состоянии строить для себя космические корабли, то кто тогда сделал эти? И зачем? Тут командованию Флота есть над чем подумать. И чтобы иметь возможность ответить на все вопросы, я обязан вернуться.

Но отпустит ли барон Тостиг меня на самом деле? Я от души надеялся, что он хозяин своему слову.

– Хорошо, согласен, – ответил я.

– Замечательно! – воскликнул он с явным облегчением. – Тогда пошли. Нам нужно повидаться с мастером целенаведения. Он объяснит вам все, что нужно.

Тостиг привел меня к грубому сооружению, стоящему в нескольких метрах от корабля, – нечто вроде будки из обрезков металла, старых дверей и кусков обшивки. Военачальник отыскал местечко поудобнее и расположился прямо на полу, жестом предложив мне последовать его примеру.

– В чем дело? – спросил я.

– Мастер целенаведения внутри, беседует с богами. Мы не должны мешать ему. Он выйдет, когда закончит.

– А кто, собственно, такой этот мастер целенаведения? – спросил я.

Как объяснил мне Тостиг, ближайшим нашим эквивалентом является штурман-навигатор. Но в отличие от людей халианские мастера целенаведения управляют навигационным оборудованием посредством молитв и медитаций. Я узнал также, что мастера целенаведения всегда выбираются из класса поэтов, поскольку, по общему мнению, халианские поэты должны знать толк в странствиях и битвах. Только этой посвященной касте можно доверить общение с корабельным компьютером.

В тот момент, когда до меня начал доходить смысл сказанного, из своего жилища появился мастер целенаведения.

Он выглядел значительно старше Тостига, который и сам был заметно старше своих подчиненных. Его имя, в переводе на наш язык, звучало как Поющий о Далекое Доме. Шерсть у него была серовато-коричневого цвета, изрядно присыпанная сединой. Двигался мастер с большим достоинством, но по походке явно ощущалось, что он, подобно многим престарелым халианам, страдает от ревматизма.

Голос у него оказался высокий, дрожащий и неприятный.

– Барон Тостиг, – произнес он, – зачем вы привели этого расово неполноценного к Храму Информации?

Сначала я принял его за антисемита, но потом понял, что расово неполноценными для него являлись все люди без исключения.

– Ладно-ладно, Поющий, – примирительно сказал Тостиг, – мы уже говорили с тобой об этом. У человеческих существ хорошие способности к технике. С помощью этого пленника ты быстро разберешься с компьютером, и мы отправимся за новой добычей. И за славой, не забывая этого.

– Халианский бард отвергает недостойную славу, – высокомерно заметил Поющий. – Я не нуждаюсь в помощи этого создания и вполне способен самостоятельно провести процедуру взлета.

– Конечно, конечно, – поддакнул Тостиг. – Но все дело в том, что мы никак не можем заставить эту чертову штуку работать.

– Боги информации дадут нам свое позволение, – величественно ответил Поющий. – Мы не должны торопить их.

– Вынужден заметить, – возразил Тостиг, – некоторые халиане начинают подозревать, что общение с компьютерами основано на более простых и эффективных принципах, чем промысел чисто гипотетических богов информации.

– Не смейте хулить богов в моем присутствии! – взревел Поющий. – Хотя вы и самый великий из героев, когда-либо рождавшихся в Инчидианском клане Западной Халии, но в религии все еще щенок.

– Давай не будем ссориться, – сказал Тостиг любезным тоном. – Я хочу убраться отсюда вместе со своими воинами. Этот человек способен мне посодействовать. Либо он будет твоим помощником, либо я назначу тебя его помощником, и точка.

По выражению лица Поющего было видно, что он еще много чего может сказать, но, должно быть, его смутил решительный вид Тостига и то, как барон теребил правой лапой кисточку, украшавшую лазерный пистолет.

– Разумеется, пускай помогает, – сдался Поющий. – И если у него появятся дельные советы, я буду рад последовать им. Боги информации иногда выбирают очень необычные способы для передачи своих посланий.

– Вот и прекрасно, – ответил Тостиг. – Я рад, что все уладилось. Оставляю вас, чтобы вы познакомились поближе.

И очень довольный, что отделался от Поющего о Далекое ДOME, он ушел, дружески подмигнув мне напоследок. По крайней мере, я это счел дружеским подмигиванием. Он был неплохим парнем, этот Тостиг.

Халианский барон, обязательно великий воин, является единственным командующим во время набега. Именно он определяет время и место. Но непосредственным исполнителем этих приказов является мастер целенаведения. Барону даже в голову не придет самому контролировать процесс перемещения корабля с места на место. Его дело – война.

Халианская навигация проста до смешного, хотя и представляет собой весьма привилегированное занятие, до которого допускаются только мастера целенаведения из гильдии поэтов. Мастеру целенаведения надо всего лишь проделать несложные манипуляции. После долгого мантрического заклинания «Новый путь, про момент не забудь», повторяемого до тех пор, пока слова не потеряют всякий смысл, если он когда-нибудь вообще присутствовал, мастер готов действовать. Он вынимает из специального гнезда путевой диск, содержащий огромное количество закодированной информации или, по выражению халиан, содержащий много силы. Мастер засовывает его в щель компьютера, и на экране появляется директория целей. Мастер выбирает нужную, нажимает кнопку «Выполнить», и корабль взлетает. Все остальное происходит совершенно автоматически. Если только не требуется ручное управление, программа поднимает корабль в воздух, используя магнитные двигатели, удаляется от планеты, в нужный момент переходит в гиперсветовой режим, а потом, достигнув места назначения, производит все операции в обратном порядке. Конечно, в сражениях халианские командиры отключают автоматику и управляют кораблем вручную, как это делаем и мы, люди. Но во всех прочих ситуациях полетом ведает компьютер.

Естественно, случаются и отклонения, но обычно все происходит именно так. Удобная, простая и надежная процедура, прекрасно соответствующая кровожадной и вместе с тем ребяческой натуре большинства халиан. И вполне в рамках их интеллекта.

Но что происходит, когда этот простой, рутинный, проверенный метод дает сбой? Когда компьютер сообщает о системной ошибке? Именно это и происходило со сломанным звездолетом барона Тостига.

Мастер целенаведения попросил, чтобы его оставили наедине с компьютером, и попробовал несколько известных только ему молитв, мантр большой силы. Спустя три дня он появился, сокрушенно покачивая головой. Машина упрямо продолжала выкидывать все то же сообщение: «Системная ошибка!»

– Просто поразительно, – сказал я Поющему, стоя рядом с ним и глядя на экран корабельного компьютера. – Мои соотечественники хорошо понимают, что происходит, когда бог не хочет больше говорить с ними.

– Этот вопрос имеет значительный теологический интерес, – ответил он, соглашаясь со мной, хотя я имел в виду несколько иное. – Системная ошибка упоминается в наших древних книгах – например, в сказании «Как системная ошибка на свет появилась». Если коротко, боги информации оставили древним халианам две комнаты. Из одной они разрешили брать все, что угодно, и это были хорошие вещи. Другую запретили открывать. Но люди со временем стали жадными и нечестивыми и открыли комнату, надеясь найти в ней еще бóльшие богатства. Вместо этого оттуда выползло маленькое существо с длинным жалом на конце хвоста. Это и был злой демон – системная ошибка, который с тех пор все время жалит нас.

– Потрясающе! – сказал я. – Обожаю сказки. А теперь, если вы не возражаете, я сяду к клавиатуре и посмотрю, нельзя ли что-нибудь узнать насчет системной ошибки.

– Я могу показать тебе все комментарии к каноническому тексту.

– Спасибо, конечно, но лучше поискать инструкцию по исправлению ошибки. Так рекомендуется в «Описании системы».

Он взглянул на меня с яростью:

– Не претендуй на знание того, чего ты знать не можешь. Никто никогда не видел «Описания системы», и уж конечно боги информации не покажут его человеку. Но если хочешь, можешь попытаться воздействовать на машину.

При работе с корабельным компьютером, даже если она доведена до автоматизма, все же нужно, чтобы оператор в любой момент мог указать, какое действие машина должна произвести. Кроме того, оператор должен вводить команды в установленном порядке и принимать необходимые меры, если случится что-то непредвиденное. Ему не обязательно знать, к каким результатам приводят его манипуляции на уровне битов или байтов. Но он должен все делать правильно.

Поющий о Далеком Доме знал многие процедуры наизусть, что для представителя дотехнологической цивилизации было немалым достижением. Однако он не называл эти алгоритмы программами. Они именовались «строфами инструкции», представляли собой вкрапления в саги и были перемешаны с поэтическими изложениями мифических подвигов древних халианских героев.

Один из типичных фрагментов саги «Боевое безумие Дестрида Бешеные Когти» звучит так:

И Дестрид тут переключился,
Нажал на Мышь Судьбы.
На Видеомашине появились строчки.
И тут же бог коммуникаций молвил:
«Ввод», «Пробел», «Семерка», «Е»!
Лишь сделай это, и получится как надо!
И Дестрид господу восславил,
И клавиши божественные трепетно нажал...

Неплохая штука, да и полезная. Конечно, при условии, что порядок команд не перепутан. Если нужно на самом деле ввести «Ввод», «Пробел», «7», «Е», и никак иначе, то даже сам верховный бог информации не поможет программе, коль вы упорствуете в своей ошибке.

Насколько я понял, то, что поначалу представляло собой обыкновенные рабочие инструкции, было поэтизировано этой шерстистой расой, не дружившей с технологией и считавшей ее чем-то вроде магии. А поскольку стихотворные строфы не рассматривались как тре-

бующие точного исполнения инструкции, последующие поколения поэтов вносили в них исправления и улучшения. Были написаны новые саги, в которые вставляли старые формулы, но безо всякого осмысленного контекста, а просто как выразительные поэтические метафоры.

Например, в одной из старых саг, в «Гневе Хафелда Пожирателя Врагов», главное действующее лицо подчиняет себе компьютер угрозами:

Как великий и славный воин,
Грозный Хафелд Врагов Пожиратель
Взял за шнур свой Компьютер старый
И встряхнул его столь нещадно,
Что в испуге замигал Компьютер
И на бледном экране
Ошибка системная возникла.
И взмолилась душа машины,
Запросила она пощады.
Молвил Хафелд Врагов Пожиратель:
«Говорю я тебе, Компьютер,
Отвези ты людей моих с миром,
А не то не попробуешь больше
Электронов приятных и сладких».
Но Компьютер пока еще медлил
И отсчитывал наносекунды
Генератором синхросигналов.
Тогда Хафелд Врагов Пожиратель
Гнев на милость сменил внезапно,
И махнул он рукой своим людям,
Засмеялись те громко и грубо.
И должно быть Компьютер смутился,
Перестал он дурить и дуться,
Сделал все он тогда, чтоб доставить
Храбрых воинов Хафелда обратно
К родным сердцу кострам народа...

В поэме этот метод сработал, но повторить результат Поющий так и не смог.

Как только Поющий позволял, я садился за компьютер. Это было трудной задачей: обладая столь скудной информацией, отыскать нужную последовательность. Он следил за моими попытками, но почти не комментировал их.

Во время перерывов, когда мы прохаживались туда-сюда вдоль боевого корабля Тостига, чтобы дать отдых глазам, я просил пересказать мне легенды. Поющий не видел в этом никакого вреда: ну что может землянин извлечь из древних историй? Не исключено, что он решил обратить меня в свою веру – в ортодоксальный халианский информационализм.

В докосмические времена – насколько я уяснил, около четырехсот лет тому назад – народ (халиане) представлял собой обыкновенных дикарей и делился на многочисленные племена и кланы, которые постоянно воевали друг с другом. Потом откуда-то со звезд пришли «первые чужие», дали воинам оружие, а лучшим предводителям – космические корабли и послали их в поход – искать свою судьбу, добычу, славу и смерть. И поручили гильдии поэтов записывать славные дела расы халиан в форме саг.

Эти сведения были крайне любопытны. Так, значит, какая-то неизвестная раса вмешалась в дела халиан, вооружила их и натравила на планеты Федерации. Кто же дал Халии эти корабли? Командование Флота узнает и об этом, как только я доберусь до своих.

Спустя несколько дней я почувствовал, что у корабельного компьютера нет никаких причин не прочитывать путевой диск. И все же он упрямылся. Мне уже казалось, что в машину заложен какой-то дефект, препятствующий самым разумным действиям, самым оптимальным ходам.

И вот как-то раз, вернувшись с одинокой прогулки раньше, чем рассчитывал, я увидел Поющего о Далекое Доме, который сосредоточенно работал за клавиатурой.

Я с удивлением следил за его манипуляциями. С необычным для представителя нетехнологической расы искусством, подобно Пенелопе, распускающей по ночам все, что соткала за предыдущий день, он стирал записанную мной информацию.

– Ты пытаешься испортить программу! – закричал я.

Его губы скривились в высокомерной усмешке, но он ничего не ответил.

– Ты не хочешь, чтобы корабль взлетел! Тебе нужно, чтобы Тостиг и его воины остались здесь и погибли!

– Удивляюсь, как ты не понял этого раньше, – ответил Поющий.

– Барону будет интересно услышать об этом! – крикнул я и схватился за лом. – Не пытайся остановить меня, проклятый изменник, а не то башку проломлю!

К тому времени – что, вероятно, было неизбежно – я подсознательно уже считал себя халианцем.

– Прежде чем убить меня, – спокойно сказал Поющий, – не желаешь ли выслушать, почему я так поступил?

Вероятно, надо было пойти прямо к Тостику. Если бы я так и сделал, все могло бы сложиться совсем иначе. Но я медлил. Жители Пердидо всегда отличались любопытством.

– И почему же ты так поступил?

Он улыбнулся и все так же спокойно спросил:

– Человек, знаешь ли ты, что требуется для написания халианской саги?

Я отложил лом и сел. Он поймал меня на крючок.

– Рассказывай.

– Саги, – начал Поющий, – это душа нашего народа. Все великие саги содержат некоторые общие элементы. В них есть героическая фигура – например, такая, как Тостиг. Наличествует безвыходная ситуация вроде нашего пребывания на Цели, предательство со стороны некоего доверенного ключевого персонажа и эпическая гибель предводителя и его людей. Тостиг – подходящая фигура для создания величайшей из саг. Для того чтобы сочинить ее, я употребил все свое искусство, перечислил в прекрасных стихах его великие победы – бойню на Орлиной Станции, опустошение Звездного Перевала, нападение среди бела дня на Алгол-Четыре. Во всей истории Халии не было героя более великого. Не хватает только достойного завершения.

– Например? – спросил я.

– Возможен только один вариант. Барон Тостиг должен вступить в последний неравный бой и погибнуть здесь, на Цели.

– Но может быть, это совсем не то, чего хочет сам Тостиг? – заметил я.

– Его желания не играют никакой роли. Важно, чтобы «Сага о Тостиге» получила достойный финал, чтобы она пелась впоследствии для поддержания духа остальных халиан.

– Но я не вижу, каким образом можно сохранить твою сагу, – сказал я, – если ты останешься вместе с бароном Тостигом, обреченным на славу и смерть.

– Это уже моя проблема, – ответил Поющий. – Без сомнения, я, как и все великие барды, найду выход. Пусть даже придется умереть до того, как будут готовы последние строфы, я сумею отправить копию в гильдию поэтов. Финал за меня допишут другие.

– Что-то мне это не нравится, – сказал я.

– Потому что у тебя нет склонности к поэзии. Но ты достаточно умен, чтобы понять, в чем твоя выгода.

– Полагаю, у тебя имеется какой-нибудь довод на этот счет, – сказал я.

– Само собой. Верность собственной расе заставляет тебя желать, чтобы Тостиг остался здесь навсегда.

Слова Поющего звучали довольно ядовито, но в них крылся определенный смысл. Я понимал, что барон Тостиг редкостный представитель своей расы. Таких рождается один на миллион. Он гораздо умнее и гибче, чем большинство его сородичей.

– Вот что мне кажется странным, – сказал я Поющему. – Почему такой халианин, как Тостиг, не командует гораздо большим количеством воинов?

– По натуре мы не коллективисты, оттого-то у нас и нет больших кораблей. Хороший лидер может удержать двадцать, пятьдесят, даже сто бойцов. Но командовать дредноудом с экипажем в две тысячи халиан ему не по силам. Да и «чужие» не потребовали от нас объединить кланы под руководством способных вождей. Они хотели, чтобы мы оставались такими, какие есть: грозными, но не слишком сильными.

– Кажется, они не дураки, эти ваши чужие, – сказал я. – С какой, ты говоришь, они планеты?

– Я скорее умер бы, чем открыл тебе что-нибудь важное о «чужих», но, к счастью, избавлен от такой необходимости, потому что сам ничего о них не знаю. Скажи, человек, разве здесь наши цели не совпадают? Тебе нужна материальная победа, мне – духовная. Если Тостиг примет на этой планете свою последнюю битву и умрет, мы оба окажемся в выигрыше.

– Но это также может ускорить мою смерть.

Собеседник отрицательно покачал головой:

– Даю клятву мастера-поэта, что ты целым и невредимым вернешься к своим друзьям. И покроешь себя славой, а не позором предателя, который помог Тостигу убежать.

– Но я дал барону слово, – сказал я.

– Ты дал его скорее под давлением, чем по собственной воле. Это нельзя рассматривать как обязательство.

– Если я даю слово, – возразил я, – то рассматриваю это как обязательство.

– Рассуждаешь точно глупый халианский наемник. Разве ты не заинтересован в том, чтобы защищать интересы своей расы? Или ты такой же романтик, как Тостиг?

– Я не знаю, черт побери, что мне делать! – раздраженно воскликнул я. – Тостиг мне нравится!

– А я, его бард и спутник по всем знаменитым битвам, люблю его, как самого себя. Если ты барону такой же друг, как и враг, то неужели откажешь в столь необходимом героическом финале?

– Ты все понял неправильно, – сказал я. – Барон хочет обратиться отсюда. Он сам говорил о желании поискать славы и добычи в других местах, при более благоприятных обстоятельствах.

– О, Тостиг любит притвориться, будто он очень рационален и боится смерти, – сказал Поющий. – Этот недостаток он приобрел в лондонском зоопарке. Но у него сердце истинного халианина, и он с честью примет красивую смерть, хочется ему этого или нет. Сей мотив часто повторяется в наших сагах. Герой стремится избежать своего предназначения, но лучший друг предает его, и герой все-таки встречает свою судьбу.

– Я ему не лучший друг! – воскликнул я.

Но Поющий уже отвернулся от меня и принялся возносить молитвы богам информации. А я остался наедине со страшным смятением, охватившим душу и сердце.

Моя последняя встреча с Тостигом оказалась так же приятна, как и все предыдущие. Халианский капитан находился у себя в покоях и заканчивал свой туалет. В этом отношении он был немного тщеславен и даже пользовался железными щипцами – торчащие кверху бакенбарды в этом году были крайне популярны среди халианской знати.

– Стоит ли гоняться за модой? – ворчал он. – Едва бакенбарды начинают более или менее прилично укладываться на один манер, как я слышу о том, что все уже носят их совсем по-другому. Столько мороки, и ради чего? Скажите, Иуда, корабль готов?

– Готов, – ответил я. – Я выявил проблему и все исправил. С бесценной помощью Поющего о Далекое ДOME, разумеется. Осталось ли еще виски?

– Угощайтесь. Бутылка на обычном месте.

Я налил себе, не разбавляя. Тостиг посмотрел на меня с беспокойством.

– Вы сегодня, кажется, не в духе, Иуда?

Всю эту ночь я провел в борьбе с совестью. У нас, евреев планеты Пердида, есть привычка «спорить со своим ангелом». На этот раз, однако, предмет спора был далеко не очевиден. Я обнаружил, что трудно определить мое собственное отношение к происходящему – чего я в конце концов хочу и какие средства для достижения желаемого могу себе позволить. С одной стороны, как совершенно справедливо указал мастер целенавещения, этот барон Тостиг и его боевые хорьки, пока они живы, как бельмо у нас на глазу. С другой стороны, судьба звездной империи не может зависеть от отдельных личностей. Конечно, для Альянса было бы крайне важно, чтобы я вернулся с добытой информацией. Но разве в подобной ситуации честное слово человека ничего не значит?

В мозгу вертелось много веских, даже неотразимых доводов в пользу того, что я не должен предавать Тостига, что обязан поступить как добрый друг и рассказать о плане Поющего, дать шанс ускользнуть из мышеловки и либо продолжить подвиги, либо удалиться на отдых в домик, о котором он однажды упомянул при мне, – домик, затерянный среди зеленых холмов планеты, чье местоположение он сохранил в тайне.

И я уже почти решил открыться Тостигу. Но тут вспомнил об основополагающей роли саг в жизни Халии и о том, что все они включали упоминание о друге, ставшем предателем, вступившем в заговор с целью подвести героя к predeterminedенной ему славе, удовлетворить его подсознательное стремление к великолепной смерти, память о которой будет вечно жить в фольклоре его племени.

Будет ли настоящим другом тот, кто поможет герою ускользнуть, чтобы он смог тихо умереть в своей постели, окруженный, быть может, хорошенькими ясноглазыми халианками? Или настоящий друг – тот, кто поможет достичь истинного предназначения, доблестной смерти в битве с превосходящими силами противника?

– Мне будет жаль, когда вы улетите, – сказал я, и это была правда.

Хотя и не вся.

– Мне тоже, – вздохнул Тостиг. – Считается, что между нашими расами дружба исключена. Не берусь судить, для меня это слишком сложная тема. Но знаю одно: дружба между отдельными личностями возможна всегда. Мне будет не хватать вас, Иуда.

Я хотел ответить, но тут прибыл его почетный эскорт, четыре пиратского вида халианина, обильно увешанных оружием. У одного на глазу красовалась черная повязка.

– Что ж, пойдем, проверим вашу работу, – сказал он беззаботно, и мы, окруженные охраной, двинулись вперед.

Подчиненные барона Тостига построились перед крейсером. Их было около сотни, поскольку и другие боевые группы, желая разделить хоть частицу славы командира, поклялись

ему в верности. Поющий о Далекое Доме тоже стоял здесь – с непроницаемым лицом, величественный в своем серебристо-сером одеянии.

Стихли приветственные возгласы, и Тостиг поднялся на корабль, а мы с Поющим последовали за ним. Когда подошли к пилотской кабине, я не выдержал.

– Тостиг, мне нужно сказать вам кое-что!

Он спокойно посмотрел на меня.

– Нет, – ответил Тостиг, – не надо. Видите ли, я уже знаю.

– Знаете?

Тостиг улыбнулся:

– Я знаком с древними сагами гораздо лучше, чем вы. Почти так же, как присутствующий здесь мастер целенавещения. Разве не так, Поющий?

– Ваши знания в области поэзии выше всяких похвал, – сказал Поющий. – Для непрофессионала, конечно.

– Разумеется. – Тостиг посмотрел на пульт управления и вновь повернулся к Поющему. – А как именно ты все это устроил? Надеюсь, что-нибудь новенькое?

– Достаточно оригинальное, – подтвердил тот. – Я задал специальный пароль; если его не ввести, компьютер откажется выполнять команды. Напротив, запустится программа, которая необратимо выведет его из строя. Но откуда вы узнали?

– Я не узнал, – ответил Тостиг. – Просто решил сделать вид, будто мне все известно, и посмотреть, что ты на это скажешь.

– Так вы обманули нас! – воскликнул Поющий.

– Один обман стоит другого, – ответил Тостиг. – Мастер целенавещения, я догадывался о вашем плане уже давно. И уж конечно, вы могли с легкостью внушить моему простодушному другу, что единственное, чего я действительно хочу, так это смерти на поле брани и славы в песнях.

– Я не должен был его слушать, – сказал я. – Тостиг, вы все еще можете улететь. Пароль, обезвреживающий программу...

Тостиг властно вскинул лапу:

– Нет, не говорите. Иначе у меня может возникнуть искушение воспользоваться этим паролем.

Мы недоуменно взглянули на него. Потом на лице мастера целенавещения появилась угрюмая улыбка.

– Значит, я не ошибся в вас, Тостиг!

– Ты знаешь меня лучше, чем я знаю самого себя. Тот, для кого открыта душа всей расы, имеет ключи и к душе отдельного халианина.

Мы вышли вместе с Тостигом из космического корабля. При виде его халианские воины замолчали.

– Ребята, – сказал он, – корабль в порядке. Но нам он не понадобится. Слишком уж хороша возможность, чтобы упускать ее. Мы выступим против всего вражеского Флота и всех вражеских наземных сил. Совершим величайший подвиг в истории Халии. Мы и так слишком зажились. Во мне проснулся берсерк, и я готов атаковать даже в одиночку. Найдутся ли среди вас желающие примкнуть ко мне?

Оглушительный рев доказал, что трусов здесь нет. Будучи истинными халианами, они не могли не увлечься великолепной перспективой геройской смерти под предводительством знаменитого военачальника и бессмертия в песнях.

– Перед нашим последним сражением мы устроим пир, – сказал Тостиг. – А вы, мой друг Иуда, ступайте домой с миром и со всем моим уважением. Барон Тостиг держит слово. И захватите с собой поэта, потому что его сага должна быть сохранена для будущих поколений.

Поющий о Далекое Доме выпрямился во весь рост.

– Нет, Тостиг, я не уйду. Вы сделали правильный выбор, единственно достойный героя. Но мое решение правильно для поэта. Я останусь с вами, буду свидетелем вашей последней битвы и напишу окончание своей саги.

– Глупец! – воскликнул Тостиг. – Скорее всего, тебя убьют вместе с нами, ведь война не щадит даже поэтов. Что тогда станет с великой сагой обо мне?

– Я подумал об этом, – сказал Поющий, – потому что надеялся на такой оборот событий. И я принял меры предосторожности. – Из-под длинного одеяния он вытащил небольшой механизм, в котором я сразу узнал обыкновенный кассетный магнитофон. – Я сохранил этот образчик вражеской технологии, трофеем нашей последней битвы, и записал на него сагу, все, что было сочинено до сего дня. Этот человек показал себя достойным вашего доверия и дружбы. Он смог увидеть всю глубину поэтической души халиан. Мы знаем, что Иуда нас не подведет. Возможно, я переживу вашу смерть, Тостиг, – судьба милостива к бардам. Тогда я сам закончу сагу и найду способ доставить ее в гильдию поэтов. Но если все же придется умереть, то Иуда сделает это за меня – переправит сагу на Халию, и ее допишут другие.

– Будет сделано. – Я сунул в карман магнитофон, пожал лапу Поющему, обнял Тостига и отправился в путь.

Остальное хорошо известно всем членам военного трибунала. Нашим силам понадобилось два месяца, чтобы запереть Тостига в Ущелье Мертвых. Мы понесли серьезные потери, прежде чем он пал в великой битве.

Что же касается великой саги, то с грустью должен сообщить: мастер целенаведения не был мастером в области техники, даже такой простой, как кассетный магнитофон. Ему удалось включить аппарат, но он, успокоенный обманчивым миганием красной лампочки, видимо, забыл отжать кнопку паузы, и поэтому ни одного слова не легло на пленку. Да и насчет милостивой к бардам судьбы Поющий о Далеком Доме оказался слишком оптимистичен: ему не посчастливилось выжить в битве и у него не было возможности вновь записать свою сагу.

То, что вы сейчас читаете, – плоды моей скромной попытки рассказать человечеству о славном халианском бароне Тостиге. Я сделал для него все, что мог. Он был моим врагом, и он был моим другом. Я предал его, как предписывалось халианским обычаем, а теперь, в меру своих скромных возможностей, спел его песнь.

Осталось добавить немного. Действуя через посредников, я передал рассказ о своей встрече с Тостигом одному из представителей халианской гильдии поэтов.

– Метрическая форма не соблюдена, – сказал он, – и тут повествуется больше о вас, чем о Тостиге. Но мы благодарны за ваши старания. Мы принимаем ваш опус. Пусть он зовется «Сагой о бароне Тостиге». И да будет вам известно, что вы являетесь единственным чужаком, написавшим сагу, которая была принята халианской гильдией поэтов.

Халианин подарил мне серебристо-серое одеяние гильдии и остроконечную шапку барда. Они слишком малы, чтобы я мог их носить, но они висят на стене моего кабинета в Новом Иерусалиме. При каждом взгляде на них я вспоминаю Тостига. Даже если это и было предательством, никто не осудит меня строже, чем я сам.

* * *

Третья книга межавторского цикла «Боевой Флот» – антология «Прорыв» (1989). Снова великолепная команда фантастов создала не просто сборник рассказов на заданную тему, а целостное, яркое и увлекательное произведение, с оригинальными сюжетами и героями, чьи судьбы не оставят читателя равнодушным.

Гибель Последней Империи стала катастрофой для всего освоенного космоса. Разрозненные, ослабленные цивилизации выживают на грани варварства. С огромным трудом удалось создать хрупкий Альянс, а иначе у людей и их союзников не было бы ни единого шанса

отразить нашествие самой воинственной и жестокой расы во Вселенной – халиан, которые уже поработили несколько культур и теперь готовят такую же участь человечеству.

Хазара

Перевод Игоря Дернова-Пигарева

Когда на Пердидо Бродский угодил в рекрутский набор, его послали на форпост хорьков – планету Цель, которая два года тому назад была захвачена специальным подразделением с Пердидо, поддержанным мощью Флота. Ко времени вербовки Бродского бои давно закончились, и бить там оставалось только баклуши, каковому занятию он, собственно говоря, и предавался с немалым успехом.

Но однажды к нему подошел сержант из его подразделения и объявил:

– Вас хочет видеть командир роты.

Бродский как раз наблюдал за двумя сверчками, в свою очередь наблюдающими друг за другом. Пока он торчал на Цели, волей-неволей многое узнал о насекомых и прочей мелкой живности. Если присматриваться, можно заметить нюансы, о которых не написано ни в каких книгах, – так называемые индивидуальные различия. Несмотря на отсутствие разума, поведение насекомых было не до конца предсказуемо.

– И зачем же я понадобился командиру? – спросил Бродский.

– Он, несомненно, сообщит вам об этом лично, – ответил сержант. – Так идете или нет?

– А куда деваться! – вздохнул Бродский.

– Неужели не можете ответить просто, как все нормальные люди: «Так точно, сержант!»?

– Наверное, я ненормальный.

Бродский был высок и неуклюж, координация движений оставляла желать лучшего. Зато коэффициент интеллекта был почти 185 – уровень гения. Но Бродский, казалось, не испытывал желания его применять, чем бросал вызов своему командиру, Джеймсу Келли, выходцу с планеты Катаджиния-2, расположенной в восточном звездном секторе С1.

Капитан Келли начал разговор любезно, но не без сарказма:

– А вот наконец и наш доморощенный философ.

– Вы оказываете мне слишком большую честь, капитан, – ответил Бродский. – Я простой искатель истины.

– И потому все время нарушаете строевой устав?

– Я вовсе не бунтовщик, – попытался оправдаться Бродский. – Это получается произвольно.

– То есть подсознательно?

– Вероятно. И позвольте заметить, капитан, что человека нельзя обвинять за неосознанные поступки, в которых он по определению не отдаёт, да и не может отдавать, себе отчета.

– Если бы вы хоть замечали, что совершаете их, – вздохнул капитан.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Бродский.

Он смотрел в окно, испытывая сильное желание оказаться подальше отсюда.

– Вам бы в одну из старых армий, Бродский. Знаете, как поступали тогда с солдатами, которые нарушали дисциплину?

– Неужели бранили? – попробовал догадаться Бродский.

– Много хуже. Их били.

– Не понимаю, – сказал Бродский. – Каким образом при помощи битья можно предотвратить нарушения дисциплины?

– Никаким. Теперь мы это понимаем. Но в старину считали, что наказаниями можно исправить поведение.

– Странная точка зрения, – отметил Бродский.

– И совершенно ненаучная. Но вы себе не представляете, Бродский, с каким удовольствием я отдубасил бы вас. Замучили вы меня дальше некуда.

– Сэр, если ваше настроение от этого поднимется, – ответил Бродский, – то можете без всяких колебаний ударить меня. Я не буду в обиде и никому не расскажу об этом эпизоде.

– Увы, я не могу давать волю своим чувствам, как это делали командиры старых времен, и бить вас не стану, а как бы хотелось! Напротив, я собираюсь поощрить вас. Это более современно, не правда ли?

– Не уверен, что поощрение ненавистной вам манеры поведения – хорошая идея, – ответил Бродский. – Более того, у меня такое ощущение – можете назвать его предвидением, – что ваше поощрение мне не понравится.

– Называйте это хоть предвидением, – сказал капитан, – хоть свиным хрящиком – дело ваше. Но никакая сила в мире, не говоря уже о ваших просьбах, не помешает мне поощрить вас за омерзительную и бездарную службу в моем подразделении.

– Не слишком-то вы печетесь о своем подразделении, – ответил Бродский. – Ну ладно, раз уж решили поощрить, то делайте это побыстрее. Надеюсь, вы не отправите меня на трое суток в ближайший захудалый городишко, чтобы я напился в стельку на глазах у этих язвительных двухметровых птиц?

– Нет, я придумал кое-что гораздо лучше, – сказал ротный.

– Тогда, сэр, не могу даже представить, что же это может быть.

– Не беспокойтесь, сейчас узнаете. Рядовой Бродский, я произвожу вас в чин младшего лейтенанта.

– Что? – изумился Бродский. – Это и есть ваше поощрение?

– Только часть его. А хотите узнать, почему именно в младшие лейтенанты?

Бродский пожал плечами:

– Возможно, у вас есть дочь, она в меня влюбилась, и вам пришлось повысить меня, чтобы она имела возможность появляться со мной в обществе.

– Бродский, вы что, встречались с моей дочерью? – упавшим голосом спросил капитан.

– Я даже не знал, что она у вас есть. Просто предположил.

– Уф! – произнес ротный и продолжил: – По новым правилам лейтенант – самый младший чин пилота на корабле-разведчике.

– Корабль-разведчик? Пилот на корабле-разведчике? Сэр, да я не умею водить даже машину!

– Этому несложно научиться. Интеллект – волшебный ключ к овладению всякой техникой, как вы сами мне говорили.

Уже долгое время Флот вел интенсивный поиск потерянных планет Первой Империи. Она распалась две тысячи лет назад. В ее центре находились тринадцать планет, одной из которых была Земля. При последнем императоре империя состояла из ста тысяч планет. Власть держал в своих руках Флот, базировавшийся на планете Порт в созвездии тау Кита. После развала империи многие карты были утеряны и часть планет оказалась полностью отрезанной от остальных. Начались смутные времена. Одной из постоянных забот Альянса стал поиск таких планет, установление контакта с ними и возвращение их в состав Альянса.

Но Бродский не мог и предположить, что будет участвовать в этих поисках. Он не был прирожденным исследователем. Как и прирожденным военным. Собственно говоря, у него были все основания полагать, что он вообще ни на что не годен.

– Но я ничего не знаю о пилотировании, – возразил Бродский.

– На борту корабля имеется инструкция. Вам дадут несколько часов на ее изучение. К тому же у вас будет партнер, разбирающийся в технике.

– Но почему именно я? – спросил Бродский. – И почему именно на корабль-разведчик?

– Корабли-разведчики, – объяснил ротный, – предназначены для обнаружения цивилизаций и первого контакта с ними.

– Вы хотите послать меня на разведку?

– Это очень ответственное дело, Бродский. Две тысячи лет тому назад мы были частью Империи, владевшей сотней тысяч планет. Представляете себе?

– Многовато, – заметил Бродский.

– Это было грандиозно. Великий замысел.

– Ну, как посмотреть. Сдается мне, что ностальгия по Первой Империи несколько преувеличена. Смутные времена гораздо любопытнее.

– Необходимо отыскать эти планеты, – отрезал капитан Келли. – Они должны быть в составе Альянса. Надеюсь, вы не забыли о том, что идет война? С хорьками, припоминаете? И со зловещим разумом, который стоит за ними. Противник очень силен, так что нам придется каждый, кто встанет на нашу сторону. И если вам наплевать на себя, то подумайте хотя бы о других. Знаете, как поступает враг с покоренными цивилизациями?

– Даже слышать не хочу, – ответил Бродский.

– Эти планеты беззащитны. Большинству из них не удалось достичь уровня межпланетной цивилизации. Они остались в изоляции, через несколько поколений искусство космических полетов забылось, в лучшем случае сохранилось только в преданиях о богоподобной расе, некогда пришедшей, а потом исчезнувшей навсегда. Когда хорьки и те, другие, натываются на подобные планеты, они без особого труда обращают людей в рабство, вырезают всех подряд или даже замораживают про запас, чтобы использовать в качестве продовольствия.

– Ради бога, не продолжайте, – сказал Бродский, – у меня очень чувствительный желудок.

– Это все, о чем я хотел вам сообщить, – сказал ротный. Он порылся в ящике стола и выудил блестящую пеструю ленточку. – Вот ваши лейтенантские нашивки. Пришьете к краям воротника. Берите. Поздравляю вас, лейтенант Бродский.

Бродский повертел ленточку в руках.

– А теперь, сэр, давайте поговорим серьезно. Неужели мысль послать меня разведчиком на поиск новых миров действительно кажется вам удачной? По-моему, это работа для специалистов, разве не так?

– Разумеется, так, – ответил ротный. – Мы тщательнейшим образом рассмотрели все требования к кандидату на выполнение подобной работы. Разумеется, он должен быть способным лингвистом, быстро осваивать новые языки и диалекты. Знание химии поможет ему избежать отравления незнакомой пищей. Чтобы правильно оценить, будет ли новая планета полезна для Альянса или нет, он должен иметь представление о таких дисциплинах, как экономика и политика, и разбираться в технике. Не помешало бы знакомство с геологией – вам могут встретиться полезные ископаемые... Ну и с ботаникой, и с биологией, потому что некоторые из наших ценных сельскохозяйственных культур имеют инопланетное происхождение. Если у планеты имеется гидросфера – а почти на всех богатых кислородом мирах есть океаны, – то разведчику пригодилась бы специальность океанолога. Будучи зоологом, он мог бы описывать встреченных животных, а зная социологию и этнографию, провел бы сравнительный анализ различных культур, поскольку те, что попадались нам до сих пор, различались между собой не меньше, чем земные расы, племена, этнические и религиозные группы. Чтобы иметь с ними дело и избегать при этом конфликтов, надо иметь житейский опыт. Неплохо бы прибавить к этому списку профессию психолога. Ну и, наконец, надо знать толк в медицине, хотя бы для того, чтобы оказать себе помощь при заболевании вдали от дома и не зависеть от местных методов лечения, рассчитанных на чуждые нам психологию и питание. Кстати, диетология как раздел медицины – неременная составляющая курса обучения.

– Но я ведь ничего этого не знаю, – возразил Бродский.

– Конечно. Никто из наших разведчиков не обладает необходимой квалификацией. Да они бы ни на что и не годились, если бы всем этим обладали.

– Вы сами себе противоречите. Почему?

– Потому что разведчик, начиненный такой прорвой знаний, не представлял бы, как ему реагировать в нетипичной ситуации. А в ходе поиска такие ситуации возникают сплошь и рядом. Там, на этих мирах, все не так, как нас учили. Аналогии неверны, выводы нелогичны, и, в общем, лучше всего вести себя как бог на душу положит.

– Тогда по какому же принципу вы подбираете своих разведчиков?

– Берем таких, которые смогут наилучшим образом приспособиться к неожиданным и нестандартным обстоятельствам. Обычно это эксцентричные люди или неудачники.

– Думаете, я подойду?

– Да, Бродский, вы, без сомнения, подойдете.

– Капитан, если бы я не был уверен в обратном, то мог бы даже заподозрить наличие у вас чувства юмора.

– В ваших устах это, вероятно, звучит как комплимент. Не беспокойтесь, Бродский, я, кроме шуток, считаю, что вы прекрасно подойдете для этого дела.

– Не понимаю почему, – настаивал Бродский. – Я не знаю ничего о чужих цивилизациях и понятия не имею о том, как приветствовать наших долгожданных братьев из Первой Империи.

– Все это так, но у вас есть одно ценное качество: вы всегда ждете неприятностей.

– Разумеется, – ответил Бродский. – Чего же еще можно ждать? Разве не все так делают?

– Большинство людей, – сказал капитан, – ожидают только того, к чему привыкли, и весьма удивляются, когда дело оборачивается как-то иначе. Вы этой ошибки никогда не совершите, Бродский. А теперь пойдёмте познакомимся с вашим новым кораблем, и я представлю вас напарнику.

Корабль-разведчик был метров пятнадцати в длину. Для корабля, рассчитанного на экипаж в два-три человека, он казался большим, но его узкий корпус почти весь был заполнен различными механизмами, контрольным и навигационным оборудованием и продовольствием. В жилой части имелись маленькая ванная с душем, камбуз и небольшая комната отдыха с диваном, мягкими креслами и развлекательным центром. Ближе к носу находилась навигационная рубка, тесная от множества приборов.

Кто-то сидел в одном из пилотских кресел, лениво нажимая на клавиши компьютера.

– Привет, – сказал Бродский.

Обитатель пилотского кресла повернулся и оказался девушкой лет семнадцати, смуглой, хрупкой и с тонкими чертами лица. Ее черные блестящие волосы спускались по спине толстой косой. На руках у нее были тяжелые золотые браслеты, а посреди лба виднелся маленький знак касты.

– Лейтенант Бродский, – произнес ротный, – позвольте представить вам вашего нового товарища, лейтенанта Анну Мукерджи.

– Вы из Индии? – спросил Бродский. – Или носите сари просто ради удовольствия?

– Ни то ни другое, – ответила Анна. – Я с Хали-Двенадцать, которая была заселена когда-то выходцами из Индии и Пакистана.

– Я всегда думал, что индийские женщины предпочитают сидеть дома, а драться представляют мужчинам.

Она решительно покачала головой:

– На Хали-Двенадцать воюют как раз женщины, и я вполне разбираюсь в пилотировании кораблей такого типа. А какова ваша специальность?

– Чепуха на постном масле, – ответил Бродский.

– Оставляю вас, чтобы вы могли получше познакомиться друг с другом. – Капитан Келли, пряча улыбку, вышел.

Первая ссора произошла в первый же день совместного полета. Потому-то и запомнилась.

После старта, когда корабль преодолел гравитационное поле планеты и они ждали рассчитанного компьютером момента перехода в сверхсветовой режим, Анна взяла несколько толстых томов, раскрыла один и принялась изучать его содержимое.

Бродский без комментариев наблюдал за тем, как она самостоятельно выполнила всю процедуру старта. Возможно, Анна казалась неприветливой, но лицо у нее было приятное. Особенно привлекали глаза, карие и миндалевидные, и длинная грациозная шея. Похоже, девушка действительно разбиралась в своем деле. Бродскому это понравилось. Во всяком случае, он решил, что понравилось. Бродский не всегда бывал уверен в том, что ему будет нравиться в будущем.

– Замечательный старт, – одобрил он.

– Благодарю вас. Это просто стандартная процедура, описанная в руководстве. Я только немного ускорила ее выполнение, получив предупреждение диспетчерской службы о приближении транспортного корабля.

– Весьма разумно с вашей стороны, – заметил Бродский.

– Но отклонения, конечно, были в пределах, дозволенных инструкциями.

– О, рад это слышать, – ответил Бродский.

Она чуть-чуть нахмурилась:

– Меня предупредили о том, что вы любите все делать по-своему.

Бродский кивнул:

– Это еще мягко сказано.

– Но старт не время для самовыражения.

– Знаю. Именно поэтому я и позволил вам проделать все самой.

– Вы позволили? Не подозревала, что в этой экспедиции командуете вы.

– Я вовсе не это хотел сказать, – возразил Бродский. – Просто если бы я почувствовал, что смогу хорошо стартовать сам, то непременно сделал бы это.

Она повернулась к нему. Бродский отметил очень красивую форму ее рта, но ему совсем не понравились слова, вылетающие оттуда.

– Лейтенант Бродский, – сказала она, – давайте проясним ситуацию. Я обладаю техническими знаниями, которые требуются для пилотажа. Вы ими не обладаете. Насколько я понимаю, командир дал нам общее задание лишь для того, чтобы избавиться от вашего присутствия. Вы просто-напросто балласт. Что ж, это я переживу, поскольку знаю, что мне делать, и буду это делать вне зависимости от того, находитесь вы здесь или нет. Но я не потерплю вмешательства в свою работу. По-моему, в видеобиблиотеке вполне достаточный запас бульварной литературы, и она поможет вам скоротать время, пока я буду выполнять свои обязанности.

Бродский уставился на нее. Он начал было злиться, но потом понял нелепость своей обиды и не мог не улыбнуться. Эта женщина настаивала на том, чтобы заниматься работой, которой сам он заниматься не желал. На что же тут обижаться?

– Валяй, сестренка, делай что хочешь, – сказал он ей. – Я вовсе не собираюсь навязывать советы тому, кто в них не нуждается. Но если тебе вдруг покажется, что я могу принести какую-то пользу, не стесняйся и дай мне знать.

– Благодарю вас, лейтенант Бродский, – ответила Анна. – Ваша позиция при данных обстоятельствах меня вполне устраивает.

– Что ж, счастлив слышать это, – заключил Бродский и удалился на камбуз.

Везет как утопленнику. Длинное космическое путешествие, поиск неизвестных цивилизаций и прочие прелести, а в придачу ко всему напарница, для которой буква устава превыше всего и которая всегда готова к ссоре. Интересно, как долго продлится это путешествие?

Когда корабль лег на курс, лейтенант Мукерджи приготовила на обед жареного цыпленка с карри. Немного остро, но для разнообразия сойдет, решил Бродский. Он тогда и не подозревал, что будет есть это каждый день, до самого конца путешествия.

На десятый дней полета Анна вывела корабль из сверхсветового режима. Она заметила весьма многообещающую планету, которая могла оказаться даже Хазарой, одной из главных планет Первой Империи.

Антонин Хоу, которого все звали Лео, выполнял обязанности наблюдателя на вершине пика Забвения, самой высокой точке западного полушария Хазары.

Наблюдатели ежегодно выбирались на всеобщей лотерее. Их задачей было дежурить на высочайших горных вершинах, где воздух разрежен и ничто не препятствует телепатической связи. Им надлежало концентрировать свое внимание на просторах космоса и предупреждать о приближении к Хазаре чужих космических кораблей.

Прошло довольно много времени с тех пор, как на планете в последний раз появлялся вражеский корабль. Недруг присмирел. Тем не менее наблюдения не прекращались, потому что о чужаках ничего нельзя было сказать наверняка: опасные и непредсказуемые, они могли появиться в любую минуту. Никак нельзя было позволить им сесть на поверхность планеты незамеченными.

Годичное одиночество дало Лео возможность попрактиковаться в искусстве концентрации воли, в контроле температуры тела методами йоги и в питании солнечным светом. Эти навыки редко применялись на практике, но Лео нравилось заниматься подобными вещами.

Однажды ветренным утром, сразу после чаепития, его занятия прервал донесшийся из космоса слабый сигнал. Весьма неприятная неожиданность. Сначала Лео понадеялся на то, что приближающееся тело окажется метеоритом или шальной кометой. Он сосредоточился на предмете, и примерно через час проведенный им мысленный анализ спектра сигнала показал, что объект состоит из металла и перемещается при помощи магнитных двигателей. Теперь уж сомневаться не приходилось – это был космический корабль. Кто-то собрался нанести им визит, а это никогда не было приятной новостью. Придется Лео оставить свою уютную хижину на вершине пика Забвения, спуститься до уровня, на котором растут деревья, и передать по биосети сообщение для властелина планеты.

Лео приготовил себе легкий завтрак, оделся как можно теплее, поскольку устал от занятий по контролю температуры тела, и немедленно отправился в путь, каковой проходил между крутыми скалами, покрытыми толстым слоем снега и льда. В подобных местах человек должен соблюдать предельную осторожность, всюю напрягать свои ментальные способности и быть готовым отреагировать при первых признаках опасности. Но Лео настолько увлекся мыслями о послании, которое ему предстояло передать, что опомнился, только когда наверху загрохотало.

Прямо на него падала лавина. Уклониться от нее было уже нельзя. В эту секунду Лео, также с запозданием, вспомнил последний наказ своего отца (перед смертью старик прохрипел: «Никогда не доверяй природе»), а потом лавина поглотила Лео, заverteла, потащила, и он потерял сознание.

Очнувшись, он обнаружил, что за руки и за ноги привязан к кровати. Исходя из этого, нетрудно было понять: его спас кто-то из клана Гуаши, кровных врагов родного клана Лео, Хоу.

Из темноты возник закутанный в потертый мех здоровый детина средних лет с ножом в руке.

– Да, – сказал он, – ты правильно подумал. Я Оттолайн Гуаши. И разумеется, должен убить тебя.

– Так почему же ты не сделал этого раньше? – спросил Лео. – Я хочу сказать – зачем ты утруждал себя моим спасением?

– Мой мальчик, спасти засыпанного лавиной странника – долг каждого из нас. Кроме того, я не испытываю к тебе враждебных чувств.

– Рад слышать это, – сказал Лео.

– Или, вернее, я испытываю к тебе чувство вражды, поскольку наши кланы смертельно враждуют между собой, но это чувство чисто формальное – скорее роль, которую нужно сыграть, чем отражение моих истинных эмоций по отношению к тебе.

– А какие эмоции ты испытываешь по отношению ко мне на самом деле? – спросил Лео.

– Полное равнодушие, – ответил Гуаши.

– Весьма рад слышать.

– Тем не менее я должен до конца сыграть свою роль. Врагов полагается убивать.

– Но ты спас мне жизнь.

– Что ж, подобное время от времени случается, не так ли?

– Вполне возможно. Но, сначала спасая, а потом заявляя, что должен убить меня, ты поступаешь непоследовательно.

– Непоследовательно? Я бы этого не сказал! – с некоторым жаром возразил Гуаши. – Эти противоречивые на первый взгляд действия вполне соответствуют моей роли, которая состоит в том, чтобы найти и убить извечного врага моего клана.

– Что ж, ладно, – согласился Лео. – Но прежде чем ты перейдешь к делу, я хочу попросить об услуге.

– Извини, но никаких услуг, – сказал Гуаши. – Это все усложнит, и только.

– Мне эта услуга не принесет никакой пользы, – возразил Лео, – поскольку я буду уже мертв. Но она принесет значительную пользу тебе и всем остальным элероям.

– Что ж, видимо, я должен согласиться, – несколько раздраженным тоном ответил Гуаши. – В чем же будет состоять моя услуга?

– Спустись до лесной зоны и передай сообщение властелину планеты. Скажи, что к нам приближается чужой космический корабль.

– Это что, такая шутка? – спросил Гуаши.

– Взгляни на мою эмблему. Я официальный наблюдатель, законно избранный посредством лотереи. Несколько часов тому назад мною был обнаружен чужой корабль. Больше я не желаю говорить с тобой на эту тему.

– Ну-ну, не сердись, – сказал Гуаши. – По-моему, у меня есть причина для некоторого недоверия. Тысяча лет уж минула с тех пор, как мы видели здесь последнего чужака.

– Что-то около того, – подтвердил Лео. – Но раньше чужаки появлялись довольно часто, иногда с целью колонизации или завоевания, иногда ради каких-то исследований, а то и просто так. Но в конце концов мы избавились от них.

– И в этот раз избавимся, – сказал Гуаши. – Разве не так?

– Будем надеяться на лучшее, – ответил Лео.

– Ты думаешь, они смогут нас побеспокоить?

– Непременно побеспокоят, если ты не поторопишься убить меня и не спустишься к деревьям, чтобы послать сообщение.

– Ты можешь спуститься туда сам, – сказал Гуаши. – Дорога очень скользкая, и мне отнюдь не улыбается перспектива пройти ее самому.

– Значит, ты не собираешься меня убивать?

– Я этого не сказал. Ты сам пришел к такому выводу. – Гуаши улыбнулся. – Это бы тебя вполне устроило.

– Что ж, не отрицаю. Но я не ослышался – ты действительно сказал, чтобы я спустился и сам передал сообщение.

– Верно.

– Тогда я пойду.

Гуаши вынул из кармана маленький револьвер.

– Нет, не пойдешь до тех пор, пока не пообещаешь вернуться.

– Конечно, я обещаю, – сказал Лео и пошел, подумав про себя: «Вот деревенщина!»

– И поторопись! – крикнул ему вслед Гуаши. – Моя дочь будет с нетерпением ждать тебя.

Лео остановился и обернулся:

– Дочь? При чем тут твоя дочь?

– Я думаю, что теперь ты сам смог бы ответить на этот вопрос. Совершенно очевидно, что я должен был найти какую-нибудь альтернативу убийству. Вместо того чтобы погибнуть от моей руки, ты можешь вернуться сюда и жениться на моей дочери. С точки зрения драматургии это даже здорово – соединить два враждующих рода и таким образом разрешить застарелый конфликт. Великолепное решение, столь же радикальное, сколь и убийство.

– Теперь это для меня вполне очевидно, – кивнул Лео. – А скажи, что представляет собой твоя дочь?

– Возвращайся и сам увидишь.

– Доброе утро, властелин Афтенбай, – сказал Дентон. – У меня для вас довольно неприятная новость.

– Неужели? – спросил властелин Афтенбай.

Он был расстроен и слегка нахмурился, стараясь, чтобы Дентон это заметил. Выражение его лица говорило: «Вы же знаете, сегодня мой последний день в должности властелина планеты, разве нельзя было подождать, пока не изберут нового властелина?»

– Нет, нельзя, – ответил Дентон, прочитав мысли Афтенбая по многочисленным черточкам на лице.

Искусство такого чтения составляло один из главных предметов системы образования расы элероев. Получить информацию из компьютера может любой. Гораздо важнее возможность разобраться в том, что происходит вокруг.

– Хорошо; если дело настолько серьезно, то, полагаю, я уделю ему внимание, – произнес Афтенбай с некоторой небрежностью, допускаемой элеройским этикетом.

Дентон избрал обычную для него непринужденную, но откровенную манеру разговора. Для премьер-министра, которым он стал в результате лотереи, это была, несомненно, наилучшая линия поведения.

– Перейду прямо к делу, – сказал Дентон. – Лео Хоу, наблюдатель с пика Забвения, докладывает: он обнаружил космический корабль, направляющийся к нашей планете.

– Космический корабль? – спросил Афтенбай. – Чужой космический корабль из внешнего космоса?

– Судя по всему, – ответил Дентон. – Поскольку он не один из наших кораблей, следовательно, должен быть чужим, а так как движется не отсюда, то должен двигаться оттуда. Тот факт, что мы не имеем своих кораблей, также наводит меня на мысль о том, что он, по крайней мере с нашей точки зрения, должен быть чужим, хотя, без сомнения, для его команды он должен казаться своим.

– Все это мне и без вас известно, – раздраженно сказал Афтенбай. – Просто я выразил вполне естественное изумление. В конце концов, последний такой корабль появлялся у нас тысячу лет назад, не правда ли?

– Что-то около того, – ответил Дентон. – Я знал, что вам это известно, но просто решил попрактиковаться в логике, и уверяю, что вовсе не хотел вас обидеть.

– А я и не обиделся. Наверное, мне лучше всего приступить к делу. Процедура давно известна. Надо объявить осадное положение первой степени. Пойдемте со мной, я передам сообщение.

Дентон и Афтенбай пересекли огромную резиденцию властелина и подошли к открытому окну. За окном росло высокое ветвистое дерево, усыпанное маленькими бело-розовыми бутонами.

Афтенбай протянул руку и взялся за ветвь.

– Важное сообщение, – произнес он. – Освободите канал. – Он подождал, пока канал освободится, и заговорил: – К нашей планете приближается чужой космический корабль. Предупредите, пожалуйста, всех, кто находится вокруг вас, но не подсоединился к биологической связи. Мы немедленно приступаем к выполнению оборонного плана «А».

Афтенбай почувствовал, как его послание, пройдя по ветвям и корням дерева, устремилось в ближайший лес, а там пустилось по лианам, выюнам и траве, чтобы обежать всю планету. Где бы ни находился элерой, если он сейчас касался рукой дерева или лианы, он слышит это сообщение.

Афтенбай повернулся к Дентону:

– Этого должно быть достаточно.

– Может, стоит назвать себя? – спросил Дентон.

– Совсем забыл. – Афтенбай снова схватил ветку. – Это говорит ваш Афтенбай. Правитель планеты, если помните. Законно избранный на прошлогодней лотерее. – Он обернулся к Дентону. – Ну как теперь?

– Прекрасно, – ответил Дентон. – Разве добавить фразу-другую для поднятия духа? Полагаю, это входит в обязанности главы планеты.

– Хорошо, будь по-вашему. – Афтенбай опять сжал ветку. – Так повелось, что в тяжелые времена лидер обращается к народу с мудрыми и утешительными словами. Но по правде говоря, я боюсь, и вы тоже, должно быть, боитесь. Появление чужаков не сулит ничего хорошего. Но мы, без сомнения, как-нибудь выкрутимся. – Он отпустил ветку и опять повернулся к Дентону. – Такая речь должна подбодрить, вы согласны?

– На меня, во всяком случае, она произвела впечатление, – ответил Дентон. – Что ж, пойдемте на командный пункт.

– А чего мы там не видели? – спросил Афтенбай.

– Необходимо разработать план, как вести себя с чужаками. Все-таки вы властелин этой планеты, а я ваш премьер-министр.

– Как уверенно себя чувствуешь, когда рядом вы, – заметил Афтенбай. – Всегда-то знаете, что делать.

– До тех пор, пока не приходится отвечать за свои поступки, – сказал Дентон. – Это уж ваша участь.

– Не воображайте, будто я об этом не знаю, – пробурчал Афтенбай. – Ладно, идемте на этот ваш командный пункт.

Посредника Тони разбудило щекотание усика плюща. Скорее всего, плющ действовал не без помощи со стороны – слишком слабая у него внутренняя мускулатура. Конечно, ему помог ветер. А тот, в свою очередь, был вызван универсальным взаимодействием коллективного разума элероев с Гайей, неким духом, – гештальт, в коем слились воедино все души планеты и ее эфирного окружения. Так, во всяком случае, казалось Тони.

Хотя это могло быть и просто счастливым совпадением или, скорее, проявлением интуиции.

Усик снова пощекотал его ногу.

– Что за наглость, черт побери! – сказал посредник тоном хозяина, отчитывающего любимого кота.

Он потянулся, накинул легкий халат и заварил чай. Усик нетерпеливо постукивал по стене.

– Подожди минутку! – прикрикнул на него Тони. – Должен же я позавтракать.

Но усик не понимал его. Ушей у него не имелось вовсе, а разума было так мало, что, как бы ни шумели по этому поводу программы развития универсального интеллекта, его наличие легче было постулировать, нежели доказать.

И посредник Тони уже собрался поразмышлять с часок о возможностях всеобщего развития. Тони был толст, ленив, куда меньше своих приятелей склонен к двигательной активности и очень любил думать об абстрактных вещах. Правда, ему исполнилось всего четырнадцать – для него все еще впереди. Никогда нельзя заранее предугадать, что уготовила тебе программа развития.

Тук-тук-тук.

– Ладно, иду!

Тони неторопливо прошел в гостиную и приблизился к окну, сквозь которое в комнату проникали зеленые усы плюща. Он взял один в руку, и его тотчас же соединили с резиденцией властелина планеты. Насколько Тони помнил, в этом году властелином был Афтенбай, а его премьер-министром – Дентон.

Заговорил сам Афтенбай:

– Тони! Как поживаешь?

– Прекрасно, – ответил Тони. – В чем дело-то?

– Сначала возьми себя в руки, – сказал Афтенбай.

– Это и впрямь нетрудно, особенно после вашего совета – или лучше назвать его выговором? Вы ведь насчет чужаков, угадал? Они уже приземлились?

– Пока нет, – ответил Афтенбай. – Но скоро приземлятся.

– Чертовски вовремя!

– Да, последний визит был тысячу лет назад.

– Вот-вот, – согласился Тони. – Ну и что вы предприняли?

– Задействовал оборонный план «А». Мы установили посадочные огни, так что чужаки, приблизившись на расстояние визуального контакта, увидят, где им приземляться.

– Вы имеете в виду, где мы хотим, чтобы они приземлились, – поправил Тони.

– Верно. Но обычно они придерживались наших рекомендаций. Мы посадим их на берегу Северного залива, поближе к городу Дунгрул.

– Дунгрул? Что-то я не припомню города с таким названием.

– Это потому, что там никто не живет. Разве ты не читал «Руководство по обращению с чужаками»? Дунгрул – фальшивый город, оставленный нам предками. Именно там мы демонстрируем чужакам нашу цивилизованность во всем ее блеске.

– А как вы объясните отсутствие людей? Кто демонстрировать-то станет?

– Не говори глупости. Разумеется, там будет население, оно появится как раз ко времени прилета гостей.

– Похоже, вы едва поспеваете.

– У наблюдателя были кое-какие неприятности из-за лавины и кровной мести, поэтому донесение попало к нам с некоторой задержкой. Но не волнуйся, времени хватит, и ты знаешь, что должен сделать.

– Знать-то знаю, но стоит ли? Я хочу сказать, не найдется ли кого другого, кто имел бы к этому призвание и сделал все гораздо лучше меня?

– Нет. Кроме того, работа есть работа. В этом году тебе досталось быть посредником, так что не отвертись.

– Разумеется, у меня и в мыслях не было, но могу же я выразить свое недовольство. Приступаю сию минуту. Вас устраивает?

– Погоди. Ты знаешь, с чего начать?

– Конечно нет. Не думаете ли вы, что я целыми днями только и решаю, как мне следует действовать в случае появления чужаков? Тем более что они не показывались уже тысячу лет. Но разумеется, прежде чем тронуться в путь, я ознакомлюсь со всей информацией. Мои слова «сию минуту» были просто метафорой, означавшей, что я тронусь в путь, как только произведу все необходимые приготовления, для того чтобы сделать свое дело на совесть. Или, может быть, до вас не дошел смысл моих слов?

– Мальчик, чего-чего, а уж объяснения смысла твоих слов я никогда требовать не буду, – сказал Афтенбай. – Я спросил, знаешь ли ты, что делать, заведомо понимая, что ты не знаешь, но намереваешься узнать. Просто я хотел подчеркнуть, как важно, чтобы ты просмотрел материалы не ради простого любопытства. Или может быть, я говорю недостаточно понятно для тебя?

– Афтенбай, – сказал Тони, – вы добились только одного – вывели меня из себя. Спасибо вам. Как раз этого не хватало, чтобы подстегнуть мою флегматичную натуру и заставить действовать адекватно сложившимся обстоятельствам.

– Удачи тебе, мальчуган, – пожелал Афтенбай. – Иди и вступи в контакт с этими чужаками. Помни, что мы на тебя надеемся. И постарайся поменьше выходить из себя.

– Постараюсь, – пообещал Тони. – В конце концов, самое страшное, что они могут сделать, – это стереть с лица планеты всю нашу цивилизацию. Но если следовать древней общепринятой доктрине о вечном перевоплощении всего сущего, то это не такая уж большая беда, ведь правда?

– Пожалуй, – согласился Афтенбай. – Надо отдать должное широте и беспристрастности твоей точки зрения. Но все же постарайся, чтобы наша цивилизация протянула еще немного.

Прошло не больше часа после приземления. Анна с Бродским сидели за легким обедом из курятины с карри, когда раздался стук в дверь корабельного шлюза.

– Кто бы это мог быть? – спросил Бродский.

Анна оторвала взгляд от лежащей перед ней на столе книги под названием «Первичные контакты с обитателями других планет».

– Нетрудно догадаться, – ответила она. – Это разумный обитатель данной планеты.

– С чего ты взяла, что он разумный?

– Чтобы знать, что нужно стучать, надо иметь мозги. Самая умная земная собака не способна на такое. Она просто лает. Даже наших ближайших родственников, человекообразных приматов, не научишь стучать, перед тем как войти.

Хотелось бы знать, откуда ей это известно. Вероятно, какая-нибудь большая обезьяна, дрессированная, но не слишком, как-то раз вошла к ней без стука. Бродский вообще многого не знал об Анне.

– Почему бы не взглянуть, собственно говоря, – сказал он, широко распахивая дверь шлюза.

Вошел низкий и толстый подросток.

– Привет, – сказал он. – Вы, должно быть, с другой планеты?

– Да, конечно, – ответил Бродский. – А ты, должно быть, из хазар?

– Мы больше не зовем себя так, – сказал мальчик, – мы теперь элерои. Добро пожаловать на нашу скромную планету.

– А откуда ты знаешь английский?

– Телепатия, – объяснил мальчик. – Меня зовут Тони. Я посредник.

Бродский встал, взглянул на Тони и покачал головой:

– А не слишком ли ты юн для посредника?
– Вовсе нет. У нас, элероев, степень ответственности определяется умом и скоростью восприятия, а не возрастом.

– Это не лишено смысла, – заметил Бродский. – Меня зовут Бродский, а это Анна.

Анна пожалала посреднику руку и сказала:

– Наличие общего языка сильно упрощает дело. Мы хотим узнать все о вашей цивилизации. И рассказать о своей.

– Разумеется, ведь это обычная практика, – подтвердил Тони.

– Кроме того, мы желаем осмотреть планету, – прибавил Бродский. – Посетить ваши города, послушать музыку и все такое.

– Конечно. Все гости обычно хотят того же, – сказал Тони. – Пойдемте, я отведу вас в Дунгрул.

– С удовольствием, – сказала Анна. – А мы найдем там вашего лидера – президента, генерального секретаря, или кто он у вас?

– Собственно говоря, он довольно занятой человек, – ответил Тони. – Я уполномочен представлять его.

– Мы должны встретиться с ним до отлета, – заявила Анна, и ее тон не оставлял сомнений в том, что это будет выполнено – коли возможно, так мирным путем, а нет, так любым другим.

О вторжениях чужаков элерои знали все. Они пережили такое множество вторжений, что каждый раз во время очередной высадки представителей других планет только пожимали плечами и говорили: «Ну вот, снова эти чужаки хотят втянуть нас в свои суетные делишки».

Хорошо еще, если чужеземцы прилетали с визитом вежливости. Их любопытство было понятным, хотя и несколько утомительным. Обычно, не встретив сочувствия, они просто улетали обратно. Впрочем, никто не отказывался поддержать с ними беседу, попозировать перед камерой и на прощанье помахать рукой.

Гораздо хуже, если такие гости натыкались на развалины, поражающие их воображение. Большинство визитеров просто помешались на древних руинах.

Элерои, ясное дело, позаботились о том, чтобы спрятать свои памятники старины под купола и перекрытия. Но, несмотря на все ухищрения, некоторые особенно настойчивые пришельцы нет-нет да и отыскивали спрятанное.

Столь же часто, как визитам вежливости, даже, пожалуй, еще чаще, элерои подвергались процедуре вручения подарков. В принципе, у них не было предубеждения против таких подношений. Дарителям дарение доставляло удовольствие и вреда никому не приносило. Но все дары так или иначе оседали на тщательно замаскированных складах, поскольку самим элероям были ни к чему.

Некоторые исследователи посещали Хазару с целью изучения элеройской культуры. Они отличались добросовестностью, честностью, эрудицией, но были опасны, поскольку часто задерживались на долгие годы, приставали ко всем с занудными вопросами и привозили с собой многочисленный персонал. Элерои пытались остудить их исследовательский пыл, демонстрируя произведения искусства, на которые не польстился бы даже индеец из Матагальпы с продетой сквозь нос костью, и выдавая этих чудовищных уродцев за высшие достижения своей культуры. По сути дела, элерои научились изготавливать живописные поделки, которые ни одно разумное существо в здравом уме и трезвой памяти не решилось бы выставить на обозрение у себя в доме. Это было единственное средство борьбы с заезжими коллекционерами, но в некоторых случаях не срабатывало даже оно.

По природе своей элерои хилые, тяжелые на подъем, ленивые и к тому же чересчур умные. На беду, они не умели скрывать свой ум – чем и выдавали свою игру, – потому что высшей наградой считается у них оценка по заслугам. По счастью, большинство незваных гостей

сами оказывались либо недостаточно умными, либо слишком самоуверенными и консервативными, чтобы замечать подобные нюансы.

Чаще всего элеройский прием срабатывал. Чужаки прилетали, сколько-то болтались по планете и отправлялись восвояси, оставляя элеройцев заниматься своими делами. Но иногда в события вмешивалась судьба, а уж ей противиться не дано никому.

Должно быть, именно судьба и привела сюда таких людей, как Бродский с Анной.

– А далеко до Дунгрула? – спросил Бродский.

– Около пяти ли, – ответил Тони. – Наш ли равен одной целой двум тысячным вашего стандартного километра. И боюсь, придется пройти их пешком.

– Разве у вас нет транспортных средств? – спросила Анна.

– Мы их пока не изобрели, – ответил Тони. – Видите ли, мы очень поздно открыли колесо.

– К счастью, наш транспорт у нас с собой, – сказала Анна. – Бродский, не покажешь ли ему автолет?

Бродский сходил в складской отсек и принес ящик величиной с земной гроб. Он выкатил его наружу – тот был на колесиках, – велел Анне и Тони отойти в сторону, отодвинул защелку и нажал на кнопку с надписью «Сборка». Ящик раскрылся, обнажив набор стержней из алюминиевого сплава, способного запомнить форму, и небольшую двигательную установку. Вся конструкция быстро смонтировалась в летательный аппарат.

– Замечательно, – сказал Тони и полез вслед за Бродским и Анной внутрь автолета.

Там было тесновато, но им удалось разместиться. Бродский поднял аппарат в воздух и завис метрах в ста над землей.

– Дунгрул вон там, – показал Тони. – Можете ориентироваться на столб дыма.

– А откуда идет этот дым? – спросила Анна.

– Из трубы новой дымовой фабрики.

– И что производится на этой фабрике?

– Ничего. Ничего, кроме дыма.

– Но в этом нет никакого смысла, – сказала Анна.

– Наоборот, смысл совершенно очевиден, – возразил ей Тони. – Решить, что будет выпускать фабрика, можно и потом. Сперва нужно определить, можно ли терпеть этот дым.

Дунгрул оказался большим, изрядно запущенным поселением с ветхими зданиями и грязными улицами. Тони обратил внимание спутников на главные местные достопримечательности – дом гильдии нищих, министерство социального обеспечения, ресторан «Обжора». По улицам бродили немногочисленные, неопрятно одетые прохожие подозрительной наружности, демонстрировавшие поразительное разнообразие болячек.

– Очень интересно, – объявила Анна после экскурсии. – А теперь нам пора возвращаться на корабль. Не посетите ли вы нас завтра утром?

– Разумеется, – ответил Тони. – У нас осталось еще кое-что, достойное осмотра. Например, горы Камаранг, возносящие свои вершины на высоту более километра. Или река Моут, средняя глубина которой составляет три метра, разлившаяся в самой широкой части почти на сто.

– Нас не интересуют горы и реки, – сказала Анна.

– И разве можно винить вас за это? – ответил Тони с грустной улыбкой. – В конце концов, каждому ясно, что мы отнюдь не процветаем, кроме того, не слишком изобретательны и даже не очень умны. Но мы постараемся по мере сил развлекать вас, пока вы не отбудете в поисках более перспективных миров.

– Не понимаю, зачем так унижать себя, – сказала Анна. – Нет никаких особых проблем, которые нельзя было бы разрешить при помощи витаминов и продуманной системы образования.

– Витамины – это неплохая мысль, – согласился Тони. – Может быть, вы оставите нам немного перед отлетом?

– Мы пока не собираемся улетать, Тони, – твердо сказала Анна. – Завтра обсудим, как нам встретиться с вашим лидером, чтобы доказать ему все преимущества присоединения к нашему Альянсу – как физические, так и моральные.

– Не сомневаюсь в том, что Афтенбаю, властелину Хазары, будет любопытно узнать вашу точку зрения.

– Лучше, если бы это было так.

– Но хочу предупредить заранее: честно говоря, мы, элерои, не любим присоединяться к кому бы то ни было.

– Теперь все изменится, – заверила его Анна. – Человечество ведет войну. Ожесточенные бои идут по всему космосу. На кон поставлено наше существование, и ваше тоже. Вам придется выбрать одну из сторон и соединиться с ней прочными узами. И этой стороной должны быть мы.

– Я передам ваше мнение Афтенбаю, – сказал Тони. – Но вряд ли ему это понравится.

– Какие узы она имела в виду? – спросил Афтенбай. – Я хочу сказать, не в буквальном же это смысле?

– Думаю, что она имела в виду союз, независимый Альянс, представителями которого эти люди являются, – ответил Тони.

– Ах да, наверное, говоря «мы», она имела в виду группу планет, – произнес Дентон. – Среди варваров принято заключать союзы для борьбы с другими союзами. Похоже, они хотят, чтобы мы присоединились к ним. Ишь ты, чуть ли не силой тащат.

При мысли о присоединении к Альянсу Афтенбай содрогнулся. Всю свою историю элерои боялись этого как черт ладана и всячески увиливали от подобных шагов.

Но раз пришельцев не удалось убедить в бесполезности элероев и их планеты, пора идти на крайние меры.

– Нет, я больше не хочу карри, – сказал Бродский за завтраком. – И не желаю лицеизреть твою высокомерную физиономию.

Анна недоуменно посмотрела на него:

– В чем дело?

– Нас послали сюда, чтобы мы выяснили обстановку и доложили о результатах. А не для того, чтобы принуждать аборигенов к вступлению в Альянс.

– Ты получил свои распоряжения, а я – свои, – отрезала Анна.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Не витай в облаках, Бродский. Война идет не понарошку. Неужели ты думаешь, что кто-нибудь сможет отсидеться в своей норе? Какая судьба ждет этих людей, если хорьки нападут на планету раньше, чем мы разместим здесь гарнизон?

– Каждый должен решать сам, присоединяться ему или нет, – возразил Бродский.

– Они могут выйти из Альянса, когда захотят, – ответила Анна. – Таковы правила. Но прежде чем выйти, они должны вступить.

– Но ведь не существует прямых законов, предписывающих подобные действия.

– Да, право на окончательное решение предоставлено офицеру, находящемуся непосредственно на месте событий.

– Я тоже офицер, – возразил Бродский.

– Но я занимаюсь этим делом дольше, чем ты. Это дает мне преимущество.

Тут как раз раздался громкий стук. Бродский встал, чтобы открыть дверь шлюза.

– Не понимаю, зачем мы ссоримся, – сказал он, возясь с запорами. – Наши точки зрения не так уж далеки друг от друга. Я тоже считаю, что элерои должны вступить в Альянс. Но ты выбрала неверный подход.

– А тебе, конечно, известен верный. С каких это пор ты стал специалистом по элерой-ской психологии? Бродский, говорю последний раз: не лезь не в свое дело, я поступлю так, как считаю нужным.

– Добро пожаловать, Тони, – сказал Бродский.

Тони вошел, а за ним еще двое. Бродский даже без представления понял, что перед ним властелин планеты и его первый помощник.

Никакого представления и не последовало. Властелин планеты произнес:

– Это вы пришельцы? Насколько мне известно, у вас есть воздушный летательный аппарат. Сблаговолите поднять его, и я покажу, какие бедствия повлек ваш визит.

С высоты было видно, что за ночь зеленые поля Хазары приобрели коричневый оттенок. Реки, еще вчера мирно струившие свои зеленоватые воды, высохли. Дул опаляющий ветер. Повсюду, насколько хватало глаз, лежала пустыня.

– Мне очень жаль, – сказала Анна, когда они вернулись на корабль. – Я не знаю, что вызвало катастрофу, но ясно, что нашей вины тут нет. Хотя, разумеется, мы готовы помочь вам исправить положение.

– Весьма любезно с вашей стороны, – с горечью произнес Афтенбай. – Вот так всегда: прилетят, опустошат нашу планету, а потом предлагают помощь. Нет уж, благодарим покорно. Лучше улетайте, пожалуйста, и дайте нам возможность самим навести порядок.

По-видимому, Анну одолевали сомнения. Перед ее мысленным взором замаячил при-зрак военного трибунала, неминуемого в случае невыполнения задания.

– Что скажешь, Бродский? – спросила она.

Тот немного удивился:

– Ты спрашиваешь моего совета?

– Да, если ты не против.

Бродский пересек каюту и остановился перед Афтенбаем, Дентоном и Тони. Они смотрели на него угрюмо и грустно. Неожиданно Бродский рассмеялся.

– Ну ладно, – сказал он, – пошутили, и хватит.

– Вы о чем? – спросил Дентон. – Чего хватит?

– Я имею в виду психобиологическую связь, объединяющую элероев со всей планетой и ее энергетической системой. Речь идет также о вашей способности управлять всеми процес-сами на планете.

– Значит, вы полагаете, что мы сами это сделали? – спросил Дентон.

– Разумеется. Для меня совершенно очевидно, что ваша цивилизация создала систему обороны не в общепринятом смысле этого слова. Вы включили химические процессы своего организма в единую систему растительной жизни. Когда вы плохо себя чувствуете, плохо чув-ствует себя вся планета. Урожайи падают, вода загрязняется, воздух портится. И наконец, при-шельцы с отвращением улетают прочь. Таков сценарий. И конечно, раньше уловка удавалась. Но на сей раз номер не пройдет.

– Как вы все это узнали? – глухо спросил Афтенбай.

– Я смог прийти к этому выводу лишь потому, что ничем не отличаюсь от вас. Смышлен настолько, что мне это вредит, а делать, в общем-то, ничего не умею.

– Да, нечто в этом роде, – согласился Дентон. – Полагаю, вам известно, что вся жизнь основана на противоречиях и каждый устраивается как может. Против природы не попрешь, и свои недостатки искоренить очень трудно. Но при разумном подходе можно создать условия, позволяющее свести к минимуму разрушительные процессы, проявлением которых являются эти недостатки. Я не слишком вас запутал?

– Все нет, – ответил Бродский. – Все сводится к тому, что, как бы вы ни были умны, без некоторой толики удачи вам не обойтись. И до сих пор удача сопутствовала элероям. Но ваше будущее зависит от выбора, который придется сделать прямо сейчас.

– Все заставляете нас вступить в ваш варварский Альянс? – проворчал Афтенбай.

– Нет, не заставляю, – ответил Бродский. – Выбирать вам. Только как поступят с вами хорьки и их друзья, если нагрянут сюда? Что касается нас с напарницей, то в случае отказа мы просто улетим. Это я вам обещаю. Правда, Анна?

Анна была озадачена. Она никак не предполагала, что Бродский способен так уверенно взять дело в свои руки. По-видимому, командир Бродского, отправляя его на задание, руководствовался не только стремлением избавиться от нерадивого подчиненного.

– Что ж, очень любезно с вашей стороны, – сказал Афтенбай. – И честно. Мы изучим предложение со всей тщательностью, а пока почему бы вам не полететь спокойно домой? А мы, как только изобретем межзвездные средства передвижения, так сразу и вступим в ваш союз.

– Афтенбай, остановитесь на минутку, – сказал Дентон. – Разве вы не видите, он просто потешается над нами? Ему что-то известно!

Бродский кивнул и повернулся к Дентону:

– Вы так умны, господин премьер-министр, что наверняка уже угадали причину моего веселья.

– Я знаю, я догадался! – подпрыгивая от нетерпения, закричал Тони.

Дентон с достоинством произнес:

– Будьте добры, расскажите, почему вы смеялись. Что вам известно?

– Мне известно, чего вы, элерои, боитесь больше всего на свете, – ответил Бродский.

– Да, да! – Тони пришел в восторг оттого, что делает верные умозаключения быстрее взрослых. – Скажите ему, Бродский! Только начните с самого начала!

– Ладно, – сказал Бродский. – Хотя это было так давно, что вы, возможно, сами не помните, когда все началось. Ну, положим, миллион лет тому назад. Вы осознали, что можете спокойно сосуществовать друг с другом. Бьюсь об заклад, никто из вас не помнит, когда элерои воевали в последний раз. Единственная цивилизация, которая развивалась мирно. Как вам это удалось?

– В некотором смысле просто повезло, – ответил Дентон. – Мы оказались настолько умны, что решили подвергнуть свою расу нескольким серьезным генетическим изменениям, а в качестве основополагающего принципа выбрали биологический альтруизм и заложили его в новый наследственный код.

– Вы выбрали застой и остановились в своем развитии. Может быть, в какой-то момент это было полезно, но все же остановка есть остановка. Вы перестали интересоваться окружающим миром, внушили себе, будто он не существует вовсе. Но, к огорчению элероев, мир не забыл их. Братья элерои – а я считаю себя одним из вас, – пора испытать другую тактику.

– Вы подразумеваете вступление в ваш Альянс? – спросил Афтенбай. – Все ваши мошеннические доводы сводятся к этому, не так ли?

– Разумеется. Только вовсе они не мошеннические. Конечно, я могу ошибаться. Но что-то подсказывает мне, что для вас это было бы наилучшим выходом и вы, в общем-то, со мной согласны, просто ищете благопристойный предлог объявить эту идею своей собственной.

– Черт побери! – смутился Афтенбай. – Ну, если все у вас так логично, то и возразить нечем? А, Дентон?

– Да, думаю, время настало, – сказал Дентон.

Тут уж Анна не выдержала:

– Вы действительно собираетесь вступить в Альянс? И только потому, что посоветовал он?

– Собственно говоря, роль Бродского не так уж мала, – ответил Дентон. – Историческая необходимость выдвигает своих глашатаев там и тогда, где и когда они становятся необходимы. Не поймите так, что я хочу умалить ваши заслуги, старина. Просто столь разумная раса, как наша, сама выбирает путь дальнейшего развития. Присоединиться к Альянсу? Что ж, так тому и быть. Боюсь только, что...

– Да отбросьте вы опасения, – перебил его Бродский. – Уверю вас, это никогда не случится.

– Может, вы прекратите наконец блистать своим чертовым умом и объясните мне, о чем речь?! – взорвалась Анна. – Чего вы боитесь, Дентон? А вы, Бродский? Почему вы так уверены в том, что это никогда не случится? Ну?

Дентон ответил с улыбкой умного и капризного ребенка:

– Нет абсолютно никакого смысла обсуждать этот вопрос. Объясните лучше, как вступить в этот ваш Альянс. Нужно ли заполнять какие-то анкеты? Имеет ли значение отсутствие у нас космических кораблей? И наконец, могу ли я побеспокоить вас просьбой о чашке чая?

– Я приготовлю, – сказал Бродский.

– Нет уж, я сама.

Укрывшись на камбузе, Анна поставила чайник и дала волю своему раздражению. Эти элерои совершенно невыносимы. И умник Бродский им под стать. Беда в том, что она уже начала привыкать к нему. Внезапно ей захотелось приготовить настоящий вкусный ужин с карри. А все-таки, чего же боялись элерои?

– Я вернулся! – крикнул Лео Хоу, наблюдатель, подойдя к хижине Оттолайна Гуиши. – Где твоя дочь?

– Ага! – отозвался Гуиши, появляясь в дверях с револьвером в руке. – Дурак! Нет у меня никакой дочери, на этом продуваемом ветрами склоне тебя поджидает только ужасная смерть. – И он прицелился в Лео.

Хотя и не совсем веря его словам, Лео на всякий случай все-таки закрыл глаза. Уж если суждено быть застреленным, то лучше не видеть, как это случится.

– Ладно, я пошутил, – смягчился Гуиши, кладя револьвер на выступ скалы. – Выходи, Хлоя!

Из хижины вышла невысокая ясноглазая девушка с волосами цвета земляники и улыбкой, которая растопила бы и гранит.

Одного взгляда было достаточно, чтобы Лео понял: они будут очень счастливы вдвоем. И еще он понял, а вернее, почувствовал, что все задумано именно ею; элеройские девушки любят подстраивать экстравагантные знакомства со своими избранниками. Но он догадывался также, вернее, знал наверняка еще об одном обстоятельстве, о котором она не подозревала.

– Мы поженимся, когда ты пожелаешь, – объявил Лео, – но лучше сделать это поскорее, потому что я записался в экспедиционный корпус и никому не известно, когда нам выступать.

– Какой такой экспедиционный корпус? – спросила Хлоя.

– Мы отправляемся на подмогу Альянсу. Разве ты не слушаешь сообщения по биосети?

– Не понимаю, – сказала Хлоя. – Зачем кого-то куда-то посылать? Что умеют элерои? На всей планете не найдется никого, кто способен хотя бы починить стиральную машину.

Лео переглянулся с Оттолайном Гуиши. Будущий тесть понял его, как способен понять только мужчина мужчину.

– Мы поможем им, чем сумеем, – спокойно ответил Лео.

Он, как и Оттолайн, понимал, что это может стать началом конца, ведь элерои настолько превосходят умом всех остальных разумных существ, что рано или поздно их неминуемо попросят возглавить борьбу. А поскольку элерои относились к власти на свой лад, перед ними

возникла бы дилемма. Установка на биологический альтруизм не позволила бы отказаться от власти, а разум воспротивился бы идее принять ее.

Но Бродский заверил их, что этого не случится. Собственно говоря, он высказал свои соображения весьма безапелляционно:

– Вы что, смеетесь? Думаете, президенты и генералы самых развитых цивилизаций Галактики отдадут в ваши руки свои высокие посты только потому, что вы умнее и способнее? Поверьте, этого не произойдет никогда.

Элероям пришлось удовлетвориться его заверениями. Хорошо, конечно, сознавать, что в ближайшем будущем вам не грозят слишком ответственные должности в Альянсе. Однако и немного досадно, что никто их даже не попросит. В конце концов, кто способен руководить лучше?

Жаль, никогда не удастся это проверить.

Впрочем, так ли уж никогда?

Более или менее одновременно у всех элероев стало складываться ощущение, будто переход под их управление сначала Альянса, потом Флота, а там, глядишь, и всего космоса не так уж невероятен.

Именно такие мысли посещают всех полутелепатов, наделенных даром биоэнергетической взаиморегуляции, которая позволяет им управлять средой обитания.

А мысль была занятная. К ней стоило вернуться.

* * *

Когда все поверили, что война закончилась, на Галактику обрушилась неисчислимая орда инсектоидов-ихтонов – настоящая космическая саранча. И было решено построить огромную мобильную базу «Хоукинг», способную вместить тысячи солдат и боевых кораблей.

В 1992 году к созданию антологии «Battlestation» («Боевая станция») под чутким руководством Дэвида Дрейка и Билла Фосетта, кроме Шекли, приложили руку Кристофер Сташефф, Стив Перри, Майк Резник и другие популярные фантасты.

Командировка на Люминос

Перевод Евгения Еремченко

Фрэнк Рашмор направлялся в голубой конференц-зал, где должен был получить новое задание. Он, как и тысячи других офицеров не самых высоких чинов, был внутренне готов, поскольку устал от неопределенности, устал ждать, когда будет решена его судьба высокими чинами в роскошных апартаментах на верхних палубах «Хоукинга». Светило Фрэнку назначение на дальний форпост, расположенный на небольшой, затерянной в дебрях Галактики планете, где ему предстояло дожидаться появления ихтонов, а затем сделать отчаянную попытку ускользнуть в последний момент. Могли его также послать в одну из боевых групп, развернутых в разных местах с целью задержать продвижение ихтонов к Родным Мирам.

– Эй, Фрэнк, постой.

Фрэнк узнал голос торговца Оуэна Стейджинга, с которым был давно знаком, и обернулся. Крупный и видный мужчина, с широкой грудью и приплюснутым носом боксера, чем-то походил на готового к бою быка. Был он грубоват, циничен и не стеснялся в выражениях, но при этом умудрялся поддерживать хорошие отношения со всем экипажем. Фрэнку Оуэн тоже нравился, хотя Рашмор никогда не доверял ему полностью и не разделял его взглядов на жизнь.

– Куда спешишь? – спросил Оуэн.

– Вызвали на совещание, – ответил Фрэнк.

– Давно пора.

– Ну знаешь, это никогда не делается сразу, – сказал Фрэнк.

Оуэн неопределенно пожал плечами.

– Как думаешь, куда тебя пошлют? – спросил он.

– Пока я знаю об этом не больше твоего, – ответил Рашмор.

– Ошибаешься – мне кое-что известно, – загадочно ответил Оуэн Стейджинг.

– Ну и куда же? – спросил Фрэнк.

– Что об этом говорить? Пока у меня только догадки, – лениво ответил Оуэн. – Давай-ка лучше пропустим по рюмочке, после того как получишь назначение. Предлагаю встретиться в баре у Ротифера, согласен? Есть у меня к тебе деловое предложение; думаю, понравится.

Фрэнк с раздражением посмотрел на Оуэна. Вечно этот торгош делает вид, будто знает нечто важное. Хотя кто его разберет, – может, он и вправду сумел что-то разнюхать? Некоторым всегда удается держать нос по ветру и узнавать, где высшее начальство планирует провести следующую операцию против ихтонов.

– Ладно, в баре так в баре. – И Фрэнк поспешил в голубой конференц-зал.

Рассчитанная на пятьсот мест аудитория была заполнена лишь наполовину. Это было круглое помещение без всякой роскоши, освещавшееся мягким рассеянным светом, как и большинство помещений «Хоукинга». Все здесь казалось тусклым, серым, уныло-официальным. Фрэнк занял свободное место в одном из передних рядов между бородатым офицером-артиллеристом и женщиной в мундире интенданта. Обоих он прежде определенно не видел. Вот же странность: сколько ни проживи на «Хоукинге», всегда можно наткнуться на совершенно незнакомого человека. Даже после пяти лет службы на корабле Фрэнк толком не знал никого, кроме десяти – двадцати человек, с которыми приходилось общаться непосредственно по долгу службы. Хотя подавляющее большинство помещений внутри периметра «Хоукинга», а также прилегающие склады, магазины, офисы и предприятия были доступны для всех, люди почти не казали носу из своих секций, общаясь только с теми, с кем связывала работа или дружба.

Неожиданно бородач повернулся к нему:

– Вы Фрэнк Рашмор, если не ошибаюсь?

Офицеру было за шестьдесят, как и Фрэнку. У него был тот усталый и несколько циничный взгляд, который некоторые люди приобретают за долгие годы, посвященные исключительно военной службе. На каковой поощрялась всецелая отдача своему узкому полю деятельности, а флегматичность и нелюбознательность считались самыми подходящими для специалиста качествами. Однако только любопытство, хотя бы самое примитивное, удерживало человека от превращения в бездушную машину.

– Привет, – произнес артиллерист. – Меня зовут Свейн Доррин.

У него было широкое лицо и аккуратно подстриженная шевелюра, и только щетина на подбородке выдавала последователя дагу – загадочного культа, снискавшего некоторую популярность среди персонала Флота в последние годы. Доррин, однако, не выглядел религиозным фанатиком. Он смотрел на Фрэнка скучающим и рассеянным взглядом пресыщенного и давно переставшего удивляться чему бы то ни было человека.

– Уже знаете, куда вас пошлют? – вежливо поинтересовался он.

– Со мной это не обсуждали, – ответил Фрэнк, не желая продолжать разговор. Однако он не нашел подходящего повода и, чтобы не показаться невежливым, спросил в свою очередь: – А вы знаете?

– Конечно, – сказал артиллерист. – Командир назвал меня лучшим специалистом по системам управления огнем класса С, так что никаких боевых действий – меня ждет педагогическая работа. Отправляюсь в систему Гринчарли, буду обучать молодежь на резервной базе.

– Я рад за вас, – сказал Фрэнк.

– Спасибо, – поблагодарил Доррин, не обращая внимания на иронию в голосе собеседника. – А куда пошлют вас, Фрэнк?

– Откуда вам известно, как меня зовут? – спросил Фрэнк.

– Я частенько видел вас в академии на Денебе-Одиннадцать. В те времена вы были отличным стрелком.

Фрэнк знал, что и в самом деле считался хорошим офицером, добросовестным и исполнительным, но недостаточно талантливым и заметным, чтобы достичь высоких чинов. Его имя никогда не появлялось в списках на досрочное продвижение по службе, и каждое очередное звание приходило к нему в положенный срок, не раньше. Он уже отслужил двадцать девять лет, а что получил взамен? Вечные полеты и переселения, осточертевшие интерьеры космических аппаратов, диковинные и негостеприимные планеты, множество женщин, о встречах с которыми он забывал на следующий день, а они – в следующую минуту. Это почти все, что дала ему служба на Флоте, и он порой изумлялся, как быстро прошла жизнь. Пенсионный возраст приближался, а он так и не решил, что же делать дальше – уходить в отставку после тридцати лет службы или продлить контракт. С одной стороны, идет война и покидать Флот в такое время не очень-то красиво. С другой стороны, Флот все время где-нибудь и с кем-нибудь воюет – надо же когда-то подумать и о себе. Фрэнк полагал, что человек обязан что-то сделать для себя, хотя и весьма смутно представлял, что именно.

Артиллерист хотел еще поговорить о давних временах, но в зал вошел офицер кадрового отдела и начал зачитывать приказ. Звали кадровика Джеймс Гилрой; уже много лет именно он зачитывал приказы о новых назначениях, спускавшиеся из отдела боевого планирования Флота.

Внезапно Фрэнк услышал, как Гилрой произнес его имя, и мысли немедленно прекратили свое рассеянное блуждание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.